МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Сушков Даниил Дмитриевич

Итальянское социальное движение: генезис и трансформации (1945-1973 гг.)

5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Н.В. Ростиславлева

Москва 2026

Оглавление

Введение 3
Глава 1. Формирование политических проектов антифашистского Сопротивления . 36
1.1. Итальянская социалистическая партия о переустройстве государства..... 39
1.2. Проект общественно-политических преобразований Итальянской коммунистической партии 56
1.3. Политическая «реконструкция» Христианско-демократической партии 68
Глава 2. Реорганизация итальянского фашизма после войны..... 86
2.1. Роль «Фашей революционного действия» в послевоенной реорганизации фашизма 91
2.2. Программа «Фронта Уомо Квалюнкве» 105
2.3. Формирование «Итальянского социального движения» 121
Глава 3. Идеологические и политические трансформации «Итальянского социального движения» 133
3.1. Два пути развития неофашизма..... 135
3.2. Фракционная борьба внутри ИСД в 1950-е гг..... 151
3.3. Кризис «Итальянского Социального Движения» и радикализация неофашистской молодёжи в 1956-1968 гг..... 166
3.3.1. «Итальянское социальное движение» и «большая правая»..... 166
3.3.2. Разработка новых методов борьбы: концепция «революционной войны» 175
3.4. Противостояние «Итальянского социального движения» с Коммунистической партией Италии в условиях кризиса «центризма» 183
Заключение..... 203
Список источников и литературы 209
Приложения..... 224

Введение

Актуальность. Исследование итальянского неофашизма и его трансформаций имеет ценность в контексте современных дискуссий о популизме, радикализации правых движений и кризисе традиционных партийных систем. Тема фашизма и неофашизма остается болезненной и в то же время крайне идеологизированной в современной культурной и политической риторике. Вместе с тем, изучение того, как фашистские силы адаптировались в демократической системе, помогает понять механизмы легитимации указанных сил и их интеграции в политический мейнстрим сегодня. Хотя подобные процессы были распространены в разных странах Европы, именно Италия демонстрирует наиболее успешный пример адаптации праворадикальных сил в изменившихся политических условиях.

Современные политических акторы отчасти отражают результаты многолетних идеологических и политических трансформаций, свойственных течениям, которые исследователи и журналисты обычно причисляют к «крайне правым» радикалам, продолжающим неофашистские традиции[1]. Другой ряд исследователей настаивает на том, что современных итальянских правых было бы корректней называть «пост-фашистами», поскольку их риторика, в сущности, не выстраивается на преемственности неофашизма XX в.[2], хотя и может содержать в себе внешне схожие черты[3]. Чтобы лучше понять сегодняшнюю действительность

[1] См.: Evolvi G. The World Congress of Families: Anti-Gender Christianity and Digital Far-Right Populism // International Journal of Communication. 2023. № 17. P. 2805–2822; Bianchi E. “Dio, patria e famiglia”: ecco perché quello slogan è una bestemmia // La Repubblica. 5 settembre 2022.

[2] Алексеенкова Е. С. Трансформизм итальянского популизма: Мелони, Сальвини, Берлускони // Европа в глобальной пересборке. М., 2023. С. 97-113.

[3] См.: Tarchi M., Carioti A. Le tre età della fiamma: La destra in Italia da Giorgio Almirante a Giorgia Meloni. Milano, 2024; Donà A. The rise of the Radical Right in Italy: the case of Fratelli d’Italia // Journal of Modern Italian studies. 2022. Vol. 27. №. 5 P. 775–794; Pasquino G., Valbruzzi M. Sovereignty in the Italian polling booths // Journal of Modern Italian studies. 2019. Vol. 24. № 5. P. 641–647.

и оценить обоснованность подобных оценок, необходимо обратиться к изучению идейных корней этих сил изнутри.

Политические тенденции последних лет характеризуются кризисом либерально-демократической системы, усилением евроскептицизма и праворадикальных настроений. Приход к власти партии «Братья Италии» под руководством Дж. Мелони, обеспечившей наиболее стабильное правительство за последние годы, обусловливает необходимость вновь обратиться к изучению идейно-политических истоков современных правых партий и движений; понять, является ли их риторика и методы борьбы заимствованием у своих предшественников[4] или же они представляют отдельный процесс идеологического развития, связанный с прошлым лишь символически[5].

В современной отечественной историографии ещё нет работы, комплексно осветившей зарождение и развитие партии «Итальянское социальное движение», которая нередко до сих пор рассматривается как однородное явление. Вместе с тем, внутри ИСД и в её орбите возникали различные праворадикальные группы и организации, оказывавшие заметное влияние на общественно-политическую жизнь страны, формируя самобытные культурные и интеллектуальные феномены.

Научная проблема диссертации призвана показать, каким образом гетерогенность правого радикализма в Итальянской Республике влияла на формирование партии «Итальянское социальное движение» и определяла векторы и особенности её трансформации.

Степень изученности темы исследования

Массив исследований, использовавшихся в настоящей работе, можно разделить на несколько групп.

Первая историографическая группа состоит из общих работ по политической истории послевоенной Италии.

---

[4] См.: Vercelli C. Neofascismi. Torino, 2018.

[5] О «пост-фашизме» см.: Ignazi P. Postfascisti? Dal Movimento sociale italiano ad Alleanza nazionale. Bologna, 1994; Tarchi M., Carioti A. Le tre età della fiamma: La destra in Italia da Giorgio Almirante a Giorgia Meloni. Milano, 2024.

Для изучения исторического контекста, в котором происходило развитие неофашизма, необходимо обратиться к исследованиям, посвящённым анализу процессов восстановления итальянской государственности. Несмотря на большое количество работ по этой теме и отсутствию каких-либо пробелов, тема носит дискуссионный характер, сочетая множество интерпретаций событий тех лет, отталкивающихся от разных факторов.

Историк Н. Коган[6], анализировал события первого послевоенного двадцатилетия с позиции общественно-политических преобразований, произошедших в стране при власти христианских демократов. Его работа богата фактическим материалом, поскольку была написана для ознакомления американской аудитории с итальянским контекстом. Автор фокусировал внимание не столько на полемике, наполнявшей публичное пространство указанного периода, сколько на реформах и их результатах.

А. Гамбино[7] рассматривал политические события, происходившие в стране, акцентируя внимание на борьбе между партиями-участницами антифашистского Сопротивления. Становление нового итальянского государства рассматривалось им как процесс конкурентной борьбы христианских демократов и коммунистов за власть, в которой первые получили более выгодные позиции благодаря активности А. Де Гаспери.

К схожим выводам пришёл и Г. Формигони[8], отстаивавший идею о соревновательных началах в политике в первые послевоенные годы, когда явным преимуществом не обладала ни одна из политических сил антифашистского Сопротивления, а исход борьбы оставался неясен.

Историк А. Лепре, один из крупнейших специалистов по истории послевоенной Италии, помимо политических событий тех лет стремился акцентировать внимание на международном статусе страны и сложной дипломатической ситуации, которая предопределила формат нового итальянского

---

[6] Kogan N. A political history of postwar Italy. New York, 1966. [на итал.: L’Italia del dopoguerra. Storia politica dal 1945-1966. Bari, 1968.]
[7] Gambino A. Storia del dopoguerra. Dalla Liberazione al potere DC. Vol. 1,2. Roma-Bari, 1978.
[8] Formigoni G. La storia essenziale dell’Italia repubblicana. Bologna, 2021.

государства[9]. Так, большое влияние англо-американских союзников на полуострове сделало невозможным реализацию иных проектов, кроме «реконструкции» А. Де Гаспери, поддержанного союзниками.

Подобным образом интерпретировал присутствие войск союзников в Италии и левый историк Э. Серени. Его книга «Юг в оппозиции»[10] вышла в 1948 г., после окончательного развала «трёхпартийного» правительства и была направлена на критику политики А. Де Гаспери. Э. Серени полагал, что лидер христианских демократов воспользовался помощью итальянских промышленников и англо-американских сил, фактически оккупировавших юг страны, чтобы получить власть и отдалить от неё коммунистов, представлявших, по мнению историка, единственную легитимную силу в стране. Эта позиция, безусловно, имеет основания, поскольку А. Де Гаспери действительно стремился наладить отношения со странами-союзницами, однако фокус исследования, в котором всякая политическая борьба рассматривается исключительно как препятствование левым силам, по мнению автора диссертации, некорректна, т.к. исключает многосторонний анализ послевоенной ситуации.

Примером противоположного мнения можно считать исследование Дж. Бедески[11], в котором политические процессы, происходившие в стране, рассматривались как борьба против постоянного давления левых сил, якобы несших авторитарные идеи и препятствовавших демократическим процессам в стране.

Отдельно стоит упомянуть работы выдающегося историка и журналиста И. Монтанелли. Он досконально разобрал различные этапы послевоенной истории[12], отстаивая идею о том, что события 1943-1945 гг. были гражданской войной, разворачивавшейся на фоне противостояния стран Оси и англо-американских союзников. По его мнению, общество так и оставалось расколотым после войны, что

[9] Lepre A. Dal crollo del fascismo all'egemonia moderata. L'Italia dal 1943-1947. Napoli, 1973.
[10] Sereni E. Il mezzogiorno all'opposizione. Torino, 1948.
[11] Bedeschi G. La prima repubblica (1946-1993). La storia di una democrazia difficile. Soveria Mannelli, 2013.
[12] См.: Montanelli I., Cervi M. L'Italia del miracolo. Dal 14 luglio 1948 al 19 agosto 1954. Milano, 2006; Montanelli I., Cervi M. L'Italia della Repubblica. Dal 2 giugno 1946 al 18 aprile 1948. Milano, 1985; Montanelli I., Cervi M. L'Italia disfatta. Milano, 1983. ; Montanelli I., Cervi M. La Guerra civile. Milano, 1984.

не позволяло говорить об объединяющем факторе антифашизма. И. Монтанелли отстаивал идею о том, что страна утратила собственную перспективу сначала из-за деградации фашистского режима, во многом произошедшего из-за Б. Муссолини, а впоследствии из-за борьбы разных политических сил, преследовавших не национальные, а партийные интересы. Подобный подход позволил сформировать комплексный исторический нарратив, отражающий разные стороны политической истории страны в разные временные периоды.

Ранний этап изучения итальянского неофашизма в отечественной историографии представлен трудами А. И. Рябова[13], Б. Н. Бессонова[14], Б. Р. Лопухова[15], Г. С. Филатова[16], М. Н. Филатова[17], Ц. Кин[18]. Учёные рассматривали политические процессы в Италии с точки зрения критики западных обществ, в рамках которой неофашизм интерпретировался в качестве инструмента буржуазных сил для сдерживания влияния ИКП в условиях «стратегии напряжения». Опора преимущественно на документы итальянских коммунистов является репрезентативными для левой интеллектуальной традиции 1970-1980-х гг., однако не предлагает исчерпывающего анализа идеологической структуры и внутреннего развития неофашизма. Среди современных исследований, продолживших данную традицию, отметим книгу Я. Славиной «Фашизм в Италии: 100 лет постоянства и перемен», в которой автор интерпретировал неофашизм как инструмент борьбы с левыми силами, получивший широкую поддержку от ЦРУ и ряда тайных организаций[19].

Нельзя также не упомянуть фундаментальные исследования, посвящённые изучению фашистского периода. Среди них важное значение имеет работа В. И. Михайленко[20], посвящённая комплексному и глубокому анализу

---

[13] Рябов А. И. Критический анализ политической идеологии итальянского неофашизма: диссертация канд. философских наук: 09.00.02. М.: ИМНД АН СССР, 1977.
[14] Бессонов Б. Н. Фашизм: идеология, политика. М., 1985.
[15] Лопухов Б. Р. Неофашизм: опасность для мира. М., 1985.
[16] Филатов Г. С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. М., 1984.
[17] Филатов М. Н. Неофашистская идеология и молодежь. Алма-Ата, 1987.
[18] Кин Ц. Итальянский ребус. М., 1991.
[19] Славина Я. Фашизм в Италии: 100 лет постоянства и перемен. М., 2025.
[20] Михайленко В. И. Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск: Изд-во

формировавшейся в послевоенный период историографии фашизма. Основные направления, проанализированные исследователем, сохраняют актуальность и могут быть востребованы при изучении неофашизма. Отметим также ставшей классической работу Л. С. Белоусова «Режим Муссолини и массы»[21], в которой особое внимание уделено проблеме консенсуса, оформившегося в обществе в период «фашистского двадцатилетия». Ряд расхожих в то время коммуникативных практик использовался впоследствии и неофашистами, например, апеллирование к национальному величию, истории, патриотизму и религиозным ценностям было характерным и для послевоенного развития праворадикальных сил.

В контексте изучения антифашистских политических сил особенно отметим исследования Н. П. Комоловой[22], изучавшей программы партий, способы взаимодействия внутри Сопротивления и с итальянскими массами, а также монографию В. П. Любина «Социалисты в истории Италии», в которой представлен обширный срез политической истории страны через призму деятельности ИСП[23].

Вторая историографическая группа состоит из общих работ по истории «Итальянского социального движения» и правого радикализма в послевоенной Италии.

Обобщающие работы по данной теме появились в 1970-1980-е гг., авторы пытались ввести феномен «Итальянского социального движения» в круг проблем, рассматриваемых академическим сообществом, т.к. до 1980-х гг. история этой партии игнорировалась академическими исследователями, из-за чего в этот период она «обрастает мифами и становится жертвой “апологетичной или негативной памфлетистики”»[24].

К исследователям, обосновывавшим идею о том, что ИСД стала естественной реакцией на сложившуюся после войны историческую и политическую действительность, которую стоит изучать более основательно, можно отнести

Урал. ин-та, 1987.

[21] Белоусов Л. С. Режим Муссолини и массы. М.: Изд-во МГУ, 2000.

[22] См.: Комолова Н. П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. М.: Наука, 1972.

[23] Любин В. П. Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники 1892-2006. М., 2007.

[24] Ignazi P. Il polo escluso. Profilo del Movimento Sociale Italiano. Bologna, 1989. P. 9.

П. Иньяци, написавшего одну из первых фундаментальных работ по истории «Итальянского социального движения»[25]. Автор постарался затронуть максимально широкий спектр вопросов, начиная от истоков движения, её зарождения и становления, заканчивая организационными особенностями ИСД на разных этапах его существования. Главной целью исследователя стало стремление показать общественности и, прежде всего, академическому сообществу, необходимость изучения феномена ИСД, без которого оставался неполным политический, исторический и социальный контекст эпохи.

Совместное исследование Р. Кьярини и П. Корсини также стало одной из первых попыток написания комплексного труда об истории ИСД[26]. Исследование посвящено функционированию «Итальянского социального движения» в Брешии[27]. Данный регион имел большое символическое значение для ИСД, т.к. именно здесь находились многие министерства правительства республики Салò, а в 1974 г. произошел крупный теракт на площади Лоджиа, организованный неофашистской ячейкой. Через анализ событий, приведших к теракту 1974 г., который проводился на основе документов, собранных местным отделением ИСД, авторы стремились выработать «неофашистскую матрицу», которую можно было бы применять для Италии в целом[28].

Исследование П. Дж. Мурджиа[29] посвящено анализу политической жизни послевоенной Италии. Автор показывал, почему сразу после поражения фашизма, стало возможно появление (нео)фашистских групп и ячеек. Одним из важных событий, предопределивших не только появление фашистских организаций, но и возникновение ИСД, согласно автору, стала амнистия 1946 г., когда на свободу было выпущено более 40 тыс. заключенных[30]. К причинам амнистии исследователь

---

[25] Ibid. P. 9-10.
[26] Chiarini R., Corsini P. Da Salò a Piazza della Loggia. Blocco d'ordine, neofascismo, radicalismo di destra a Brescia (1945-1974). Milano, 1983.
[27] Бре́шиа (итал. Brescia) — город на севере Италии, второй по величине в Ломбардии. Административный центр одноимённой провинции, крупный экономический центр.
[28] Chiarini R., Corsini P. Op. cit. P. 33.
[29] Murgia P. G. Il vento del Nord. Storia e cronaca del fascismo dopo la Resistenza (1945-1950). Milano, 1975.
[30] Ibid. P. 149.

относил стремление «примирить нацию», привлечь бывших фашистов в тот или иной политический лагерь, а также стратегия П. Тольятти – одного из главных сторонников и организаторов амнистии – по привлечению «левых» фашистов в коммунистическую партию.

Вместе с тем, амнистия не только не разрешила внутренних противоречий итальянского общества, но, напротив, привела к дестабилизации ситуации: появилось большое количество разочарованных членов Сопротивления, начались убийства освобожденных узников, а вышедшие из подполья фашисты стали хаотично организовывать террористические ячейки и профашистские журналы. Если первые не были столь эффективны в борьбе против антифашистского режима, то деятельность журналов и издательств, напротив, быстро стала дестабилизирующим фактором для лишь укреплявшейся власти. Стремясь снизить градус общественного напряжения, Ватикан и христианские демократы, обладавшие преимуществом в правительстве, способствовали созданию «партии побеждённых» – «Итальянского социального движения», ставшей одним из полюсов антикоммунистической борьбы[31].

Поскольку ИСД сформировалась через объединение журналов, профашистской направленности, ядром партии стали коллективы журналов «Fracassa», «Lettere», «Rataplan», «Rivolta ideale» и «Rosso e nero». Все они действовали в разных регионах страны и должны были перерасти в единую партийную сеть[32]. Несмотря на большое количество внутренних противоречий, фашисты уже через год после окончания войны сумели организовать собственную партию.

Изучению роли печатных изданий в формировании неофашистского дискурса посвящена работа Э. К. Вольфф[33]. Автор проанализировал неофашистскую прессу и попытался реконструировать политическую культуру ИСД[34]. В том же ключе

[31] Ibid. P. 149-153, 257-292.
[32] Ibid. P. 296-300.
[33] Wolff E.C. L’inchiostro dei vinti. La stampa e ideologia neofascista (1945-1953). Milano, 2011.
[34] Ibid. P. 15-16.

двигался и М. Боцци[35]. Оба исследователя пришли к выводу о том, что на протяжении своей истории «Итальянское социальное движение» так и не сумело выработать чёткой политической культуры, сохраняя гетерогенный характер.

Отметим также трёхтомный труд Н. Рао[36], в котором автор не только проанализировал путь ИСД, но также предпринял попытку описать «итальянскую правую» в максимально широком спектре, основываясь на собранных устных свидетельствах.

Исследование А. Бальдони[37] представляет собой «хронику» основных событий, произошедших в праворадикальной среде за более чем 50-летний период. Несмотря на фактическое отсутствие аналитической части, книга содержит богатый фактологический материал за счёт своей энциклопедической композиции.

Дж. Парлато и А. Унгари концептуализировали представление о разных «правых», к которым относились как популисты Г. Джаннини, монархисты, интеллектуалы-консерваторы, сформировавшие знаменитый журнал «Candido» и «il Borghese», так и неофашисты ИСД. Анализируя историческое и идейно-политическое формирование этих групп, исследователи стремились расширить представление о разнообразии итальянских «правых», не ограниченных лишь неофашизмом[38].

Наконец, в исследовании М. Тарки и А. Кариоти[39] была предпринята попытка проследить генезис и трансформации итальянского неофашизма от периода его зарождения, до правых партий современности. Авторы отстаивали идею о том, что современные правые политические силы не имеют ничего общего с неофашистскими партиями прошлого, за исключением символики и ряда риторически схожих лозунгов, обусловленных, тем не менее, разными историко-политическими контекстами.

---

[35] Про неофашистскую прессу см. также: Bozzi M. Dal neofascisno alla nuova destra. Le riviste 1944-1994. Roma, 2007.
[36] Rao N. Trilogia della celtica. Milano, 2014.
[37] Baldoni A. Destra senza veli (1946-2017). Storia e retroscena dalla nascita del MSI ad oggi. Roma, 2017.
[38] Parlato G., Ungari A. Le destre nell'Italia del Secondo dopoguerra. Dal qualunquismo ad Alleanza nazionale. Soveria Manelli, 2021.
[39] Tarchi M., Carioti A. Le tre età della fiamma: La destra in Italia da Giorgio Almirante a Giorgia Meloni. Milano, 2024.

Помимо вышеперечисленных работ, написанных в духе историцизма, схожего с подходом Р. Де Феличе, где исследователи рассматривали феномены неофашизма и «Итальянского социального движения» в качестве одного из факторов, формировавших политический ландшафт страны и её политическую культуру, стоит отметить ряд исследований, авторы которых исходят из иного принципа, рассматривая существование ИСД с точки зрения её соответствия морально-этическим принципам демократического общества. Так, историк Д. Конти[40] говорит о «Движении» как о неотъемлемой части новой республики, которая, тем не менее, стала симптомом так и не преодолённого прошлого. Анализируя путь основателей ИСД после окончания Второй мировой войны и делая акцент на их нелегальном статусе, Д. Конти стремился показать «подпольное» происхождение партии, выражавшей недоверие и агрессию по отношению к новой власти. Эти факторы, по его мнению, определили восприятие республики в неофашистских кругах.

Историк К. Верчелли[41] стремился выявить аспекты «фашистской идентичности», проследить их формирование и переход от времен «исторического фашизма» к современности. «Фашистское мышление», по мнению исследователя, возможно выявить, исходя из следующих критериев: 1) фашизм, проиграв в политической борьбе в 1945 г., сохранился благодаря «фрагментации» движения в новых условиях демократизма, предустановившего невозможность существования фашизма в той или иной форме; 2) фашистская идентичность в сущности популистская и выражается при помощи формулы «мы не правые и не левые»; 3) фашисты воспринимают себя как единственно верных и истинных выразителей воли «народа», не имея никакого политического представительства; 4) нонкомформизм является главной составляющей их идентичности. «Уже во времена “маринеттизма” и “даннунцианства” претензия на императивное повеление “сломать строй” оказалась сугубо функциональной для антидемократического дискурса»[42], - пишет исследователь.

---

[40] Conti D. Fascisti contro la democrazia. Almirante e Rauti alle radici della destra italiana (1946-1976). Torino, 2023.
[41] Vercelli C. Neofascismo in grigio. La destra radicale tra l’Italia e l’Europa. Torino, 2021.
[42] Ibid. P. 9.

При изучении феноменафашизмаК. Верчелли отталкивался от представления о нём как о популистском движении, стремящемся инструментализировать демократические институты для прихода к власти. Несмотря на ряд справедливых замечаний, таких как «фрагментизация» фашизма, другие тезисы исследователя могут быть оспорены: так, всякая политическая сила в эпоху массового общества неизбежно становится популистской, поскольку популизм – это не идеология, а способ осуществления политики, метод и инструмент[43], который, настолько прочно встроен в структуру политики, что становится своеобразным фоном всего политического процесса[44]. В этом смысле, антифашистские партии были не менее популистскими, поскольку их инструментарий взаимодействия с массами был схожим. Помимо этого, в контексте Европы после Первой мировой войны, в период, когда формировался итальянский фашизм, концепция «третьего пути» представляла из себя ряд социально-политических проектов и экспериментов, формировавшихся вокруг конкретных философских систем и до конца развивавшихся в полемике между собой[45], что не позволяет говорить о «третьем пути» лишь как о ситуативном выражении недовольства, подобно тому, как это позднее делал Г. Джаннини.

Ф. Феррарези анализировал историю правого радикализма с разных сторон: во-первых, автор воспринимал систему политических координат «лево-право» как довольно гибкую и изменчивую структуру, в логику которой затруднительно уложить природу праворадикальных сил послевоенного времени. С этим утверждением можно согласиться, т.к. вопрос соотношения левых и правых до сих пор является объектом анализа научного сообщества[46].

---

[43] См.: Benedetti V. Sovranismo. La grande sfida del nostro tempo. Roma, 2021.

[44] Тэвдой-Бурмули А. И., Осколков П. В. Существует ли популизм? Переосмысляя «политологическую моду». URL: https://clck.ru/3Pgj8P (дата обращения: 11. 10. 2025).

[45] Примечательна в этой связи деятельность журнала «Critica fascista» под руководством Дж. Боттаи. На страницах журнала на протяжении всего «фашистского двадцатилетия» велась полемика о дальнейшем пути развития фашизма.

[46] См.: Bobbio N. Le ideologie e il potere in crisi: Pluralismo, democrazia, socialismo, comunismo, terza via e terza forza. Firenze: le Monnier, 1981; Боббио Н. Правые и левые // Неприкосновенный запас. 2003. № 5. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2003/5/pravye-i-levye.html (дата обращения: 20.12.2024); Гоше М. Правые и левые. История и судьба. М.: НЛО, 2024.

Далее, историк подверг анализу природу правого радикализма. Он стремился прийти к концептуальному пониманию идентичности «Итальянского социального движения», исходя из социального состава партии, электоральная база которого находилась преимущественно на Юге страны[47], т.е. в регионах наименее подверженных индустриализации.

Ф. Феррарези рассматривал появление правых групп с юридической точки зрения. Историк пришёл к выводу, что запрет подобных партий, связанный с фашистским прошлым их членов, привел бы к нарушению фундаментальной юридической формы об «обратной силе уголовного законодательства»[48]. Твёрдость юридической нормы, по мнению исследователя, стала одной из главных причин активизации праворадикальных групп в Италии. Он также указывал и на характер идеолого-философских установок, подчёркивая, что «радикальная правая всегда была небольшим числом активистов, чья бескомпромиссная враждебность к системе резко сократила их доступ к материальным ресурсам»[49].

Исследование Ф. Феррарези представляет собой значимую работу, затрагивающую различные аспекты неофашистской политической культуры, совмещающей в себе как морально-нравственную оценку анализируемых феноменов, так и работу с историческими документами и текстами, представляющими интеллектуальную основу ряда праворадикальных групп.

Вместе с тем, рассмотрение правого радикализма и «Итальянского социального движения» в качестве фактора, «угрожающего демократии», определяет общую направленность исследования, находящегося под воздействием демократических ценностных установок.

Среди авторов, анализировавших неофашизм в транснациональном контексте, отметим А. Маммоне[50] и М. Альбанео[51]. Оба автора рассматривали неофашизм в качестве общеевропейского феномена, формировавшегося посредством оформления

[47] Ferraresi F. Op. cit. P. 14.
[48] Ibid. P. 35.
[49] Ibid. P. 61.
[50] Mammone A. Transnational Neofascism in France and Italy. New York, 2015.
[51] Albaneo M. The transnational making of neofascism. New York, 2025.

тесных связей между политическими и интеллектуальными кругами, сохранявшими лояльность рухнувшим наци-фашистским режимам Европы.

Среди отечественных исследователей отметим Э. А. Замова. В статье «Джорджо Альмиранте: фашизм после фашизма»[52] автор проводит контент-анализ речей секретаря ИСД, посвящённых разным внутри- и внешнеполитическим проблемам Италии в 50-80-е гг. XX в. Это единственный отечественный исследователь, поднявший вопрос о сущности «неофашистской» идеологии Дж. Альмиранте, которая, на его взгляд, напоминает более «социально-либеральную» идеологическую систему[53].

В статье С. Е. Князевой «Неофашистская партия Итальянское социальное движение и “дело 12 декабря”»[54] были проанализированы истоки итальянского неофашизма, методы политической борьбы ИСД и связи с секретными структурами государства. Автор рассматривала «Движение» в традиционной левой оптике, опираясь на сведения из газет «*Avanti!*» и «l’Unità», и сделала вывод о том, что на успех неофашистов повлияли тесные связи с государственными властями и коррумпированность чиновников, что вновь отсылает к историографическим дискуссиям, проходившим в 70-80- е гг. XX в.

Третья историографическая группа затрагивает вопросы молодёжной политики ИСД и роль молодёжи в формировании партии. Одним из главных авторов, занимавшихся указанной проблемой, является А. Кариоти[55]. Основой для его исследований стали не только архивные материалы, но и большое количество интервью, которые исследователь лично брал у участников событий тех лет, включая и руководителей партии.

А. Кариоти проанализировал вклад молодого поколения в создание «Итальянского социального движения». Большую популярность ИСД среди

---

[52] Замов Э. А. Джорджо Альмиранте: фашист после фашизма // Вопросы всеобщей истории УГПУ, 2016. № 18. С. 208-216.
[53] Там же. С. 211.
[54] Князева С. Е. Неофашистская партия Итальянское социальное движение и “дело 12 декабря” // Фашизм и антифашизм: проблемы теории и практики. Спб., 2023. С. 573-602.
[55] См.: Carioti A. Gli orfani di Salò: il “Sessantotto nero” dei giovani neofascisti nel dopoguerra, 1945-1951. Milano, 2008; Carioti A. I ragazzi della fiamma: i giovani neofascisti e il progetto della grande destra, 1952-1958. Milano, 2011.

молодёжи автор объяснял рядом факторов: во-первых, в послевоенной Италии значительная часть молодёжи была взращена в период «фашистского двадцатилетия»[56]. Это предопределило отношение молодых людей к поражению в войне как к личной катастрофе[57]. Во-вторых, заключение мирного соглашения с Союзниками воспринималось ими как «предательство» со стороны короля и военной верхушки[58], что дискредитировало в их глазах весь послевоенный политический строй[59] и побуждало к поиску иных политических альтернатив.

А. Кариоти также подчёркивал, что молодёжь тех лет не стремилась вернуть в стране фашистский режим, многие участники гражданской войны 1943-1945 гг. отмечали, что главной их задачей была борьба с Союзниками на территории Италии и сопротивление англо-американской оккупации страны[60]. Важным моментом самоидентификации людей был скорее «фашистский миф», в основе которого лежал «антиматериализм» и «ценности духа»[61].

Исследователь показывал, что уже на начальном этапе существования партии наметились две основных линии её развития, приведшие к дальнейшим расколам: с одной стороны, находились представители старшего поколения, желавшие встроиться в легальный политический процесс; с ними же находилась и умеренная молодёжь. Альтернативную позицию представляли многочисленные радикальные группы и кружки, не желавшие вступать на путь легальной борьбы, многие из таких групп вдохновлялись идеями философа-традиционалиста Ю. Эволы. Это противостояние и предопределило, по мнению исследователя, политический и идейный профиль молодых членов ИСД в послевоенный период, а также молодёжную политику партии.

---

[56] «Фашистское двадцатилетие» (от итал. Ventennio fascista) – период с 1922 по 1943 гг., когда у власти находилась Национальная фашистская партия во главе с Б. Муссолини.
[57] Carioti A. Gli orfani di Salò: il “Sessantotto nero” dei giovani neofascisti nel dopoguerra, 1945-1951. P. 18.
[58] Среди бывших бойцов Республики Салò и членов ИСД расхожими были такие выражения: «Против предателя короля и лживого труса Бадольо» (итал.: “Contro un re fellone e un Badoglio mentitore e codardo”); «Предательство короля изменника и труса» (итал.: “tradimento del re fellone e codardo”) и т.д.
[59] Carioti A. Gli orfani di Salò. P. 19.
[60] Ibid. P. 23.
[61] Ibid. P. 86-87.

В книге о молодых членах ИСД[62], А. Кариоти анализировал роль «миссинцев»[63] в формировании т.н. «большой правой» – политического блока, который должен был объединить все антикоммунистические и антилиберальные силы Италии для совместного участия в политической жизни страны. По мнению исследователя, одной из основных причин неудачи этой инициативы являлось нежелание различных лобби внутри партии идти на компромисс в плане идеологического строительства и в вопросах используемых политических методов. Этот тезис подвергает сомнению позицию, согласно которой главной причиной поражения проекта «большой правой» стала ошибочная стратегия секретаря ИСД А. Микелини, неверно оценивавшего соотношения сил на политической арене, поскольку характер его власти в этом случае представляется весьма ограниченным.

В воспитании неофашистской молодёжи большую роль играли университетские группы и объединения, такие как «Caravella» и «FUAN». Изучению студенческих структур посвящена книга А. Аморезе[64]. Автор исследовал роль указанных организаций и характер их взаимодействия с ИСД, который менялся от поддержки к попытке партийной верхушки взять под контроль студенческие сообщества. Кроме того, исследователь дал оценку роли неофашистской молодёжи в выступлениях 1968 г., ставших, по его мнению, важной вехой в формировании правой молодёжной культуры.

Формированию и развитию «правого» дискурса в молодёжной и студенческой среде посвящена также монография А. Бальдони[65]. Исследователь впервые затронул события 1968 г. и проанализировал реакцию руководства ИСД и правых студенческих организаций на майские беспорядки.

Согласно А. Бальдони, одной из главных проблем всего правого политического спектра являлась то, что он фактически не был представлен в культурном и общественном пространстве Италии, в котором преобладали левые

---

[62] Carioti A. I ragazzi della fiamma. Milano, 2011.
[63] Missino (русск. миссинец, миссинка. Произв. от. MSI (Movimento sociale italiano)) – член партии «Итальянское социальное движение».
[64] A. Amorese. FUAN. Gli studenti *nazionali* tra piazze e atenei. Massa, 2017.
[65] Baldoni A. Noi rivoluzionari. La Destra e il “caso Italiano”. Appunti per una storia 1960-1986. Roma, 1986.

интеллектуалы[66]. Исследователь связывал это с рядом политических изменений, имевших место в период понтификата Иоанна XXIII[67]. Основной тенденцией этого периода стало сближение Церкви и ИКП на фоне общего для обеих сил «интернационализма»[68] и либерализации Церкви, оформившейся в её новом курсе по итогам II Ватиканского Собора (1962-1964 гг.). Эта тенденция способствовала снижению интенсивности связей между ИСД и Святым престолом, выстроившихся в 1950-е гг. на фоне напряжённых отношений между блоками и разрешением территориальных споров между Италией и Югославией[69].

Отдельное внимание автор уделял анализу двух идейных противников, повлиявших на сознание молодёжи того периода: для левых радикалов символом их борьбы стал Г. Маркузе, а правая молодежь обращалась к наследию итальянского философа-неогегельянца Дж. Джентиле[70]. Оба мыслителя исходили из общего тезиса о враждебности окружающей действительности для человека, однако давали разные способы её преодоления. Если Г. Маркузе намеревался осуществить «великий отказ», с «глубинной деконструкцией текущих порядков», то Дж. Джентиле отстаивал идею диалектического развития в духе «сотрудничества между старым и новым, между авторитетностью и свободной инициативой»[71]. Вместе с тем, исследователь не затронул деятельность другого правого мыслителя Ю. Эволы, идеи которого оказывали намного бо̀льшее влияние на молодёжь, чем неогегельянские построения Дж. Джентиле.

Четвёртая историографическая группа рассматривает роль Ю. Эволы в формирование правых интеллектуальных кругов.

Творчеству Ю. Эволы и его влиянию на итальянских правых посвящено исследование Ф. Кассаты[72], в котором подробно разбираются не только основные работы мыслителя, но и его взаимоотношения как с ИСД, так и с другими, более

[66] Ibid. P. 21-22.
[67] Понтификат Иоанна XXIII – 1958-1963 гг.
[68] Baldoni A. Op. cit. P. 18.
[69] Ibid. P. 72.
[70] Ibid. P. 51-52.
[71] Ibid. P. 52-53.
[72] Cassata F. A destra del fascismo. Profilo politico di Julius Evola. Torino, 2003.

радикальными группами. Большой вклад в сохранение и изучение наследия мыслителя внёс директор фонда Ю. Эволы Д. Де Туррис, занимавшийся переосмыслением интеллектуального наследия философа[73].

Среди множества групп, как внутри «Итальянского социального движения», так и вне его, наибольшее влияние идей Ю. Эволы испытали на себе П. Раути и П. Ромуальди, вокруг которых сформировалась уже упоминавшаяся выше группа «Новый Порядок», члены которой покинули ИСД в 1956 г. из-за разногласий с секретарем партии А. Микелини[74].

Деятельности внепартийной группы «Новый Порядок» посвящены исследования А. Джаннули и Э. Розати[75] и С. Форте[76]. Обе работы строятся на обширном источниковом материале и прослеживают динамику развития организации с момента выхода из состава ИСД. Отдельное внимание уделяется вопросом внутренней борьбы и возвращению П. Раути с частью сторонников в ряды ИСД в 1969 г.[77]

Несмотря на схожий характер исследований, акценты в них расставлены по-разному: А. Джаннули и Э. Розати фокусируются на функционировании Нового Порядка как организации, особое внимание они уделяют финансовым трудностям группы и одной из главных причин возвращения в ряды ИСД видят именно недостаток средств. С. Форте, в свою очередь, стремился показать интеллектуальные и культурные истоки движения, оказавшие заметное влияние на итальянское правое движение в 70-80-е гг. XX в.

Смежной темой является также проблема расизма в неофашистской идеологии. Дж. Парлато провёл концептуальное разграничение между расизмом в целом и антисемитизмом в частности[78]. Согласно его мнению, отношение к другим

---

[73] См.: De Turris G. Testimonianze su Evola. Roma, 1985 ; De Turris G. Elogio e difesa di Julius Evola. Il barone e i terroristi. Roma, 1997; De Turris G. Julius Evola e la sua eredità culturale (Atti del convegno “L’eredità di Julius Evola” Sala Alessandrina dell’Accademia dell’Arte Medica Roma, 29 novembre 2014).
[74] Parlato G. Neofascismo italiano e questione razziale. P. 171.
[75] Giannuli A., Rosati E. Storia di Ordine Nuovo. La più pericolosa organizzazione neofascista degli anni Settanta. Milano, 2017.
[76] Forte S. Ordine Nuovo parla. Scritti, documenti e testimonianze. Milano, 2020.
[77] Ibid. P. 112.
[78] Parlato G. Neofascismo italiano e questione razziale // Passato e presente, 2015. P. 147-179.

народам и расам внутри ИСД различалось. В разных праворадикальных группах присутствовали разные виды неприятия «Другого». Несмотря на то, что руководство ИСД отвергало всякий расизм, официально это решение было оформлено в 1960-е гг.[79], сторонники «Нового Порядка», вдохновлённые эволианскими идеями[80] всё же разделяли специфические расистские идеи. Они отличались от классической формы нетерпимости и представляли из себя т.н. «духовный расизм», заключавшийся не в преследовании тех или иных народов по биологическому признаку (такой расизм члены «Нового Порядка» критиковали и отвергали как порождение материализма), а исходя из враждебности «общеевропейскому арийскому духу»[81]. Иными словами, единственный расизм, присутствовавший в неофашистской среде этого периода, строился на историко-культурном противопоставлении.

В статье «Эвола и послевоенная политика»[82] Дж. Парлато поместил фигуру мыслителя во внутрипартийный контекст. Исследователь отмечал, что все противоречия внутри ИСД сводились к трём центробежным силам: фигуре Дж. Альмиранте, стремящегося осуществить «поворот влево»[83], сторонникам П. Раути и зарождающемуся движению «Новый Порядок», вдохновлявшимся идеями Ю. Эволы и группе интеллектуалов вокруг «Центра итальянской жизни», выступавшей за сближение с Церковью.

По мнению Дж. Парлато, причин популярности Ю. Эволы среди неофашистов было несколько: во-первых, он предлагал политические проекты, которые имели «внеисторический характер» (carattere “astorico”)[84], что создавало ощущение универсальности его идей. Именно этот «вненациональный» характер идей философа стал причиной его популярности не только в Италии, но и во Франции, где в тот же период проходили схожие процессы реорганизации проигравших[85].

---

[79] Ibid. P. 170.
[80] Не путать с одноимённой газетой, созданной А. Грамши в 1919 г.
[81] Parlato G. Neofascismo italiano e questione razziale. P. 176.
[82] Parlato G. Evola e la politica nel secondo dopoguerra // Julius Evola e la sua eredità culturale (a cura di Gianfranco de Turris). Atti del convegno “L’eredità di Julius Evola”, Sala Alessandrina dell’Accademia dell’Arte Medica, Roma, 29 novembre 2014. P. 143-162.
[83] Ibid. P. 147.
[84] Ibid. P. 143.
[85] Mammone A. The Transnational Neofascism in France and Italy. P. 65.

Во-вторых, сближение мыслителя и неофашистов стало возможно только при маргинализации последних, т.к. в период «фашистского двадцатилетия» Ю. Эвола был малоизвестен в стране[86]. В-третьих, как и большая часть неофашистов, Ю. Эвола выступал за пересмотр и рефлексию над недавним прошлым[87], а его идеи могли стать новым идейным основанием для трансформаций фашизма.

Тем не менее, сравнивая идеологические основы фашизма, сформулированные Дж. Джентиле, с философией Ю. Эволы, Дж. Парлато пришёл к выводу о том, что эти системы имели глубинные противоречия и не могли быть совмещены в длительной перспективе[88].

Пятая историографическая группа посвящена анализу роли Церкви в формировании «Итальянского социального движения».

Исследователь А. Тонди в книге «Ватикан и неофашизм»[89], разбирал события конца 1940-х начала 1950-х гг. Создание «Итальянского социального движения» было связано, по его мнению, с острым кризисом в отношениях ХДП и ИКП. В этот период Ватикан оказался перед сложным выбором: изменение политической ситуации требовало либо полного реформирования ХДП, что было невозможно в условиях напряженной борьбы с ИКП, либо создания новой партии, которая могла бы отнять у ИКП ряд голосов и вступить в альянс с христианскими демократами. Создание ИСД и стало, по его мнению, результатом стратегии Ватикана.

Этой же проблемой занимался Дж. Парлато[90]. Он обобщил основные позиции по отношению к Церкви и перспективе взаимодействия с ней, которые во многом способствовали фрагментации внутри неофашистского лагеря.

---

[86] Parlato G. Evola e la politica nel secondo dopoguerra // Julius Evola e la sua eredità culturale (a cura di Gianfranco de Turris). Atti del convegno “L’eredità di Julius Evola”, Sala Alessandrina dell’Accademia dell’Arte Medica, Roma, 29 novembre 2014. P. 145, 158.
[87] Ibid. P. 143.
[88] Ibid. P. 159-161.
[89] Tondi A. Vaticano e neofascismo. Roma, 1952.
[90] Parlato G. La destra, la laicità dello Stato e il giudizio sul mondo cattolico negli anni cinquanta // Cattolicesimo e laicità. Politica, cultura e fede nel secondo Novecento. Brescia, 2015. P. 133-147.

Церковь рассматривалась неофашистами либо как полезный общественно-политический институт[91], контролирующийся светскими властями[92], либо как союзница в борьбе с коммунизмом[93] либо как «иудейская секта», от которой стоит отказаться в пользу «возврата к европейским/германским» языческим традициям[94].

Что касается отношения самой Церкви к неофашистским группам, то Дж. Парлато усматривал те же намерения Ватикана, о которых говорил и А. Тонди: представители католической Церкви стремились создать ещё один политический центр правой ориентации, который позиционировал бы себя как «партия порядка» и «национальная партия», близкая к Святому престолу[95] и направленная на борьбу с коммунистами.

Таким образом, разнообразие методологических установок и идеологических позиций в историографии порождает целый спектр конкурирующих трактовок. Это свидетельствует о том, что тема итальянского неофашизма и правого радикализма до сих пор остаётся дискуссионной и требует продолжения научной рефлексии.

Объект исследования «Итальянское социальное движение» в контексте политического развития Италии в 1945-1973 гг.

Предметом исследования является генезис и политические трансформации «Итальянского социального движения» в указанный период.

Цель исследования – выявить основы формирования и внутренних изменений ИСД в 1945 -1973 гг.

Достижение цели исследования предполагает постановку следующих **задач**:

1. Проанализировать политические проекты крупнейших антифашистских партий в контексте формирования политической системы Италии в 1945-1948 гг.;

---

[91] «Ностальгирующие», в целом, не отходили от тех политических практик, которыми пользовался Муссолини и его партия.
[92] Parlato G. La destra, la laicità dello Stato e il giudizio sul mondo cattolico negli anni cinquanta. P. 133, 140.
[93] Ibid. P. 134-135.
[94] Ibid. P. 135.
[95] Ibid. P. 138.

2. Выявить особенности реорганизации экс-фашистских групп в общественно-политическом пространстве Итальянской республики в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в.;

3. Проследить важнейшие идеологические трансформации «Итальянского социального движения» в 1954-1973 гг.

Хронологические рамки исследования 1945-1973 гг. Нижняя хронологическая граница 1945 г., связана с окончанием Второй мировой войны, формированием новой политической системы в Италии и зарождением партии «Итальянское социальное движение». 1973 г. выбран верхней границей как рубеж, обозначающий утрату ИСД монополии на праворадикальный дискурс и смещение правого радикализма от партийно-электоральных к организованным внепарламентским и насильственным методам политической борьбы посредством деятельности таких организаций как «Политическое движение Новый Порядок», «Национальный авангард», «Чёрный Орден», «Движение революционного действия», и др., сформировавших политический климат т.н. «Свинцовых семидесятых».

Терминологический аппарат

Термин *нацифашизм* (от итал. “nazifascismo”) прочно вошёл в терминологический аппарат итальянских историков для обозначения германо-итальянских сил, сражавшихся против партизанских отрядов и англо-американских войск. В отечественной историографии термин был введён в оборот итальянистом М. Г. Талалаем. В статье «Советские партизаны в Северо-восточной Италии» он пишет: «Этот европейский, преимущественно итальянский, термин мало известен в отечественной историографии, хотя он отражает возникшую тогда реальность: (итальянский) фашизм и (германский) нацизм – это изначально разные идеологии; идейно-политическое сближение фашистов и нацистов началось в конце 1930-х гг., а в сентябре 1943 г., с приходом немцев на Апеннины, произошло их военное слияние»[96].

[96] Талалай М. Г. Советские партизаны в Северо-Восточной Италии // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 70.

Термину *фашизм* в данной работе придаётся то же значение, которое Р. Де Феличе давал *фашизму-режиму*, т.е. системе, созданной в результате политики Муссолини[97]. Иными словами, это тот политический режим, совокупность государственных и политических структур, оформившихся в 1930-е гг. и придавших «фашистскому двадцатилетию» его окончательный вид.

Термины *экс-фашизм* и *неофашизм* используются современной итальянской историографии преимущественно в трудах Дж. Парлато, А. Кариоти и М. Тарки[98]для разграничения двух этапов в становлении праворадикальных сил. Под *экс-фашизмом* понимаются остаточные социальные и политические структуры эпохи Б. Муссолини. *Неофашизм*, в свою очередь, трактуется итальянскими историками как попытка адаптировать фашистские идеи к условиям демократической системы, сформировавшейся в стране после окончания Второй мировой войны. Неофашизм создаёт новые социальные и политические структуры в рамках фашистского идеологического дискурса.

Источниковая база исследования представлена как опубликованными, так и неизданными документами. Весь комплекс источников можно условно разделить на несколько групп.

К первой группе относятся источники официального происхождения.

Среди нормативно-правовых актов особое значение имеют т.н. «Веронский манифест»[99] Итальянской Социальной Республики, сохранявший идеологическую значимость для неофашистов в послевоенные годы, «Закон Шельбы»[100] и закон № 148 от 31 марта 1953 г., прозванный «мошенническим» (от итал. “legge truffa”)[101].

---

[97] De Felice R. Intervista sul fascismo. Laterza, 1975. P. 29.

[98] См.: Parlato G. La destra, la laicità dello Stato e il giudizio sul mondo cattolico negli anni cinquanta // Cattolicesimo e laicità. Politica, cultura e fede nel secondo Novecento. Brescia, 2015. P. 133-147; Parlato G., Ungari A. Le destre nell’Italia del Secondo dopoguerra. Dal qualunquismo ad Alleanza nazionale. Soveria Manelli, 2021. – 280 p; 160.Carioti A. Gli orfani di Salò: il “Sessantotto nero” dei giovani neofascisti nel dopoguerra, 1945-1951. Milano, 2008. – 289 p; Tarchi M., Carioti A. Le tre età della fiamma: La destra in Italia da Giorgio Almirante a Giorgia Meloni. Milano, 2024. – 448 p.

[99] Manifesto di Verona. URL: https://larchivio.com/xoom/cartadiverona.htm (дата обращения: 03.12.2024).

[100] LEGGE 20 giugno 1952, n. 645. URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1952-giugno-20;645!vig= (дата обращения: 14.01.2025).

[101] LEGGE 31 marzo 1953, n. 148. URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1953-03-31;148 (дата обращения: 14.01.2025).

Эти документы отразили остроту политической борьбы христианских демократов с оппонентами. Важную роль в формировании послевоенного политического ландшафта сыграл Парижский мирный договор с Италией, подписанный в 1947 г.[102], процесс ратификации которого обострил противостояние между левыми партиями-участницами Сопротивления.

Особый интерес представляют материалы политических конференций, в частности доклады встречи в Институте А. Поллио (1965 г.)[103], посвящённой концепции «революционной войны». Эти документы свидетельствуют об идеологическом поиске и радикализации как левых, так и правых сил на рубеже 1960-1970-х гг.

При изучении идеологической эволюции неофашизма первостепенное значение имели тексты выступлений Дж. Альмиранте[104], а также свидетельства Ю. Эволы[105] и его адвоката Ф. Карнелутти[106], освещающие процесс организационного и доктринального становления движения. Особую ценность представляют фрагментарно сохранившиеся архивы «Итальянского социального движения» из Библиотеки У. Спирито и Р. Де Феличе в Риме[107], впервые вводимые в научный оборот автором диссертационного исследования. Это единственное в своем роде собрание документов «Движения», систематизированное по личным фондам его деятелей. Партийная документация из указанных архивов, позволила проанализировать формирование различных политических проектов внутри неофашистской среды.

---

[102] Treaty of piece with Italy. Art. 23. URL: https://web.archive.org/web/20210507200222/https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust000004-0311.pdf (дата обращения: 14.01.2025).

[103] AA. VV. La Guerra rivoluzionaria. Roma, 1965.

[104] Intervento di G. Almirante su “La Tribuna politica” 25 maggio 1970. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NvAYGIt_Vvg (дата обращения: 18. 02. 2025); Intervento di G. Almirante su “La tribuna elettorale” 28 marzo 1968. URL: https://www.youtube.com/watch?v=xjNjPjv96js (дата обращения: 28.03. 2025).

[105] Evola J. Autodifesa. URL: https://www.rigenerazionevola.it/julius-evola-al-processo-ai-f-a-r-lautodifesa/ (дата обращения: 02.09.2024).

[106] Carnelutti F. Il Processo. URL: https://www.rigenerazionevola.it/evola-al-processo-ai-f-a-r-larringa-di-f-carnelutti/ (дата обращения: 13.01.2024); Carnelutti F. In difesa di Julius Evola // Controvento. Napoli: Morani Editore, 1961. P. 327-364.

[107] Biblioteca Fondazione Ugo Spirito (далее: BiFUS).

Для анализа политических нарративов и программных установок также использовались публичные выступления лидеров различных политических сил – П. Ненни[108], Дж. Сарагата[109], П. Тольятти[110], А. Де Гаспери[111], Э. Берлингуэра[112].

Анализ партийной документации ИСП подпольного[113] и послевоенного периода[114], документов ИКП[115] и ХДП[116], позволил проследить основы для формирования политических проектов указанных партий, пришедшихся на вторую половину 1940-х гг.

Вторая группа представлена источникам личного происхождения в основном мемуарного характера. Среди использовавшихся в исследовании текстов отметим воспоминания графа Г. Чиано[117], одного из наиболее последовательных противников итало-германского союза в фашистский период. Мемуары немецкого генерала В. Варлимонта[118] позволили оценить отношение немцев к политическим катаклизмам, происходившим в Италии в 1943 г.

В контексте изучения неофашизма и отношения различных слоёв итальянского общества к движению Сопротивления и захвату Апеннин англо-американскими силами, примечательны мемуары Н. Мазеллиса[119] – преподавателя

---

[108] Nenni P. Una battaglia vinta. Roma, 1946.
[109] Saragat G. Il discorso di palazzo Barberini (12 gennaio 1947). URL: https://files.spazioweb.it/77/bb/77bb1429-b0ef-4dce-b385-0036d20d8894.pdf (дата обращения: 10.07.2024).
[110] Тольятти П. Речи в Учредительном собрании. М., 1959; Togliatti P. Avanti, verso la democrazia! Mosca, 1945.
[111] De Gasperi A. Discorsi politici. Vol. I. Roma, 1956; De Gasperi A. Discorsi politici. Vol. II. Roma, 1956.
[112] Intervento di E. Berlinguer su “La tribuna politica” 1972. URL: https://www.youtube.com/watch?v=W-YQmv9hWM4 (дата обращения: 28.03.2025).
[113] Il Partito socialista nella Resistenza. I documenti e la stampa clandestina (1943-1945). Pisa, 1988.
[114] Cannarsa S. Il socialismo e i XXVIII Congressi Nazionali del Partito socialista italiano. Firenze, 1950.
[115] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale. Relazione e documenti presentati dalla direzione del partito al V congresso del Partito comunista italiano. Roma, 1963.
[116] Le idee ricostruttive della democrazia cristiana. Roma, 1943.
[117] Чиано Г. Дневник фашиста, 1938-1943. М., 2010.
[118] Варлимонт В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. 1939-1945. М.: Центрполиграф, 2005. URL: https://militera.lib.ru/memo/german/warlimont_w01/text.html?ysclid=m2ua6bx2k6334645757 (дата обращения: 29.10.2024).
[119] Masellis N. Pagine della storia d’Italia (1943-1946). Roma, 1952.

социальных наук – и А. Росси – пленённого майора королевских войск[120]. Крайне ценны воспоминания Дж. Альмиранте[121], позволившие оценить положение сторонников Итальянской Социальной Республики, вынужденных скрываться от преследований сразу после войны.

К третьей группе относятся интервью, которые открыли возможность для исследования двух уровней: формальной позиции партии и субъективного восприятия событий самими политиками. Ярким примером служат интервью с Дж. Андреотти[122], П. Ненни[123] и Дж. Альмиранте[124], содержащие их личные воспоминания и оценки прошлого. Отметим также интервью, взятое автором диссертационного исследования у одного из знаковых фигур для итальянских «Новых правых»[125] М. Тарки, подтвердившего ряд авторских гипотез касательно внутренних трансформаций ИСД, а также предоставившего информацию о формировании новых интеллектуальных кругов, ставших основой «Новых правых» в Италии (Приложение 6).

Четвёртая группа представлена публицистическими произведениями эпохи, позволившими более подробно проанализировать философские и идеологические предпосылки, формировавшие мировоззрение представителей праворадикального лагеря как внутри ИСД, так и вне его. В этой связи стоит отметить философские тексты Ю. Эволы[126], оказавшего значительное влияние на праворадикальную молодёжь, а также работы сторонников радикального переосмысления фашистских идей – А. Ромуальди[127] и К. Грациани[128].

---

[120] Rossi A. Figlio del mio tempo. Roma, 1969.
[121] Almirante G. Autobiografia di un “fucilatore”. Roma, 2021.
[122] Andreotti G. Intervista su De Gasperi. Roma-Bari, 1977.
[123] Nenni P. Intervista sul socialismo italiano. Bari, 1977.
[124] Faccia a faccia da 29. 04. 1987. URL: https://youtu.be/lkY8jty2vwU?si=2hfbJSyPVzVuTq2Y (дата обращения: 04. 08. 2023); Contropelo con E. Tortora. URL: https://www.youtube.com/watch?v=KjingqCxxt8 (дата обращения: 04. 08. 2023).
[125] «Новые правые» (от. фр. Nouvelle Droite) – первоначально французское интеллектуальное и идейно-политическое движение, возникшее в 1960-е гг. в качестве реакции на либерально-демократическую и левую гегемонию в общественном пространстве. Одним из главных центров «новых правых» сегодня является центр GRECE, основанный мыслителем А. Де Бенуа.
[126] Evola J. Gli uomini e le rovine. Roma, 2001. (пер. на русский: Эвола Ю. Люди и руины. М., 2002.); Evola J. Orientamenti. Undici punti. Roma, 1950.
[127] Romualdi A. Una cultura per l’Europa. Roma, 2013.
[128] Graziani C. La guerra rivoluzionaria. Firenze, 2020.

Помимо этого, интересны и тексты иной идеологической направленности, например, книга популиста Г. Джаннини «Толпа»[129], в которой отстаиваются идеи технократического государства; открытое письма А. Бьянкотти[130] – правого журналиста; эссе левого философа Л. Бассо[131]. Все тексты посвящены политическим изменениям, осуществлявшимся в стране христианскими демократами сразу после войны.

К пятой группе относятся материалы периодической печати – одного из основных источников, формировавших представления о политических процессах, происходивших в стране. Публиковавшиеся в них тексты имеют важное значение при анализе политических проектов, предлагаемых различными партиями, и изучении интерпретации событий и позиционировании себя и оппонента.

В указанную группу входит левая периодика – газеты «*Avanti!*», «l'Unità», журнал «La Rinascita»; газета ХДП «Il Popolo» и левоцентристское издание «Mercurio».

Примечательно также издание «l'Uomo Qualunque» – газета популиста Г. Джаннини, создавшего на её базе собственную партию.

К неофашистской печати относятся следующие журналы: «Imperium», тесно сотрудничавший с «Фашами революционного действия» и выступавший площадкой для сторонников Ю. Эволы; «Asso di bastoni», редакция которого разделяла убеждения «левого фашизма» и официальная газета ИСД «Il Secolo d'Italia».

Шестая группа статистические материалы представлена электоральными данными, что помогло проследить развитие политической динамики ИСД и ИКП в 1970-е гг. и далее, показав их реальный вес в политических процессах эпохи «Свинцовых семидесятых» и последовавшего политического кризиса.

Теоретико-методологическая база исследования. Исследование выстраивается в рамках конструктивистской оптики, сформированной под влиянием идей Х. Уайта, ведшего полемику с К. Гинзбургом в контексте проблемы

[129] Giannini G. La folla. Seimilla anni di lotta contro la tirannide. Roma, 1945.
[130] Biancotti A. Lettera aperta di un italiano al Presidente De Gasperi. Torino, 1952.
[131] Basso L. Due totalitarismi. Fascismo e democrazia cristiana. Cernusco sul Naviglio, 1951.

исторической эпистемологии. Итогом этой полемики стало формирование т.н. «умеренного», варианта конструктивизма, возникшего, согласно Л. П. Репиной, в качестве реакции на релятивизм постмодернистской историографии, поскольку «невозможность *прямого* восприятия ушедшей в небытие реальности не означает полного произвола историка в её “конструировании”»[132].

Согласно избранной оптике исследования, политический процесс может рассматриваться не только и не столько как череда событий социального, экономического и иного характера, но и как конструирование интерпретационных рамок[133], направленных на формирование устойчивых связей партий с электоратом. Поскольку политическое соревнование, в сущности, агонально, из этого следует, что «дискурс вырабатывается в конфликтах между людьми <…> значение всегда производится, истину не находят, а создают»[134]. Поэтому анализ интерпретационных рамок с точки зрения идейного наполнения используемых аргументационных схем и определил конструктивистскую оптику исследования.

В этой связи, становление политической структуры рассматривается как процесс формирования комплекса идей по переустройству общества и государства, представленных в настоящей работе в виде «проектов», предлагаемых партиями-участницами антифашистского Сопротивления, а также различными идейными течениями внутри праворадикального лагеря.

В методологическом плане исследование опирается на общенаучные методы анализа и синтеза, сочетание традиционных методов и ряда современных теоретико-методологических подходов.

Метод *дискурс-анализа* позволяет всесторонне проанализировать различные виды источников, составлявших нарратив исследуемых политических сил на предмет их идеологической, политической, социально-культурной составляющей и выявить «репертуар смыслов», используемый партиями и движениями.

---

[132] Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 125.
[133] Fairclough N. Discourse and text: linguistic and intertextual analyses within discourse analysis // Discourse & Society. Vol. 3(2). 1992. P. 199.
[134] Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М., 2010. С. 37-38.

В рамках избранного подхода применялся дискурс-анализ в интерпретациях исследователей Э. Лакло и Ш. Муффа[135], а также английского лингвиста Н. Фэйрклоу, выделявшего несколько типов дискурсивных практик. Хотя он и сосредоточил внимание преимущественно на языковых аспектах – тексте, разговоре и других семиотических системах, отделяя их от других измерений социальной практики[136], его классификация может быть адаптирована к теоретико-методологическим задачам исторического исследования.

Особый интерес в этой связи представляют две модели, предложенные исследователем:

1. Господствующая модель (hegemonic model) – модель, в рамках которой происходит свободная реконфигурация дискурсивных элементов, направленная на создание новых смыслов и стратегий аргументации, обеспечивающих доминирование определённого нарратива.

2. Согласовательная модель (fragmentation / mosaic / negotiative model) – модель, предполагающая возможность диалога между различными системами аргументации, когда стороны стремятся достичь согласия по отдельным аспектам, сохраняя при этом различия в базовых установках[137].

Для задач настоящего исследования данные модели представляют ценность в контексте анализа политического и культурного дискурса. Так, в рамках внутрипартийной риторики господствующая модель может выражаться через доминирующую политическую линию или идеологическую установку, вокруг которой выстраивается партийное единство. На политическом уровне господствующая модель дискурса формируется той силой, которая обладает институциональным преимуществом (правительство, парламентское большинство и т.п.), а согласовательная модель проявляется в межпартийных дебатах и коалиционных соглашениях, когда речь идёт о согласовании позиций по частным вопросам и перераспределении влияния.

---

[135] Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс анализ. Теория и метод. С. 47-97.
[136] Там же. С. 39.
[137] Fairclough N. Discourse and Social change. P. 223-224.

В свою очередь, согласовательная модель проявляется в тех сегментах дискурса, где требуется интерпретативная гибкость или достижение компромисса – например, в дискуссиях о спорных положениях программы или стратегии.

Таким образом, под дискурс-анализом понимается не столько лингвистический разбор текста и использующихся речевых практик, сколько анализ идейных комплексов, формулируемых политическими силами «узловых точек», оказывавших влияние на массы и способствовавшие, таким образом, конструированию социальной и политической реальности в процессе борьбы с альтернативными системами[138]. Это позволяет сфокусироваться не столько на том, как именно различные идеи доносятся до реципиента, но прежде всего на их содержании.

Метод *«устной истории»* (англ. «oral history») использовался в контексте интервьюирования одного из знаковых для итальянских «Новых правых» интеллектуалов М. Тарки, текст беседы с которым помещён в приложения настоящей работы (См. Приложение 6).

Указанные методы применялись в тесном взаимодействии с традиционными методами исторического исследования, ставшими опорой диссертации.

Для изучения развития неофашистской среды с учётом внутренних и внешних факторов, применялся *историко-генетический метод*, он позволил проследить, каким образом на формирование неофашизма влиял политический контекст и меняющееся положение других партий, а также наличие разных идейных течений внутри самого праворадикального поля. *Историко-типологический* метод позволил разделить различные способы реорганизации неофашистских кругов в политическом пространстве страны. Помимо этого, необходимо выделить и различные идеологические течения внутри самого праворадикального лагеря, что позволит более многосторонне проанализировать его идеологическое разнообразие. *Историко-сравнительный метод* использовался для выявления общего и особенного в риторике сравниваемых политических сил.

Научная новизна исследования

[138] Филлипс Л., Йоргенсен М. Ук. соч. С. 47-97.

1. Важной составляющей научной новизны стало применение дискурс-анализа для изучения политических проектов сил антифашистского Сопротивления по переустройству послевоенной Италии. Была сформирована матрица, позволившая выявить «узловые точки» политических нарративов, что позволяет говорить об изначальной невозможности сотрудничества антифашистских партий в мирный период, обусловив развал «трёхпартийного» правительства и появление новых политических сил.

2. В результате исследования партийной документации «Итальянского социального движения» был выявлен механизм идейной дивергенции внутри партии, который раскрывает, каким образом конкуренция традиционалистского «идеологического» проекта с интеграционистским курсом «умеренных» вела к цикличной радикализации молодёжи и организационным перегруппировкам 1956–1969 гг.

3. На основе анализа праворадикальной периодической печати, а также архивных документов, был уточнён ход реорганизации экс-фашистских сил в первые послевоенные годы и характер их взаимодействия с другими оппозиционными силами, оформившимися в тот же период.

4. На основе метода устной истории автор впервые провел интервью с главным идеологом итальянских «Новых правых» М. Тарки и зафиксировал богатый содержательный материал, который подтвердил выводы, полученные в результате анализа архивных документов, что серьезно повышает общий уровень верифицированности исследования.

5. Впервые в научный оборот введён широкий пласт источников из Библиотеки У. Спирито и Р. Де Феличе, позволивший сформировать комплексное представление о проектах политических групп внутри ИСД.

Выносимые на защиту положения включают основные идеи диссертации:

1. Единство движения Сопротивления, в сущности, являлось историческим мифом, имевшим важнейшее конституирующее значение для нового итальянского государства, но не отражавшего реальную ситуацию, поскольку в

действительности оно было разнородным и ситуативным, что и привело к успешной реорганизации фашистских сил после Второй мировой войны.

2. Реорганизация фашистских сил осуществлялась несколькими путями: на основе продолжения подпольной борьбы, в рамках адаптации к легальной политической деятельности как в составе системной, так и несистемной оппозиции.

3. Внутренняя неоднородность «Итальянского социального движения», выражавшаяся в сосуществовании приверженцев противоречащих друг другу интерпретаций фашистской доктрины, стала ключевым фактором нестабильной динамики его развития, несмотря на укоренённость фашистских идеалов в идеологической основе партии.

4. Курс ИСД, направленный на интеграцию в демократическую политическую среду в 1950-1960-е гг., не исключал существования внутри партии радикального крыла, что предопределило её двойственный характер и, в итоге, привело к стратегическому поражению.

5. На формирование правого радикализма и его дальнейшего развития наибольшее влияние оказывала молодёжь, оформившаяся в качестве внутренней оппозиции в ИСД в 1950-е гг. и затем ставшая выразителем общих протестных настроений конца 1960-х – 1970-х гг., затронувших как левые, так и правые политические силы.

Практическая значимость исследования. Результаты работы могут быть использованы при сопоставлении «Итальянского социального движения» с другими европейскими партиями неофашистского и праворадикального толка. Помимо этого, результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения итальянских и европейских правых вплоть до современности, что позволит углубить проблематику исследования праворадикальных сил и расширить границы изучения.

Кроме того, результаты исследования могут быть использованы при формировании курсов по всеобщей истории, истории Италии, истории идей и политической истории.

Апробация результатов исследования. Работа обсуждалась на заседании кафедры всеобщей истории и была рекомендована к защите. Основные положения и выводы диссертации нашли отражения в научных статьях в журналах, рекомендованных ВАК. Общее их число – 5.

Отдельные положения диссертации и аспекты рассматриваемых проблем были представлены в докладах на конференциях и круглых столах: Международная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (МГУ, 2023); IV Международная научно-практическая конференция «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации: инновации, проблемы и перспективы» (РГГУ, 2023); Круглый стол (на английском языке) «Новые тенденции гуманитарного знания» (РГГУ, 2023); Память и идентичность VI (РГГУ, 2023); Политические порядки и языки политических теорий (НИУ ВШЭ, 2024); Социал-демократические проекты Европы: история и современность (РГГУ, 2024); Диалоги со временем. Интеллектуальная история сегодня (ИВИ РАН, 2024); «Lingua e cultura italiana: soft power nel XXI secolo» (НИУ ВШЭ, 2025).

Диссертационная работа выстроена в соответствии с целью и задачами исследования. В её основе лежит проблемно-хронологический принцип. Диссертации состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы и девяти приложений.

Во **введении** обоснованы актуальность темы исследования, степень её изученности, объект и предмет, цель, задачи, хронологические рамки, охарактеризованы источниковая база работы, её теоретико-методологические основания, научная новизна и практическое значение.

В **первой главе** рассматриваются политические проекты, формируемые партиями-участницами антифашистского Сопротивления, и производится их сравнительный анализ, свидетельствующий об изначальной невозможности сотрудничества в мирных условиях. В результате этой борьбы на политическом ландшафте страны произошли сдвиги, создавшие благоприятные условия для появления «Итальянского социального движения».

Во **второй главе** разбираются способы легитимации экс-фашистов в первые послевоенные годы, проходившие разными способами: 1) через подпольную борьбу, признанную неэффективной после 1951 г.; 2) путём встраивания в легальные оппозиционные силы, используемые в качестве прикрытия для собственного политического участия; 3) через создание официальной партии – «Итальянского социального движения» – ставшей итогом процесса неофашистской реорганизации.

В **третьей главе** исследуются внутренние трансформации ИСД, вызванные неоднородностью партии и постоянной полемикой между представителями «неофашизмов», имевших разные взгляды по поводу государственного и общественного устройства, а также методов политической борьбы. Итогом перманентного внутреннего напряжения стала череда расколов и упадок ИСД, не сумевшего эффективно трансформировать собственную риторику.

В **заключении** представлены основные выводы исследования.

Глава 1. Формирование политических проектов антифашистского Сопротивления

К окончанию Второй мировой войны для итальянских элит стало ясно, что сохранение суверенитета требует формирования широкого национального правительства, которое включало бы как традиционные политические силы, так и партии, которые вели борьбу с фашизмом в период правления Б. Муссолини.

К моменту формирования первого правительства маршала П. Бадольо, в Италии, не считая Итальянской Социальной Республики и т.н. «Королевства Юга», поддержанного англо-американскими силами, появилась ещё одна политическая сила – движение Сопротивления, основанное 9 сентября 1943 г. в Риме. В центральный орган Сопротивления – Комитет национального освобождения (КНО) – входили лидеры будущего антифашистского правительства, которые на данном этапе ещё не могли вести эффективную самостоятельную политику по освобождению страны[139].

Несмотря на то, что Сопротивление не внесло решающего вклада в борьбе с фашизмом, это признавали сами его члены[140] (к концу 1943 г. в его рядах было не более 4 тыс. человек, а восстания носили спорадический характер и не препятствовали тактическим и стратегическим планам Вермахта[141]), всё же оно представляло собой политическое ядро антифашистского сопротивления в стране, которому, в отличие от короля, удалось наладить процесс организации рассеянных групп в единое антифашистское движение[142], а агитация на фабриках, в сочетании с пассивностью рабочих, наиболее сильно пострадавших от войны[143] и от этого не

---

[139]Парлато Дж. От фашизма к постфашизму: проблемы преемственности и различий // Известия Уральского государственного университета. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2(75). С. 125

[140] Amendola G. Intervista sull’antifascismo. Roma, 1976. P. 170.

[141]Lepre A. La svolta di Salerno. P. 7-10.

[142]De Felice R. Mussolini l’alleato. La guerra civile. 1943-1945. Torino, 1997. P. 102; Lepre A. Dal crollo del fascismo all'egemonia moderata. Napoli, 1973. P. 43.

[143] Bertoldi S. Salò. Vita e morte della Repubblica Sociale Italiana. Milano, 1994. P. 121.

воспринимавших фашистскую риторику «социализации»[144], давали свои плоды. Постепенно союзники стали расценивать КНО в качестве более легитимного политического формирования[145], несмотря на его нелегальный статус[146]. Фактически, легальным органом власти оставался дискредитировавший себя институт монархии, в то время как легитимность принадлежала партиям, входившим в КНО, прежде всего социалистам, коммунистам и христианским демократам.

Отсутствие выхода вышеупомянутых сил в легальное политическое поле способствовало росту радикализма в рядах Сопротивления, отвергавшего всякие попытки П. Бадольо наладить политические связи. На предложения маршала создать национальное правительство, куда вошли бы все антифашистские партии, члены Сопротивления отвечали отказом и требовали немедленного отречения «фашистского» короля[147].

Таким образом, правительство П. Бадольо не могло полноценно функционировать из-за недостаточной легитимности, хотя формально оно контролировало работу институтов государства. Одновременно с этим, антифашистские партии Сопротивления, позиционируя себя как главные организаторы борьбы с нацифашистами, находились в статусе подпольной организации и не могли развернуть полноценную политическую деятельность. Помимо идеологических разногласий, обе эти силы не могли наладить контакт из-за давления англо-американских союзников.

Весной 1944 г. итальянские власти установили дипломатические связи с СССР. Возвращение П. Тольятти из Москвы изменило стратегию коммунистов: они признали необходимость сотрудничества с королём для изгнания нацистов. В апреле 1944 г. было сформировано правительство национального единства, включавшее как консерваторов, так и левые партии, впервые получившие доступ к власти. Это дало возможность антифашистским лидерам реализовать политические проекты и легализовать борьбу, что определило дальнейшее развитие итальянской политики.

---

[144] Deakin F. W. Storia della repubblica di Salò. Torino, 1963. P. 664-665.
[145]Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 3. М., 1998. С. 113.
[146]Lepre A. La svolta di Salerno. P. 23.
[147]Ibid. P. 14-15.

В данной главе будет предпринята попытка рассмотрения политических проектов, сформированных основных партий-участниц антифашистского Сопротивления, и их анализ, поскольку именно эти политические силы заложили основы итальянской государственности на годы вперёд.

1.1. Итальянская социалистическая партия о переустройстве государства

Итальянская социалистическая партия пролетарского единства (ИСП)[148] была старейшей левой партией в Италии и одной из самых массовых политических объединений в стране. Оказавшись в подполье после прихода к власти фашистов, социалисты были первыми, кто начал борьбу против режима Б. Муссолини. Вместе с тем, они оставались партией «старого типа» и зачастую не обладали необходимой для новой эпохи политической гибкостью. С созданием организованного движения Сопротивления, партия, несмотря на свой массовый характер, постепенно отдавала инициативу коммунистам, с которыми была в союзе по левому блоку.

Руководство социалистов осознавало подвешенное состояние, в котором оказалось. С одной стороны, убежденность в необходимости «истинно демократической»[149] системы сближало их с христианскими демократами. С другой – общая социальная опора и схожие идейно-теоретические аспекты способствовали сближению с Итальянской коммунистической партией (ИКП)[150].

Внутри партии существовали различные фракции, представители которых имели разные взгляды на роль социалистов как в Учредительном собрании, так и на политической арене в целом[151].

Среди основных внутрипартийных движений выделялись сторонники максимального сближения с коммунистами, позицию которых отчасти выражал П. Ненни – секретарь партии. Хотя он и стремился демонстрировать центристские позиции во внутрипартийных дискуссиях, всё же неоднократно заявлял о близости с

---

[148]Партия носила такое название до выхода группы Дж. Сарагата (1947 г.), после 1947 г. была переименована в Итальянскую социалистическую партию (ИСП).

[149]Saragat G. Il discorso di palazzo Barberini (12 gennaio 1947). URL: https://files.spazioweb.it/77/bb/77bb1429-b0ef-4dce-b385-0036d20d8894.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

[150]Такое название получила Коммунистическая партия Италии (КПИ) после роспуска Коминтерна 15 мая 1943 г.

[151]Gambino A. Storia del dopoguerra. Dalla Liberazione al potere DC. Vol I. P. 198-199.

коммунистами, выражал удовлетворение от совместных инициатив[152] и указывал на их общую идейно-философскую базу[153].

К умеренному лагерю относился социалист Р. Моранди, ратовавший «за разрыв как с традицией дофашистского социализма, так и с авторитарной и бюрократической традицией III Интернационала»[154], являясь, таким образом, идейным вдохновителем центристской позиции и теоретиком структурного реформирования партии.

Позицию отказа от сотрудничества с ИКП отстаивал М. Дзагари, возглавлявший группу «Социалистическая инициатива», вдохновлённую идеями троцкизма[155] или антисталинизма[156]. Эта группа указывала на невозможность сотрудничества с ИКП во главе с П. Тольятти, ориентированным на Москву.

В контексте внутрипартийной борьбы за определение курса ИСП особого внимания заслуживает позиция Дж. Сарагата, высказывавшегося за полную автономию в вопросах политической деятельности и, следовательно, за отказ от каких бы то ни было союзов как с ХДП, так и с коммунистами.

Неприятие советской модели и всё более упорных попыток итальянских коммунистов якобы привнести эту систему на Апеннины, стало главной причиной раскола внутри социалистической партии, оформившегося в январе 1947 г. и приведшего к созданию «Социалистической партии итальянских трудящихся»[157].

Несмотря на то, что за Дж. Сарагатом последовало сравнительно небольшое число социалистов, что не повлияло на популярность ИСП, именно этот шаг был одной из главных причин, вынудивших П. Ненни фактически приостановить процесс слияния ИКП и ИСП в единый партийный организм[158].

Итак, формирование концептуальной рамки социалистического проекта пришлось на 1944-1946 гг. Риторика П. Ненни и социалистов концентрировалась на

---

[152]Nenni P. Che cosa significa l'alleanza dei socialisti coi comunisti // Una battaglia vinta. P. 17; La Costituente in pericolo difendiamola // Una battaglia vinta. P. 37.
[153]Nenni P. Il Centenario del "Manifesto" di Marx e di Engels. Roma, 1948.
[154]Любин В. П. Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники 1892-2006. С. 319.
[155]Там же. С. 327-328.
[156]Gambino A. Storia del dopoguerra. Dalla Liberazione al potere DC. Vol I. P. 198.
[157]Любин В. П. Ук. соч. С. 332.
[158]Там же. С. 330.

обсуждении экономических проблем – упадка в сельской местности, голода и нищеты, а также традиционной «проблемы Юга» (“Questione Meridionale”)[159]. Эти вопросы выводились на первый план в социальной повестке, формируемой политиком. Говоря о необходимых преобразованиях в стране, на первое место он ставил решение именно аграрной проблемы: «<…> экспроприация крупных земельных владений и латифундий с целью создания крестьянских хозяйств, способных максимально стимулировать производство и перевести сельское хозяйство на более современные формы. <…> провести воду, дороги, электричество, построить школы, больницы»[160].

Тем не менее, основным электоратом партии были именно рабочие, которых насчитывалось 62 %, в то время как крестьян было лишь 13 %[161]. Стоит отметить, что в работе с электоратом, формировавшимся из крестьян, большую роль играл религиозный фактор. П. Ненни, высказываясь о религии, занимал твёрдую материалистическую позицию, отталкивая, таким образом, крестьян, отдававших предпочтение либо христианским демократам, либо коммунистам.

Хотя П. Ненни и допускал возможность «философского и научного» диалога между «материализмом» и «верой католиков», такая постановка проблемы могла стать непреодолимым препятствием для достижения этого диалога. Политик заявлял: «Мы обсудим в философских и научных рамках веру католиков и наш материализм, но эта вера и наш материализм в области труда и борьбы за демократию не должны быть препятствием для единства всех рабочих»[162]. Ставя философский материализм, разделяемый социалистами, в один ряд с католической верой в качестве двух равноправных мировоззренческих систем, П. Ненни фактически придавал ему квазирелигиозный статус[163].

Подобное разделение, проводившее черту между двумя этическими, мировоззренческими системами, не позволяло снять религиозный вопрос для

---

[159]Nenni P. La Costituente in pericolo difendiamola // Una battaglia vinta. P. 40.
[160]Nenni P. Il programma elettorale dei socialisti // Una battaglia vinta. P. 74.
[161]Любин В. П. Ук. соч. С. 327.
[162]Nenni P. Che cosa vuole il Partito socialista // Una battaglia vinta. P. 19.
[163]О механизмах формирования политических религий см.: Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб., 2021.

решения проблемы формирования единого антифашистского движения, он оставался одним из наиболее значимых. Более того, категоричность социалистов стала одной из причин, по которой в конечном счёте лидерство перешло именно к Христианско-демократической партии – менее активной в плане антифашистской борьбы. Это свидетельствует о том, что католицизм составлял более важную часть итальянской идентичности, нежели принадлежность к тому или иному классу, как это представляли левые.

Вторая важная проблема была связана с перестройкой промышленного и финансового секторов, находившихся в глубоком кризисе. Проект лидера социалистов был направлен на национализацию крупной промышленности и финансовой системы для потенциального формирования плановой экономики в стране: «Мы должны знать, что мы хотим и что можем производить, где это делать и как. <…> В целом мы должны двигаться к плановой, но не в смысле автаркии, экономике, национализируя и социализируя промышленные и банковские комплексы, которые представляют собой фактическую монополию»[164].

Проблема упадка экономики и производства была одной из ведущих тем в риторике П. Ненни, выстраивавшейся вокруг борьбы с нищетой (“la lotta contro la miseria”) в стране. Действительно, общий упадок производства в сравнении с довоенным временем составил около трети, население голодало[165]. В этих условиях единственным решением, способным как можно быстрее исправить экономическую ситуацию, по мнению ряда антифашистских лидеров, было перераспределение собственности и укрепление роли государства в этих процессах. П. Ненни уделял большое внимание конкретизации принципов, которые должны были быть использованы при проведении реформ. Его внимание было направлено на аспекты, связанные с частной инициативой, развитие которой он объявил главным принципом осуществления преобразований: «Социализм не деморализует личность, а возвышает её; он не изгоняет индивидуума, а открывает двери для его полного

[164]Nenni P. Il programma elettorale dei socialisti. P. 75.
[165]Любин В. П. Ук. соч. С. 303.

утверждения; он не противостоит мелкому землевладельцу, а хочет организовать его в обширные кооперативы свободных производителей»[166].

В общих чертах, «план реконструкции» страны, предложенный социалистами выглядел так: приспособить промышленность к удовлетворению нужд сельского хозяйства и производству; объявить всеобщую поддержку и развитие индивидуальной инициативы в рамках борьбы с монополиями и крупными земельными владениями; назначить Комитеты национального освобождения в качестве контролирующих органов на местах, для обеспечения функционирования местных властей; «очистить» (“epurare”) государство от фашистской бюрократии; решить проблему голода; улучшить финансовое положение страны[167]; провести реформу образования, направленную, по словам П. Ненни на обучение прикладным специальностям: «<…> меньше адвокатов и профессоров, больше техников, специализирующихся на промышленности и сельском хозяйстве»[168].

Несмотря на программный характер подобных заявлений, всё же стоит отметить их расплывчатость. Неясно, каким образом можно было решить комплекс указанных выше проблем, не прибегая к злоупотреблениям, которые впоследствии и стали основой для отождествления методов политической борьбы левых антифашистов с практиками времён Б. Муссолини[169].

Другой ключевой темой стал вопрос о монархии и будущем политическом устройстве страны. Эта тема в риторике П. Ненни также тесно связана с приходом к власти фашизма. Секретарь ИСП занимал категоричную позицию по отношению к монархии – она должна была быть ликвидирована. Именно Савойский дом был ответственен за приход к власти Б. Муссолини. Фашизм, по мнению политика,

---

[166]Nenni P. Che cosa vuole il Partito socialista // Una battaglia vinta. P. 17.

[167]На момент окончания войны золотой запас государства был практически исчерпан, внутренний долг составил 406 млрд лир, общий долг достиг 1000 млрд лир при общенациональном доходе в 100 млрд лир в год. См.: Любин В. П. Ук. соч. С. 311.

[168]Nenni P. La Costituente all’ordine della nazione // Una battaglia vinta. P. 28-30.

[169] Речь идёт о риторике Г. Джаннули, активно критиковавшего как фашистов, так и антифашистов за их жёсткие попытки централизовать страну, исходя лишь из их специфических идеологических предустановок. Кроме того, Дж. Прецколини, один из итальянских консервативных философов, также отмечал концептуальную схожесть этих идеологий, отталкивавшихся от утопичных проектов (“pensare al devinire e non al fatto”) в период борьбы за власть и их трансформацию после столкновения с реальностью её обретения.

являлся охранителем капиталистической системы, сформированной вокруг итальянской буржуазной монархии: «Под патриотической националистической и империалистической личиной фашизм всегда был белогвардейским движением самого коррумпированного и реакционного капитализма», – говорил лидер социалистов[170], повторяя, в сущности, каноничное для левых сил определение Г. Димитрова.

В риторической манере П. Ненни давал развёрнутую характеристику фашистского режима, практика которого и привела страну к катастрофе: «Я бы почувствовал себя обязанным опровергнуть фашизм в его идеологии, заимствованной у националистов, в его плутократической психологии, проистекающей из самого упадочного Д'Аннунцианства[171], в его кастовом законотворчестве, в его корпорациях, которые были тюрьмой для рабочих, в автаркической экономике, которая истощала страну и приводила её к обнищанию, то есть в его доктрине и в его практике»[172].

По мнению политика, фашизм полностью себя дискредитировал, являясь движением без идеологии и эксплуатировавшим массы. Более важным аспектом в этой логике является не сам фашистский режим (П. Ненни не фокусирует внимание в своих речах на его практиках), а система, при которой его приход стал возможен, т.е. монархическое устройство. Подобная интерпретация роли монархии в формировании фашистского режима возникает в партийных документах социалистов уже весной 1944 г.[173], и, скорее всего, присутствовала и ранее.

П. Ненни являлся одним из самых ярых сторонников республиканского строя. Несмотря на то, что за республику высказывались и коммунисты, и бо̀льшая часть христианских демократов, именно он обрушивался на монархию с особенно острой критикой.

---

[170]Nenni P. Che cosa vuole il Partito socialista. P. 5.

[171] Речь идёт о новом «политическом стиле», сформированным сразу после Первой мировой войны итальянским поэтом Г. Д'Аннунцио, оказавшим заметное влияние на формирование фашистской символики и ритуалистики. Подробнее см.: Сушков Д. Д. Габриэле Д'Аннунцио как «предтеча» итальянского фашизма // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 4. С. 81–97.

[172]Nenni P. Che cosa vuole il Partito socialista. P. 6.

[173]Il PSIUP toscano sulla "svolta di Salerno", 6 aprile 1944 // Il partito socialista nella Resistenza. P. 136.

Рассматривая итальянцев в качестве первых жертв фашизма, он сформировал особую историческую логику, которую схематично можно представить как *«монархия-фашизм-национальная катастрофа»*: «настоящая Италия говорила не с балкона площади Венеции, но из застенков Специального суда, даже если вы затыкали уши, чтобы не слышать криков боли жертв фашизма»[174], – говорил лидер социалистов в одном из своих выступлений. «Настоящая Италия», таким образом, не являлась фашистской, как и не была монархической, т.к. именно последняя была ответственна за деятельность этой «белой гвардии капитализма».

Говоря о республике на демонстрации в Неаполе 3 сентября 1944 г., политик обозначил первоочередную задачу будущего Учредительного собрания: «Если мы не сбросим монархию, монархия уничтожит свободу»[175], озвучивая, таким образом, принципиальную позицию ИСП и придавая вопросу борьбы за республику экзистенциальный характер. Победа над фашизмом не являлась, по мнению П. Ненни, окончательной победой. Более того, он полагал, что от фашизма избавились сами сторонники «Ancien Régime» в 1943 г., пытаясь, таким образом, «защитить под другим знаменем свои классовые интересы и насмехаться над народом»[176].

Именно поэтому, возвращаясь к теме республики в речи от 17 марта 1946 г., П. Ненни призывал слушателей голосовать против монархии «без колебания», поскольку именно республиканский строй представлялся ему наиболее подходящим для осуществления полной перестройки политической системы и формирования гибкого, ориентированного на массы, режима: «Республиканская форма государства всегда считалась наиболее способной разрешить столкновение классов; <…> потому что она подразумевает органическое преобразование самой основы государства, а не изменение его формы, <…> а доступ к управлению и власти новых людей, новых классов, окончательно примирившихся с государством, которое будет уже не инструментом угнетения, а способом освобождения», – заключал он[177].

---

[174]Nenni P. Che cosa vuole il Partito socialista. P. 13-14.
[175]Ibid. P. 15.
[176]Nenni P. Il programma elettorale dei socialisti. // Una battaglia vinta. P. 73.
[177]Ibid. P. 72-73.

Касательно расстановки сил в КНО и союзов с другими представителями движения Сопротивления, П. Ненни большое внимание уделял союзу с коммунистами. Его стремление максимально тесно сотрудничать с ними проходило красной нитью во многих выступлениях, в которых поднимались вопросы взаимодействия левых сил. Говоря о КНО, он чаще всего имел в виду именно социалистов и коммунистов, формируя представление о том, что именно эти две партии являлись единственными силами, осуществлявшими антифашистскую борьбу. Для обозначения пары ИСП-ИКП политик обращался к формулировкам вроде «наиболее передовые партии демократического течения»[178], «авангардные силы новой итальянской демократии»[179].

Что касается отношений с Христианско-демократической партией, то его риторика в отношении третьего крупнейшего антифашистского движения пропитана недоверием, выраженным, прежде всего, в отношении к католицизму. Лидер социалистов не стремился приобщать ХДП к антифашистскому авангарду, но говорил о возможности сотрудничества при выполнении христианскими демократами ряда условий. Так, в речи 3 сентября 1944 г., П. Ненни заявил: «Социалистическая партия готова распространить союзное соглашение с христианской демократией на политическую сферу. Для этого есть только одно условие – христианская демократия обязуется голосовать вместе с нами за республику, поскольку без республики в Италии не будет демократии»[180].

Несмотря на готовность выступать союзником в борьбе с фашизмом, о тесных связях с ХДП, подобно той, что выстраивалась социалистами и коммунистами ещё задолго до «Салернского поворота» не могло быть и речи. Связано это было, по мнению автора исследования, с рядом причин:

1) исторически сложившаяся оппозиция между Социалистической партией и Народной партией, от которой вели свое происхождение христианские демократы;

---

[178]Nenni p. La Costituente in pericolo. P. 37.
[179]Nenni P. Il programma elettorale dei socialisti. P. 62.
[180]Nenni P. Che cosa vuole il Partito socialista. P. 19.

2) глубокое идейно-политическое различие между партиями, где социалисты вдохновлялись наследием марксизма и русского революционного социализма[181], а христианские демократы отталкивались от традиционной, понятной для простого итальянца, католической идентичности.

Помимо этого, А. Де Гаспери – лидер ХДП – стремился к «реконструкции» парламентской системы, т.е. к воссозданию «буржуазной либерально-демократической системы» дофашистского периода, тогда как социалисты стремились «не стать буржуазной партией»[182]. Разница в видении итальянского политического проекта привела впоследствии к оценке ХДП как «относящейся враждебно к требованиям рабочего класса»[183], а риторика П. Ненни по отношению к католицизму становилась всё более жёсткой.

В своей речи, посвящённой столетию со дня опубликования «Манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса политик, с ортодоксальных марксистских позиций, фактически деконструировал роль Церкви в истории Италии и «обличил» А. Де Гаспери в потворстве Ватикану и «лицемерной» тактике Церкви, сложившейся за прошедшие столетия: «Социальные принципы христианства оправдывали рабство в древности, возвышали крепостное право в Средние века, а в тяжелые времена защищали угнетение пролетариата, хотя и с несколько жалобным лицом. И лицо это нам знакомо, это лицо нашего Альчиде де Гаспери и вообще всех умеренных клерикалов, страдающих от бед народа, но относящихся со священным уважением к обществу, которое является причиной этих бед»[184].

Стоит сказать, что эти резкие заявления не были случайны. В 1948 г. произошел фактический раскол правительства, собранного из антифашистских сил Сопротивления. На выборах 18-19 апреля 1948 г. ХДП получила большинство голосов и приступила к нейтрализации левых сил. Именно поэтому, завершая свою речь по поводу столетия «Манифеста»,

---

[181] Ibid. P. 3.
[182] Любин В. П. Ук. соч. С. 332.
[183] Cannarsa S. Il socialismo e i XXVIII Congressi Nazionali del Partito socialista italiano. P. 285-286.
[184] Nenni P. Il Centenario del “Manifesto” di Marx e di Engels. P. 8-9.

П. Ненни заявил о новой борьбе «против правых, даже замаскированных»[185], имея в виду политический курс христианских демократов.

Автономистская позиция Дж. Сарагата

Говоря о внутренней оппозиции в социалистической партии, примечательна позиция Дж. Сарагата, представлявшего крыло т.н. «автономистов» – членов социалистической партии, выступавших за отказ от слияния с ИКП и обособленное политическое существование.

Тексты Дж. Сарагата были направлены, в первую очередь, на отстаивание демократических ценностей, интерпретация которых отличалась от формулируемой П. Ненни. В то время как секретарь партии выступал за союз с коммунистами и формирование правительства, состоящего из «наиболее передовых демократических сил», Дж. Сарагат скептически относился к подобным инициативам.

Уже с 1944 г. он развивал строго автономистскую позицию внутри социалистической партии. Центральное место в его риторике занимали представления о демократии, которые он в своих текстах называл «демократической верой», представлявшей из себя «идеальный тип» социально-политической системы.

Согласно Дж. Сарагату, социалистическое движение пережило эволюцию, двигаясь от «“диктатуры пролетариата” к демократии *tout court*»[186]. Подобная интерпретация шла вразрез не только с коммунистами, осложняя союз между двумя левыми партиями, но и с официальной позицией социалистов. Если Дж. Сарагат расценивал подобный «переход» как эволюцию социал-демократического движения, то его оппоненты, напротив, считали такую «демократизацию» дегенеративным процессом, превращающим партию в буржуазную. Чтобы избежать этого, П. Ненни обратился к наследию Маркса[187], а Дж. Сарагат продолжил развивать свой взгляд на демократию в рамках традиционной для Италии гуманистической мысли,

[185]Ibid. P. 14.
[186]Saragat G. Verso la democrazia // Quaranta anni di lotta per la democrazia. P. 250.
[187]Любин В. П. Ук. соч. С. 332.

содержащей в себе концепцию демократизма и гражданственности (“il civismo”), которая являлась ключевым аспектом любого истинно демократического общества.

Без гражданского чувства, согласно политику, «не может быть сформирована демократия», для этого необходимо «пробудить осознанность граждан»[188]. Дж. Сарагат был убежден, что тоталитарные режимы возникали вследствие упадка гражданственности, «морального обрушения» граждан, поддавшихся эгоистичным интересам и не обращавшим внимания на «коллективные интересы и нужды»[189].

Сконцентрированность Дж. Сарагата на проблемах демократии была обусловлена, в первую очередь, курсом П. Ненни, тяготевшего к коммунистам и, следовательно, к политическому проекту, формируемому П. Тольятти.

Лидер коммунистов рассматривал демократическую систему, сложившуюся в стране как инструмент для формирования политического большинства и последующего «захвата» власти, т.к. военно-политическая обстановка не позволяла, по его словам, взять власть сразу после окончания войны. Такую интерпретацию событий он дал во введении к собранию собственных речей, подготовленному для советской аудитории[190].

Можно предположить, что П. Ненни, всё более уступавший ИКП инициативу, разделял подобный взгляд на демократический проект, предлагаемый коммунистами. Это подтверждается и тем, что лидер социалистов рассматривал в качестве передовых антифашистских сил лишь ИСП и ИКП, вынося за рамки христианских демократов. Учитывая его стремление к слиянию с коммунистами в единый партийный организм, это позволяет говорить о схожих взглядах касательно будущего политического устройства страны.

Вместе с тем, дискурс коммунистов обладал большей гибкостью при учёте реального политического контекста, что делало его менее радикальным и предпочтительным для масс в сравнении с социалистической моделью.

---

[188]Saragat G. Civismo // Quaranta anni di lotta per la democrazia. P. 258.
[189]Ibid. P. 257.
[190]Тольятти П. Речи в Учредительном собрании. С. 6-7.

Итак, схожесть официального курса ИСП с позицией ИКП стала одной из причин появления альтернативного дискурса внутри социалистического лагеря. В 1944 г. в статье «К демократии», вышедшей в журнале «Mercurio»[191], Дж. Сарагат подверг критике позиции тех сил [имея в виду коммунистов – *Д.Д.*], стремящихся, по сути, инструментализировать понятие демократии. Данную статью можно рассматривать в качестве программной для выражения политических взглядов Дж. Сарагата. Политик, несмотря на иное понимание идей К. Маркса, отличное от коммунистов и ряда социалистов, признавал его ведущую роль в теоретическом противостоянии империализму, главным выразителем которого в XIX в. стал, по его мнению,
О. Фон Бисмарк[192]. Не отходил он и от традиционного для социалистов приёма с параллелями из истории Германии[193] и Франции, как двух передовых стран с мощным социалистическим движением до Второй мировой войны[194].

Тем не менее, центральной темой текста стало отношение Дж. Сарагата к проекту, предлагаемому коммунистами. Он был убеждён, что активно пропагандируемую членами коммунистического движения советскую систему невозможно было соотнести с итальянской действительностью: «<…> Коммунисты продолжают повторять слова, которые привели их к победе в России. Но доктрины в той мере, в какой они реализуются, становятся мёртвыми листьями <…> Иными словами, доктрины Империализма, догматично описанные Лениным, которые были актуальны до тех пор, пока Советская Россия существовала лишь в революционных надеждах группы изгнанников, перестали быть верными в тот момент, когда

[191]Saragat G. Verso la democrazia // Mercurio. Anno I. N. 2. 1944. P. 5-11.
[192]Ibid. P. 5.
[193]П. Ненни довольно часто проводил схожие сравнения, аргументируя свой политический курс. Так, например, в речи, произнесенной по поводу формирования Учредительного собрания, он выступил за союз с коммунистами, аргументируя это тем, что Веймарская республика не сумела сохраниться из-за того, что социалисты и коммунисты выступали как оппоненты. А стремление сохранить внешнее единство партии после раскола, инициированного Дж. Сарагатом, аналогичным примером из истории социалистического движения во Франции.
[194]Saragat G. Verso la democrazia // Mercurio. Anno I. N. 2. 1944. P. 6.

Советская Россия стала грандиозным фактом, разбившим своим присутствием все прошлые наработки»[195], – писал Дж. Сарагат.

Таким образом, политик сформулировал идею о том, что использование итальянскими коммунистами идейно-теоретических концепций, созданных в рамках иного историко-политического контекста, не выдерживали критики и требуют пересмотра.

Дж. Сарагат занимал полемическую позицию, противопоставляя идею европейского социалистического демократизма советской модели, «отдалившейся от демократических механизмов»[196]. Дистанцирование от истинных социалистических принципов было вызвано следующими объективными причинами: стремление к коллективизации и индустриализации страны в контексте надвигавшегося противостояния обусловило централизацию системы, что противоречило изначальной демократической системе советов, а запуск данных процессов был невозможен без ускоренной концентрации рабочих масс в городах, что вновь не являлось демократическим решением[197].

Подобный подход, по мнению Дж. Сарагата, противоречил европейскому духу, поскольку «Демократическая тактика европейского пролетариата <…> основана на представлении о сущностной тождественности интересов трудовых коллективов с общечеловеческими идеалами, которые выражает демократия. Длительный идеологический процесс, в ходе которого от “диктатуры пролетариата” человек приходит к демократии *tout court*, характеризует историю успеха рабочих в Западной Европе»[198]. Те же, кто воспринимал демократию как «тактику», «не видят смысла в глубинных человеческих течениях, которые сходятся к общей идее – демократии»[199], – заключал политик.

---

[195]Ibid. P. 7.
[196]Ibid. P. 7.
[197]Ibid. P. 7-8.
[198]Ibid. P. 8-9.
[199]Ibid. P. 11.

Высшей точкой противостояния П. Ненни и Дж. Сарагата стала т.н. «Речь, произнесенная во дворце Барберини»[200] от 12 января 1947 г. и приведшая к идеологическому надрыву прежнего, хотя и условного, единства.

Несмотря на то, что Дж. Сарагат отрицал наличие раскола[201] и утверждал, что выступление «не является программным для партии, которая еще не создана»[202], ряд основных расхождений, приведших к расколу, был описан именно в нём.

Большая часть выступления посвящена взаимоотношениям социалистов и коммунистов, анализу общего и отличного между ними. Политик опасался возраставшей роли коммунистической партии в союзе ИСП и ИКП, при том, что большая часть голосов избирателей всё ещё принадлежала социалистам. Настойчивость коммунистов на союзе с социалистами и якобы встречное желание со стороны П. Ненни могло ускорить процесс формирования новой партии несмотря на то, что ранее секретарь ИСП официально заявлял о том, что «время для соединения партий еще не наступило»[203].

Тем не менее, Дж. Сарагат опасался не столько союза с коммунистами в целом, сколько с коммунистами ИКП, партийная дисциплина которых была сформирована П. Тольятти, испытывавшего большое влияние сталинских партийных традиций.

Дж. Сарагат сформулировал ряд принципиальных отличий коммунистов от социалистов, делавших невозможным не только их союз, но и всякое сотрудничество. Их можно концептуализировать следующим образом:

1) социалисты и коммунисты существенно различались в понимании общих и внутрипартийных принципов управления: коммунисты активно вовлекали рядовых членов в организационные вопросы, но исключали их из формирования общей политической линии, которая всегда навязывалась сверху, в то время как «политическая демократия», по мнению Дж. Сарагата, подразумевала участие всех

[200]Saragat G. Il discorso di Palazzo Barberini // Quaranta anni di lotta per la democrazia. P. 320-337.
[201]Intervista a colloquio con Saragat // Archivio Luce. URL: https://patrimonio.archivioluce.com/luce-web/detail/IL5000009836/2/-6927.html (дата обращения: 31.07.2024)
[202]Saragat G. Il discorso di Palazzo Barberini. P. 320.
[203]Nenni P. Intervista sul socialismo italiano. Bari, 1977. P. 85.

членов не только в организационных моментах, но и в определении генерального курса партии[204];

2) отсутствие тесной связи с рядовыми членами партии приводило к уничтожению солидарности и коллективного духа, который, по мнению политика, должен был быть основой любого партийного организма;

3) авторитарный дух, царивший в высших кругах ИКП не мог соотноситься с истинными демократическими идеалами: для социалистов партия не была первична по отношению к человеку его совести и возможности определять, что «есть добро, а что зло», в то время как коммунисты, по его мнению, «делегировали это неотъемлемое право партии во имя формальной дисциплины»[205].

Фактически, Дж. Сарагат указывал на реализацию внутри ИКП т.н. «железного закона олигархии»[206], что не позволяло говорить о каком-либо демократизме со стороны коммунистов в принципе.

Для политика было важно подчеркнуть принципиально иной характер созданной им партии. Его подход к демократии и свободе, безусловно, носил идеалистический характер, который, тем не менее, был способен составить конкуренцию другим левым силам, хотя бы на уровне идеологического противостояния.

Говоря о проблемах истинной свободы и справедливости, составлявших ценностное ядро социализма, он подмечал: «Если в социальном устройстве, о котором мы мечтаем, мы не встретим свободы, подлинной, полной и живой, мы вернемся к нынешнему обществу, несмотря на его расстройства, его беззакония, его угнетение. Поэтому лучше одиночество со всеми его опасностями, чем социальное принуждение. Справедливость для нас неотделима от свободы»[207].

---

[204]Saragat G. Il discorso di Palazzo Barberini. P. 324-325.
[205]Ibid. P. 325-326.
[206]«Железный закон олигархии» - закономерность, выявленная учеником В. Парето, социологом Р. Михельсом в рамках концепции «теории элит». Согласно ей, в любом политическом/социальном организме вся власть неизбежно концентрируется в руках немногих (олигархии), а демократические механизмы невозможны в крупных сообществах.
[207]Saragat G. Il discorso di Palazzo Barberini. P. 328.

Другим аспектом расхождения позиций политика с коммунистами был вопрос о характере классовой борьбы. Дж. Сарагат отмечал, что позиция коммунистов в определённой степени носит «эгоистичный» характер, поскольку сосредоточена исключительно на «освобождении пролетариата». В то же время социализм, признавая ведущую роль рабочих масс в процессе освобождения, стремился к достижению всеобщей свободы, выходящей за пределы интересов конкретного класса[208]. Стремление коммунистов к установлению «диктатуры пролетариата», воспринималось Дж. Сарагатом как устаревшая концепция.

В тексте «речи» кристаллизуется связь между демократией и социализмом. Он описывал эту связь следующим образом: «Всё в социализме связано с демократией. Именно в демократии наиболее полно формируется классовое сознание. <…> пролетариат, пользующийся политической свободой, острее всего ощущает экономическое давление, жертвой которого он является. Человек, пользующийся политическими правами <…> почувствует свою неполноценность, в которой он оказался в экономической сфере <…> Именно при демократии возможно подлинное единство трудовых коллективов <…> может быть реализован тот братский союз между фабричными и канцелярскими работниками, который делает возможным не только приход к власти рабочих классов, но и управление в нетеррористических, т.е. цивилизованных, формах. <…> Солидарность между средним классом и фабричными рабочими продиктована не только политическими соображениями, но и экономической необходимостью. На крупных фабриках производительные силы уже социализированы, а производственные отношения все еще носят частный характер. Речь идет лишь о том, чтобы привести последние в гармонию с первыми. В сфере мелкой собственности, плодов человеческого труда, все обстоит иначе. Ни одно истинно демократическое государство не может принудительно вмешиваться туда, где экономическое развитие еще не препятствует развитию в социалистическом направлении. Для нас речь идет о том, чтобы доверить развитию демократического сознания трудящихся среднего класса организацию мелкой собственности <…> в лучшей и более полезной для общества форме. Все это предполагает

[208]Ibid. P. 328-329.

демократическую атмосферу, поэтому наши Учителя говорили о социалистической революции как о факте, определяемом волей подавляющего большинства в интересах подавляющего большинства»[209].

Политик формировал представление о «демократическом социализме» – системе, без которой функционирование европейского социализма невозможно. Им формулировались особые принципы общественного устройства: существование особой общественной вертикали, в которой высшее положение занимают рабочие на предприятиях, а последнее (однако не менее значимое) мелкие собственники и предприниматели, взаимодействующие через полную демократизацию системы, вероятно, технократического уклада.

Стоит отметить, что подобная интерпретация политических и общественных отношений не является уникальной идеей Дж. Сарагата, подобную картину конструировал как П. Ненни[210], так и П. Тольятти, размышляя об аспектах т.н. «прогрессивной демократии»[211], однако отличие Дж. Сарагата от других политиков заключалось в том, что он критически относился к теориям своих товарищей по антифашистскому лагерю и впервые заговорил о проблеме инструментализации демократии ради реализации узкопартийных интересов, спровоцировав, таким образом, рефлексию среди социалистов по поводу роли ИСП в жизни страны и характера сотрудничества с итальянскими коммунистами.

Кроме того, к прямым последствиям ухода Дж. Сарагата из партии стало заметное ослабление левого крыла в итальянском правительстве, что отчасти привело к усилению ХДП, ускорило нарушение политического равновесия и привело к расколу «трёхпартийного» правительства[212].

Таким образом, внутри социалистического лагеря сформировалось два идеологических течения, имевшие схожие идейно-философские основы, но, тем не менее, по-разному представлявшие политическое будущее страны.

---

[209]Ibid. P. 330-331.
[210]См.: Nenni P. Che cosa vuole il Partito socialista; Nenni P. Il programma elettorale dei socialisti.
[211]См.: Togliatti P. Per un profondo rinnovamento democratico.
[212]Formigoni G. Op. cit. P. 37.

1.2. Проект общественно-политических преобразований Итальянской коммунистической партии

Итальянская коммунистическая партия (ИКП) была основана в 1921 г. в результате отмежевания от социалистов. Из-за прихода к власти фашистов в 1922 г., партия не успела проявить себя в политике, получив на выборах 1921 г. около 5 % голосов. Уже в 1926 г. партия была запрещена окрепшим фашистским режимом.

На протяжении двух десятилетий, ведя подпольную борьбу, коммунисты возлагали большие надежды на создание широкого антифашистского фронта, что стало возможным сразу после отстранения Б. Муссолини от власти. Представители ИКП уделяли особое внимание деятельности Комитетов национального освобождения (КНО), рассматривая их использование в качестве первой за двадцать лет реальной возможности вовлечься в крупную политическую деятельность. Более того, они видели в этих структурах шанс оказать значительное влияние на формирование будущего политического ландшафта[213].

Политический нарратив формировался итальянскими коммунистами в период гражданской войны 1943-1945 гг., поэтому программные требования, сформулированные на заседаниях ИКП не были новы, практически все они были озвучены П. Тольятти в его выступлениях в 1944-1945 гг. со сменой риторики после «Салернского поворота», фактически формируя основу для будущего политического проекта партии.

Одной из центральных тем, которую П. Тольятти затрагивал в своих выступлениях, было противодействие возрождению фашистского режима. Он последовательно выступал за демонтаж системы, сформировавшейся в период фашистского правления, и создание нового политического порядка, который он обозначал как «прогрессивную демократию».

---

[213] Сушков Д.Д. Фашизм и Сопротивление в Италии в интерпретации Коммунистической партии и Христианской демократической партии (1943–1948 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 130.

Говоря о демократических нововведениях в стране после окончания войны, П. Тольятти заявил, что основной задачей является уничтожение остатков фашизма, исключение из политического процесса и наказание всех лояльных режиму Б. Муссолини кадров[214].

В речи, посвящённой проблеме влияния реакционных сил в стране, он критиковал позицию, направленную на историзацию фашистского периода. Лидер коммунистов стремился внедрить в общественную память воспоминания о фашистском периоде в качестве назидания: «<…> мы абсолютно не допустим, чтобы подобные определения фашизма циркулировали в здоровых кругах итальянской нации. Мы не хотим, чтобы итальянский народ забыл все, что произошло за последние двадцать лет. Горе, если они забудут!»[215].

Позиция коммунистов по поводу отношения к фашистскому прошлому однозначна: они не стремились «забыть» эпоху Б. Муссолини, напротив, память об ужасах фашизма и борьба с режимом в ходе гражданской войны была для них конституирующим моментом собственной политической истории.

В контексте борьбы с остатками фашизма большое внимание уделялось т.н. «реакционным силам», наличие которых П. Тольятти регулярно обозначал в своих речах. Этот термин, используется им для обозначения политических сил, несогласных с позицией антифашистской коалиции и, прежде всего, с линией ИКП.

Реакционерами П. Тольятти называл фашистов[216], крупных землевладельцев на юге страны[217], владельцев промышленного и финансового капитала[218]. Вопрос борьбы с «реакционерами» тесным образом был связан с проблемой монархии, естественным образом возникшим с началом гражданской войны. При этом, монархисты, «присоединившиеся к народу»[219], реакционерами в глазах П. Тольятти не являлись. Иными словами, понятие «реакционер» использовалось избирательно,

[214]Togliatti P. Per un profondo rinnovamento democratico // Avanti, verso la democrazia! P. 21.
[215]Togliatti P. Contro ogni rinascita di forze reazionarie // Avanti, verso la democrazia! P. 13-14.
[216]Togliatti P. La politica nazionale dei comunisti // Avanti, verso la democrazia! P. 28.
[217]Togliatti P. Le terre incolti ai contadini // Avanti, verso la democrazia! P. 47-48.
[218]Togliatti P. Contro ogni rinascita di forze reazionarie. P. 14.
[219]Togliatti P. La nostra politica di unità // Avanti, verso la democrazia! P. 17.

для обозначения политических противников коммунистов и сил антифашистского Сопротивления.

В речи «Наша политика единства», лидер коммунистов стремился разграничить силы, участвующие в гражданской войне. Говоря о монархистах, он разделял их на три условные группы, отделяя таким образом «своих» и «чужих».

Он выделял:

1) «реакционных генералов» и «предателей присяги», которые должны были «объединиться с народом для сопротивления тевтонским ордам», но не сделали этого;

2) «морских офицеров-монархистов, оставшихся верными присяге и присоединившихся к демократическим силам для борьбы с немцами»;

3) силы, присоединившиеся к партизанским отрядам для борьбы с нацифашистами[220].

По мнению автора исследования, логика использованного им разделения применима, не только к монархическим силам, втянутым в конфликт, но и ко всем группам. Руководство коммунистической партии таким образом стремилось не только обозначить своих союзников и противников, но и показать, какие из сил более близки к Сопротивлению и, следовательно, будут обладать большей легитимностью при формировании будущего правительства.

В этой смысле наибольшим правом на власть обладали бойцы движения Сопротивления, затем те, кто присоединился к англо-американским силам. Не могли обладать правом участия в дальнейшей политической жизни экс-фашисты, которые должны были быть наказаны вне зависимости от занимаемого положения[221].

П. Тольятти большое внимание уделял вопросу наказания виновных в разрушении страны, акцентируя внимание на легальности этого процесса. Он отстаивал позицию скорейшего создания «антифашистских законов», которые не

[220]Ibid.
[221]Ibid. P. 17.

только стали бы юридической основой для судебных процессов, но и сделали бы невозможным возрождение фашизма[222].

Важным понятием в системе, конструируемой П. Тольятти и коммунистами, являлась «нация». Руководство ИКП осознавало, что восприятие их партии в народных массах не столь позитивно и однозначно, как это было необходимо для укрепления политических позиций. Это было связано с тем, что П. Тольятти в течение двух десятилетий находился за границей, имел гражданство СССР и вернулся в Италию лишь в 1944 г. Этот могло наводить на мысль о том, что он был агентом влияния Советского союза в стране. Кроме того, заметная роль лидера ИКП в рамках Интернационала и строгая приверженность сталинской линии[223] могли вызывать недоверие у потенциальных сторонников.

Не случайно П. Тольятти, пытаясь опровергнуть расхожие стереотипы о деятельности коммунистов, говорил: «Нам говорят, что мы хотим установить в Италии, вот так, вдруг, режим распределения собственности и так далее. Вы прекрасно знаете, что наша партия не ставит сегодня перед массами итальянского народа такой цели»[224].

В попытке избавиться от подобных подозрений, он пытался сформулировать идеологически приемлемую интерпретацию «нации» и «национализма», что позволило бы присвоить коммунистам право интерпретации этого важного аспекта идентичности.

Помимо «империалистического национализма», присущего фашистскому режиму и приведшего страну к катастрофе, П. Тольятти предлагал и иную концепцию – «нацию рабочих»[225], т.е. сообщество, сформированное единственными носителями итальянской государственности – итальянскими рабочими массами. Он отвергал образ сформированной фашизмом нации, интерпретируя фашизм как «наследника и воплощение всех реакционных традиций страны»[226]. Подобная

[222]Togliatti P. Un programma di Governo // Avanti, verso la democrazia! P. 52.
[223]Ragionieri E. La Terza Internazionale e il Partito comunista italiano. Torino, 1978 . P 373.
[224]Togliatti P. Solidarietà nazionale // Avanti, verso la democrazia! P. 45.
[225]Togliatti P. La politica nazionale dei comunisti // Avanti, verso la democrazia! P. 26.
[226]Ibid. P. 27.

постановка рамок была крайне удобна для обоснования фактически исключительного права коммунистов на власть. Являясь «рабочей партией», коммунисты провозгласили себя лидерами «нации рабочих».

П. Тольятти не использовал в своих выступлениях подобные формулировки напрямую, однако периодически выражал это стремление при помощи клишированных выражений. Так, в разных выступлениях, для обозначения ведущей роли коммунистов он использовал формулировки вроде «рабочий класс и его партия»[227], «рабочий класс и его авангардная партия», «наиболее передовое крыло Фронта национального освобождения»[228], «наиболее передовые силы демократии»[229]; либо указывал на организационные способности коммунистов: необходима «ясность видения, политическое мастерство, мудрость и сила авангардной партии рабочего класса»[230].

Таким образом, именно коммунистической партии отводилось руководящее место в «нации рабочих». «Национальное» измерение тут так же отличается от «империалистического». П. Тольятти формировал представление о том, что интересы нации были подменены интересами узких реакционных кругов и только с приходом к власти Комитетов национального освобождения можно говорить о наступлении момента, когда «именно народ должен взять судьбу своей страны в свои руки и установить такой режим, при котором он окончательно и полностью будет контролировать собственную судьбу»[231].

В рамках данной модели, главным критерием подлинно национального мышления было стремление «быть с народом», т.е. приверженность политической линии движения Сопротивления, или курсу ИКП. Именно поэтому поступок солдат и офицеров, перешедших на сторону союзников или примкнувших к Сопротивлению расценивался П. Тольятти как патриотичный и подлинно национальный[232], а переход

[227]Togliatti P. La nostra politica di unità // Avanti, verso la democrazia! P. 16.
[228]Togliatti P. I reazionari sono nemici dell'Italia // Avanti, verso la democrazia! P. 49.
[229]Ibid. P. 50.
[230]Togliatti P. Il movimento dei Comitati di Liberazione ha il diritto di governare il paese // Avanti, verso la democrazia! P. 35.
[231]Togliatti P. La politica nazionale dei comunisti. P. 28.
[232]Toglliatti P. La nostra politica di unità. P. 17.

на сторону Итальянской социальной республики считался антинациональным шагом и служением «тевтонским ордам»[233], разорившим страну.

В контексте определения нации, в газете «La Rinascita» был помещён отрывок из работы В. Ленина «О национальной гордости великороссов», с помощью которого конструировалось «коммунистическое» понимание «нации» в итальянских реалиях. Национальная гордость рассматривалась коммунистами не с империалистических позиций, а с точки зрения революционных достижений нации, сводящихся к освобождению рабочих масс и борьбе против угнетения: «Нас всех переполняет чувство национальной гордости, потому что великорусская нация создала революционный класс, показала, что она способна дать человечеству великие примеры борьбы за свободу и социализм, а не только великие погромы, виселицы, тюрьмы, голод и великое раболепие перед попами, царями, помещиками и капиталистами»[234].

Учитывая ориентацию итальянских коммунистов на советский опыт и приверженность П. Тольятти идеям марксизма-ленинизма, подобный текст наглядно демонстрировал читателям теоретические аспекты идеологии коммунистов и в то же время способствовал формированию параллелей с итальянской общественно-политической реальностью, в которой были свои «попы, цари, помещики и капиталисты» в лице понтифика, монарха, представителей промышленного и финансового капитала, а также латифундистов – крупных землевладельцев на юге страны.

В логике подобного размышления возникает вопрос о том, насколько другие крупнейшие антифашистские партии вписывались в концепцию «нации рабочих».

На момент 1944-1948 гг. партии не проявляли явных противоречий, которые могли бы расколоть их единство в борьбе против нацифашизма, однако подобное единство едва ли можно назвать естественным. Сам П. Тольятти, стремясь сохранить его хотя бы на время войны, заявлял: «Чтобы

[233]Данная метафора (от итал. Orde teutoniche) использовалась П. Тольятти для обозначения немецких оккупационных сил в нескольких выступлениях: Contro ogni rinascita di forze reazionarie; La nostra politica di unità.
[234]Rinascita. Anno I. N. 1. Giugno 1944.

укрепить это единство, мы решили оставить в стороне вопросы, которые могут разделять нас сегодня и которые мы решим, когда придёт время»[235].

Помимо временного прекращения политической борьбы между оппонентами (которая получила продолжение в виде борьбы за институты государства, например, профсоюзы[236]), П. Тольятти регулярно подчёркивал в своих речах факт совместного участия всех антифашистских сил, как в борьбе против фашизма, так и в политике страны.

Тем не менее, он был склонен отделять в своих речах коммунистов и социалистов от христианских демократов. Так, в своей речи, посвящённой единству с «католическими рабочими массами», он высказывал тезис о необходимости взаимного уважения и признания, заявлял об уважении чувств верующих и призывал «представителей и священнослужителей этой веры в свою очередь уважать нашу веру, наши символы, наш флаг»[237], приравнивая, подобно П. Ненни, коммунизм к католицизму.

В речи, посвящённой единству антифашистских сил П. Тольятти также указывал на союз с ХДП, однако вновь озвучивал условие, при котором возможно такое тесное взаимодействие: «<…> для осуществления этого блока необходимо, чтобы сама христианско-демократическая партия заняла чёткую линию защиты интересов трудящихся масс, рабочих и крестьян, что соответствует нашим чаяниям и чаяниям самих рабочих, которые следуют за этой партией»[238].

Подобная постановка проблемы свидетельствует о натянутых отношениях между коммунистами и христианскими демократами. В первом выпуске газеты «La Rinascita» П. Тольятти заявлял, что единственной верной идеологией, «без которой невозможно верно осуществлять политику пролетариата и масс» является «доктрина Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина»[239], а его отношение к религиозности

[235]Togliatti P. La nostra politica di unità. P. 16.
[236]Mammarella G. Op. cit. P. 22-23
[237]Togliatti P. Unità di azione con le masse lavoratrici cattoliche // Avanti, verso la democrazia! P. 25.
[238]Togliatti P. Una politica conseguente di unita // Avanti, verso la democrazia! P. 61.
[239]Rinascita. Anno I. N. 1. Giugno 1944.

итальянцев в целом можно охарактеризовать как номинальное[240]. Следовательно, едва ли возможно говорить о полной солидарности между двумя партиями.

Более того, курс на «реконструкцию» дофашистской парламентской системы, взятый А. Де Гаспери[241], также не способствовал сближению с ХДП, т.к. именно «так называемая либеральная демократия»[242], частью которой была и Итальянская народная партия, от которой вела своё происхождение ХДП, стала причиной прихода фашизма и противостояла участию в политике «марксистского крыла»[243].

Говоря о взаимодействии с католическими массами (прежде всего, крестьянскими), коммунисты всё же стремились сгладить углы в религиозных вопросах, имевших крайне важное значение для потенциальных сторонников, особенно на юге страны. Вместе с тем, они ставили в центр внимания притеснения и лишения, которые разделяли как католики, так и коммунисты во время войны[244], стремясь сместить некоммунистические массы в плоскость своей идейно-политической системы. Впоследствии коммунисты пытались вывести религиозный вопрос за рамки политического, отрезая таким образом, по мнению А. Де Гаспери, себя от итальянцев[245].

Лидер коммунистов уделял значительное внимание союзу с социалистами, нередко ставя их на первое место среди сил антифашистского Сопротивления и обосновывая необходимость совместных действий. В его риторике коммунисты и социалисты неизменно выступали единым фронтом, причём иногда он даже сознательно «уступал» им первенство, используя выражения вроде: «коммунистическая партия, союзник социалистической партии»[246], «мы предложили, или, лучше сказать, Социалистическая партия предложила, и мы

---

[240]De Gasperi. M. R. De Gasperi scrive. Corrispondenza con capi di stato, cardinali, uomini politici, giornalisti, diplomatici. Vol. II. Brescia, 1981. P. 211-215.
[241]Andreotti G. De Gasperi e la ricostruzione. P. 107-118.
[242]Вопросу деконструкции концепции «либеральной демократии» посвящена статья В. Кризафулли «Либерализм и демократия», вышедшая в 3 номере газеты «Rinascita» за 1944 г. В ней автор разбирал генезис либерализма и демократии и стремился показать, почему эти два понятия не только не тождественны, но во многом и антагонистичны. См.: Rinascita. Anno I. N. 1. Giugno 1944.
[243]Ibid.
[244]Ibid.
[245]La parola di De Gasperi // Il Popolo. 5 novembre 1946.
[246]Togliatti P. Unità di azione con le masse lavoratrici cattoliche. P. 25.

поддержали»[247], «наиболее передовые силы демократии: Социалистическая партия, Коммунистическая партия»[248], «коммунистическое движение, близкий союзник социалистического движения»[249] и т.д.

П. Тольятти указывал на то, что у обеих партий общие корни (в отличие от ХДП): «У нас особенно тесные отношения с Социалистической партией, потому что Социалистическая партия, как и мы, является партией, которая корнями уходит в рабочий класс, и хочет, чтобы партии, связанные с ней, шли вместе в этот решающий для нации час, чтобы рабочий класс мог оказать решающее действие в интересах всей страны, мог вывести всю страну на путь свободы, демократии, прогресса и социальной справедливости»[250].

Из приведённого фрагмента следует, что П. Тольятти не только подчёркивал общие с социалистами идеологические истоки и социальную базу в лице рабочих, но и стремился создать впечатление, что Социалистическая партия занимала ведущую роль в этом движении.

Тем не менее, в «уступках» коммунистов можно усмотреть стратегический умысел, который становится ясным при учитывании ещё одного аспекта их политического проекта – роли Комитетов национального освобождения в формировании будущей административной системы страны. П. Тольятти отстаивал идею о том, что именно КНО обладали правом формирования правительства страны: «мы утверждаем, что в настоящее время партии, входящие в движение Комитетов [национального – *Д. Д.*] освобождения, являются основными партиями, вокруг которых собраны массы итальянского народа, это основные партии, которые несут на себе нерушимый антифашистский отпечаток благодаря своему прошлому и своей нынешней деятельности»[251].

Апелляция коммунистов к КНО была вполне закономерной. Эти комитеты представляли собой наиболее легитимные органы власти на освобождённых от

[247]Togliatti P. Un programma di governo. P. 53.
[248]Togliatti P. Forze reazionari sono nemici dell'Italia. P. 50.
[249]Rinascita. Anno I. N. 1. Giugno 1944.
[250]Togliatti P. Una politica conseguente di unita. P. 61-62.
[251]Togliatti P. Il movimento dei Comitati di liberazione nazionale ha il diritto di governare il paese // Avanti, verso la democrazia! P. 35.

нацифашистов территориях и объединяли различные антифашистские силы. Однако очевидно (и это признавали уже современники), что КНО фактически выполняли функцию своеобразных «советов», созданных коммунистами, которые возлагали на них значительные надежды в рамках будущей политической борьбы. Не случайно П. Тольятти стремился продвинуть идею административной реформы на основе ячеек КНО[252], поскольку ставка на это могла бы в перспективе вывести ИКП на лидирующие позиции среди антифашистских сил.

Последней наиболее важной составляющей формировавшегося коммунистами политического проекта была концепция «прогрессивной демократии», которая, в представлении П. Тольятти, должна была лечь в основу будущей политической системы страны. Лидер коммунистов расплывчато определил её как «ту, что смотрит не в прошлое, но в будущее»[253]. По мнению П. Тольятти, прогрессивная демократия должна была ликвидировать любую возможность возвращения фашизма: разрушить все остатки феодализма и решить аграрный вопрос через передачу земель крестьянам, ограничить влияние крупных собственников, признать автономии Сицилии и Сардинии. Демократия должна была формироваться не из старых элит[254].

Таким образом, центральными аспектами политического проекта коммунистов были понятия о нации как о сообществе рабочих, формирующих политическую систему «прогрессивной демократии». Коммунистическая партия, как наиболее «рабочая» партия, обладала преимуществом в организации масс и, следовательно, должна была, по мнению самих коммунистов, иметь наибольший политический вес в будущей системе. Ключевая задача «прогрессивной демократии» – уничтожение остатков фашистской модели и формирование новой политической системы. Угроза фашизма была центральным мотивом в риторике П. Тольятти и ИКП. Именно поэтому борьба с «реакционными» элементами и институтами являлась основной в политическом проекте коммунистов.

---

[252]Togliatti P. Un programma di governo // Avanti, verso la democrazia! P. 53.
[253]Togliatti P. Per ina democrazia progressiva // Avanti, verso la democrazia! P. 29.
[254]Ibid. P. 29-30.

Коммунисты, как и прежде, обосновывали своё право на формирование политической системы наличием энергии и большого организационного опыта[255]. Это означало, что только они, как представители рабочих, имели право занять руководящие позиции в процессе управления. Тем не менее, сразу после войны коммунисты оказались в трудной ситуации. П. Тольятти осознавал, что главной задачей его партии было постепенное изменение соотношения сил в правительстве будущей республики и захват власти[256]. Именно поэтому коммунисты были крайне заинтересованы в сохранении единства с социалистами.

Вместе с тем, внутри партии наметился ряд негативных тенденций, существенно влиявших на эффективность её деятельности. Высокая роль лидера в функционировании партии и приверженность П. Тольятти союзу с Москвой; роль СССР в оформлении т.н. «Салернского поворота»[257], а также догматичная бескомпромиссность как с внутренней оппозицией, так и во взаимодействии с союзниками по левому лагерю, приводила к ощущению «авторитарности и недемократичности» ИКП[258]. По мнению историка Ц. Кин, хотя П. Тольятти регулярно совещался с интеллектуалами и партийными товарищами, решения всегда принимались им лично[259].

Несмотря на то, что П. Тольятти был одним из наиболее убеждённых сталинистов[260], движение в русле советской модели долгое время было не столько личной инициативой секретаря ИКП, сколько негласным «обязательством»[261] итальянских коммунистов в рамках сложившихся отношений с Москвой.

---

[255]Ibid. P. 342.
[256]Тольятти П. Речи в Учредительном собрании. С. 6.
[257]«Салернский поворот» (от итал. La “svolta di Salerno”) – термин используемый для обозначения новой компромиссной линии, выдвинутой при поддержке СССР П. Тольятти в апреле 1944 г. и направленной на достижение договоренности между антифашистскими партиями, монархией и П. Бадольо, что позволило бы сформировать правительство национального единства, в котором участвовали бы представители всех антифашистских политических сил. См.: Clementi M. L’alleato Stalin. L’ombra sovietica sull’Italia di Togliatti e De Gasperi. Milano, 2011.
[258]Gambino A. Storia del dopoguerra. Dalla Liberazione al potere DC. Vol. I. P. 186.
[259]Кин Ц. Ук. соч. С. 214.
[260]Ragionieri E. Op. cit. P 373.
[261]Mammarella G. Op. cit. P. 15-17.

Вместе с тем, руководители партии отдавали себе отчёт в необходимости создания «новой партии», т.е. партии, развивающейся и осуществляющей свою деятельность автономно, в отрыве от старых идеологических установок, созданных в рамках Интернационала[262]. Приток большого числа молодёжи в ряды ИКП вынуждал партийную элиту трансформировать идеологический курс и внутреннюю организацию, отталкиваясь от текущих задач[263]. Так создавался «параллельный» политический нарратив, принимаемый рабочими и ориентированный на актуальные политические и социальные проблемы страны и проекты его последующего переустройства[264].

Требование установления «прогрессивной демократической конституции»[265], политического компромисса и выражения «интересов трудящихся»[266], как единственных сил, представляющих итальянскую нацию, создавало эффект «“троянского коня” в буржуазной цитадели»[267], что настораживало как оппонентов, так и союзников ИКП и затрудняло создание прочных доверительных отношений даже внутри левого лагеря.

[262]Ragionieri E. Op. cit. P. 369-370.
[263]Ibid. P. 380-381.
[264]См.: Togliatti P. Avanti, verso la democrazia! Mosca: Edizioni in lingue estere, 1945.
[265]Тольятти П. Речи в Учредительном собрании. С. 17.
[266]Там же. С. 24-25.
[267]Spriano P. Storia del Partito comunista italiano. La Resistenza. Togliatti e il partito nuovo. P. 523.

1.3. Политическая «реконструкция» Христианско-демократической партии

Большое влияние на формирование христианско-демократического проекта по переустройству государства оказал её лидер – А. Де Гаспери. Он представлял дофашистское поколение партийных деятелей, входивших в состав Итальянской народной партии (ИНП), от которой официально и вела свое происхождение Христианско-демократическая партия[268].

Внутри партии сформировалось два условных политических проекта, один из них представлял дон Л. Стурцо, эмигрировавший из фашистской Италии в Великобританию, а затем в США. Он отстаивал монархические[269] идеи и выступал за сохранение близких связей с Ватиканом[270]. Второй проект представлял А. Де Гаспери, по его задумке предусматривался процесс постепенной секуляризации партии и снижение роли Святого престола в её жизни. В контексте антифашистской борьбы и дальнейшего развития политической системы главную роль сыграл А. Де Гаспери, фактически сформировавший политический профиль послевоенной христианской демократии, поэтому предложения дона Л. Стурцо в настоящей работе рассматриваться не будут.

Итак, после окончания войны папа Пий XII был вынужден признать изменение политического контекста в стране и начать сотрудничество со «светской католической партией»[271], равно как и представители крупного капитала, заинтересованные в сохранении контроля над промышленными предприятиями, обратились к ХДП[272].

Позиция А. Де Гаспери активно критиковалась левоориентированными членами партии. Так, левый католик А. Орсини, тяготевший к коммунистическим

[268]Giovannini C. La Democrazia Cristiana dalla fondazione al centro-sinistra (1943-1962). P. 1.
[269]Op cit. P. 15.
[270]Formigoni G. Op. cit. P. 21.
[271]Ibid. P. 22.
[272]Giovannini C. La Democrazia Cristiana dalla fondazione al centro-sinistra (1943-1962). P. 15.

идеям, считал, что ХДП не была преемницей Итальянской народной партии, поскольку та был партией католиков, а А. Де Гаспери стремился сделать ХДП партией власти[273]. Это, по мнению А. Орсини, сближало христианских демократов с фашистами в вопросах отношения к власти. Подобная аргументация была характерна для левых политиков того времени, считавших А. Де Гаспери защитником интересов крупного капитала[274]. Поэтому его взгляды противоречили общей позиции коммунистов и социалистов по вопросам экономического переустройства государства.

Обвинения в сторону ХДП по поводу «фашизации» системы стали одним из ярких проявлений кризиса «трёхпартийной» системы. Философ-социалист Л. Бассо, комментируя итоги выборов 18 апреля 1948 г. обвинял правительство в «нарушении духа и буквы первой статьи конституции, согласно которой страна является демократической республикой»[275] и констатировал процесс «фашизации» страны[276].

Первое публичное оглашение программы ХДП можно отнести к 23 июля 1944 г. После освобождения столицы страны[277], А. Де Гаспери выступил с речью в театре Бранкаччо, представив политические ориентиры своей партии.

В основу его тезисов легли т.н. «Соображения по восстановлению страны, предложенные христианской демократией»[278] – программный документ ХДП, составленный в 1943 г. в Риме и распространявшийся подпольно[279]. Выступление во многом сформировало политическую повестку ХДП в этот период.

Характерной особенностью риторики А. Де Гаспери было позитивное отношение к дофашистскому прошлому страны, что противоречило позиции других членов антифашистского Сопротивления[280].

---

[273]Ibid. P. 206.
[274]Giovannini C. Op. cit. P. 15.
[275]Basso L. Due totalitarismi. Fascismo e democrazia cristiana. Cernusco sul Naviglio, 1951. P. 151.
[276]См.: Basso L. Processo di fascistizzazione in atto (tre discorsi sulla politica interna) // Due totalitarismi. Fascismo e democrazia cristiana. P. 150-257.
[277]De Gasperi A. Discorsi politici. Vol. I. Roma, 1956. P. 1-20.
[278] Le idee ricostruttive della democrazia cristiana. Roma, 1943.
[279] Guarasci R. Archivi e sistema informativo nella Democrazia Cristiana, 1943-1993 // Atlanti. 2007. Vol. 17. № 1-2. P. 240.
[280]Nenni P. Il Centenario del “Manifesto” di Marx e di Engels.

В своем выступлении лидер ХДП говорил об общеевропейском понимании «свободы», отсылавшей даже к Средним векам[281]. Отсылка к общему христианскому прошлому использовалась А. Де Гаспери для того, чтобы показать общий фундамент всех демократических сил, объединившихся для борьбы с режимами А. Гитлера и Б. Муссолини.

Согласно лидеру христианских демократов, именно идея «свободы» была объединяющей в диалоге между союзниками и членами итальянского Сопротивления: «Именно этот дух средневековых хартий и христианских статутов наших свободных коммун вновь проявляется в американских конституциях. Это та же идея, которая вдохновляла гвельфов Рисорджименто. Это та же самая идея, которая вновь появляется в речах Уоллеса[282] о христианской демократии, в выступлениях Рузвельта и Черчилля, противопоставляющих христианскую цивилизацию неоязыческой концепции гитлеровского Рейха и Государства Муссолини. Это та же идея свободы, которая, будучи правильно истолкована, доносит до нас суть христианства, которое должно обеспечить безопасность завтрашнего дня»[283].

А. Де Гаспери, подобно левым представителям Сопротивления, противопоставлял «истинную» Италию фашистскому режиму Б. Муссолини, однако делал это исходя из иных соображений: если социалисты и коммунисты рассматривали политическую историю, отталкиваясь от классового подхода, А. Де Гаспери говорил о культурно-исторических истоках итальянской и общеевропейской идентичности, противостоящей «неоязыческим» тоталитарным режимам, ответственным за мировую войну.

Связь с союзниками была крайне важна для лидера христианских демократов. По мнению итальянского исследователя Дж. Формигони, возможность формирования демократической системы стала возможна именно благодаря тому, что юг страны фактически управлялся оккупационной администрацией и составлял

[281]De Gasperi A. La Democrazia Cristiana e il momento politico // Discrorsi politici. Vol. I. P. 2.
[282]Речь идет о Г. Уоллесе (1888-1965), американском политике, лидере Прогрессивной партии.
[283]De Gasperi A. La Democrazia Cristiana e il momento politico // Discrorsi politici. Vol. I. P. 3.

опору для партии А. Де Гаспери как на административном уровне, так и в качестве гарантии от нападок со стороны ИСП и ИКП[284].

А. Де Гаспери заявлял о необходимости восстановить традиционно близкие международные отношения с Англией и США, либеральный режим которых был близок, по мнению политика, истинному итальянскому духу[285]. Помимо этого, успех его партии обеспечила и политическая гибкость П. Тольятти, готового на любые компромиссы ради участия в итальянской политике[286].

Фактически, А. Де Гаспери в качестве своей главной опоры в восстановлении страны выбрал именно союзников, в отличие от коммунистов или социалистов, так или иначе тяготевших к СССР, исключённому на тот момент из военной администрации, осуществлявшей управление занятыми союзниками итальянскими землями. Данное обстоятельство, безусловно, обеспечивало высокие стартовые позиции в будущей политической борьбе хотя бы с точки зрения внешней легитимации[287].

Итак, делая ставку на кооперацию с Союзниками, лидер ХДП говорил о двух глобальных задачах, которые было невозможно решить без помощи «стран-освободительниц»:

1) моральное восстановление страны, заключавшееся в демонстрации готовности жертвовать собой как со стороны союзников, так и со стороны христианских демократов (вероятно, речь идёт об отрядах «Зеленого пламени» – боевых организациях католиков, участвовавших в Сопротивлении). Для лидера христианских демократов было крайне важно донести до простых итальянцев мысль о том, что англо-американские силы не являются захватчиками или оккупантами, но, напротив, жертвуют собой ради свободы простых людей[288].

---

[284]Formigoni G. Op. cit. P. 33-35.
[285]De Gasperi A. La Democrazia Cristiana e il momento politico // Discrorsi politici. Vol. I. P. 3.
[286]Giovannini C. Op. cit. P. 18.
[287]Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности URL: https://gtmarket.ru/library/basis/4783/4789?ysclid=lzh0x8xuh1926254285 (дата обращения: 05.08.2024).
[288]De Gasperi A. La Democrazia Cristiana e il momento politico // Discrorsi politici. Vol. I. P. 6.

Стоит отметить, что негативное восприятие союзников было распространено как в левой антифашистской среде, так и в профашистских кругах, ведших в то время борьбу как с Союзниками, так и с Сопротивлением[289]. Так, Н. Мазеллис, негативно воспринимавший продвижение войск США и Великобритании, вспоминал: «Ни одного пушечного выстрела не было сделано против вражеского флота, когда он приблизился к побережью Сицилии, и всего “тридцать восемь дней” потребовалось полчищам разбойников, чтобы захватить весь остров, который был богат естественной обороной и хорошо подготовлен, в то время как последовало фактическое расформирование многих частей, размещённых там, в ожидании приказов»[290].

Активизация антифашистского подполья и капитуляция короля также воспринималась Н. Мазеллисом негативно: «Сегодня, когда судьба войны решается для нас неблагоприятно, они гневно осуждают труд человека, который, чтобы сделать свою Родину, Италию, великой, вступил в борьбу с самыми могущественными империями мира»[291], – писал он о роли Б. Муссолини в процессе нациостроительства. Стоит отметить, что несмотря на позитивную оценку деятельности дуче и резкую критику антифашистов, Н. Мазеллис, тем не менее, не занимал профашистскую позицию, прежде всего, он исходил из патриотических чувств и клеймил элиты за отсутствие политической воли в неблагоприятно складывавшихся для страны условиях.

Возвращаясь к риторике А. Де Гаспери, стоит также отметить необходимость материального восстановления страны – второго по значимости приоритета для предложенного политиком проекта преобразований. Лидер ХДП призывал национальное правительство и Союзников «совместными усилиями возродить пошатнувшуюся веру народа, создать бюро связи, назначить верховных комиссаров

[289]См.: Manunta U. La caduta degli angeli. Roma, 1947; Masellis N. Pagine della storia d’Italia (1943-1946). Roma, 1952; Rossi A. Figlio del mio tempo. Roma, 1969.
[290] Masellis N. Pagine della storia d’Italia (1943-1946). Roma, 1952. P. 29-30.
[291] Ibid. P. 20-21.

в отдельных регионах, закупить сырье, организовать восстановление складов, воссоздать муниципальные строительные органы и консорциумы»[292].

Таким образом, он делал ставку на взаимодействие правительства и оккупационных властей в вопросах восстановления страны. При этом необходимо учитывать, что реальная власть над страной на тот момент принадлежала именно Союзникам, поэтому А. Де Гаспери, фактически, полагал восстановить страну за чужой счёт, стремясь минимизировать затраты для итальянцев[293].

Принимая во внимание вклад СССР в борьбу с общим врагом, а также тесные связи с ИКП, лидер ХДП дал любопытную оценку советской системе: он говорил о том, что «русский эксперимент»[294] имеет очень много общего с христианским посланием, универсалистским и эгалитарным по своей сути.

А. Де Гаспери, хотя и отвергал идею советов как ненужную и неэффективную для Италии, отмечал толерантность к представителям других рас в СССР, в то время как «Гитлер и Муссолини преследовали людей за их расу»: «<…> эта попытка, это усилие по объединению человеческого сообщества, позвольте мне сказать вам: это христианство, это в высшей степени универсализм в его католическом проявлении», – отмечал он[295].

Подобная оценка советской системе, помимо очевидного вклада в борьбу с нацизмом, могла быть обусловлена и текущими политическими причинами. По мнению автора исследования, главная задача лидера христианских демократов на тот момент заключалась в обеспечении для партии как можно более широкой поддержки населения вне зависимости от их религиозной, культурной или классовой принадлежности. Поскольку значительная часть итальянцев питала симпатии к социалистам и коммунистам, необходимо было показать качественно иной, универсальный характер Христианско-демократической партии через избегание явной идеологической и политической поляризации.

---

[292]De Gasperi A. La Democrazia Cristiana e il momento politico // Discrorsi politici. Vol. I. P. 6.
[293] См.: Болгова И.В., Маслова Е. А. «Запрос» на вмешательство: отношения Италии и Франции с США в 1945—1948 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. № 15(4). URL: https://history.jes.su/s207987840031503-2-1/ (дата обращения: 14.04.2025).
[294]De Gasperi A. La Democrazia Cristiana e il momento politico // Discrorsi politici. Vol. I. P. 15.
[295]Ibid. P. 15-16.

Кроме того, подобный «умеренный» подход позволил бы не обострять отношения с левыми представителями объединенных антифашистских сил. Комплекс этих подходов получил название «интерклассизм»[296].

Взаимодействие внутри КНО также имело важное значение для ХДП. Лидер христианских демократов отмечал беспрецедентность подобного сотрудничества сил, имевших «разное происхождение и мировоззрение»[297].

Тем не менее, он не питал иллюзий по поводу дальнейшего взаимодействия с левыми силами. Политик критиковал популистские лозунги левых в пользу республики, призывая более осознанно относиться к выбору формы правления: «Вы запросто выкрикиваете “Да здравствует Республика!”, потому что хотите сказать этим прежде всего “Да здравствует свобода”. Но я добавлю к этому: прежде всего, мы должны ощущать чувство ответственности. <…> какую республику вы хотите? Социалистическую, коммунистическую, демократическую?»[298].

Вопрос формы правления напрямую связан для А. Де Гаспери с тем, какая *именно* республика будет установлена. Если ИСП и ИКП высказывались однозначно за республику, то христианские демократы предпочитали не занимать чёткой позиции по этому вопросу. А. Де Гаспери старался показать массам, что подобная постановка проблемы слишком упрощает её[299]: «Настоящий вопрос звучит так: “Хотите ли вы установить Республику, то есть чувствуете ли вы себя способными взять на себя, итальянский народ, всю ответственность, всё большие жертвы, всё большее участие, которое требует режим, в котором все, даже глава государства, зависят от вашего личного решения, выраженного с помощью избирательного бюллетеня?”»[300].

---

[296] Интерклассизм (от итал. interclassismo) – политическая и социальная концепция и практика, утверждающая и поощряющая сотрудничество между различными социальными классами и согласование определенных интересов. Солидаристская идеология интерклассизма выполняют функцию выработки политического консенсуса, в основе которой лежит практика посредничества и обмена между разнородными группами и интересами.
[297] De Gasperi A. La Democrazia Cristiana e il momento politico. P. 7.
[298] Ibid. P. 12.
[299] De Gasperi A. Il discorso // Il Popolo. 12 maggio 1946.
[300] Ibid.

Лидер ХДП призывал к осознанности голосующих и предостерегал их от необдуманного голосования, на которое могли бы вдохновить лозунги коммунистов и социалистов[301]. Тем не менее, А. Де Гаспери заявлял о том, что с пониманием отнесётся к волеизъявлению народа в любом случае, рассчитывая на осознанность их выбора[302].

В контексте выбора формы правления, ключевой проблемой, по мнению А. Де Гаспери, было соотношение двух моделей формирования политического представительства, воплощённых в системе «советов» (“i consigli”) и коммун (“i comuni”)[303]. Лидер христианских демократов критиковал систему «советов», предлагаемую левыми в качестве основополагающей ячейки формирования политического представительства, поскольку «это идеальная форма для диктатуры пролетариата»[304], т.е. для классовой организации общества и производства. Для А. Де Гаспери же подобный подход был неприемлем, т.к. он не отвечал его представлениям о демократическом представительстве, основанном, прежде всего, на территориальном признаке, т.е. посредством коммун – «древних территориальных объединений»[305].

Являясь основой свободы, коммуны не могли, по мнению политика, быть заменены классовыми механизмами, поскольку это способствовало бы приходу новой диктатуры: «Когда фашизм начал разрушать ткань наших свобод, он начал атаку на коммуны, потому что именно там, в коммунальных советах, даже самых маленьких, люди учатся стоять за себя, и обладают большей политической и

[301]Nenni P. Che cosa vuole il Partito socialista. P. 15.
[302]De Gasperi A. Il discorso // Il Popolo. 12 maggio 1946.
[303] Коммуны (от итал. “I comuni”), являются первичной административной единицей, формирующей систему местного политического представительства, исходя из воли жителей. Советы (от итал. “I consigli”) представляли из себя воспринятый итальянскими коммунистами советский опыт. По их представлениям, базовой административной и политической единицей государства должны были стать *советы*, формирующиеся из представителей рабочих предприятий региона, что нарушало бы сложившиеся традиции на местах и усиливало роль коммунистов, поскольку те предлагали в качестве основы для *советов* использовать ячейки КНО.
[304]De Gasperi A. La Democrazia Cristiana e il momento politico // Discrorsi politici. Vol. I. P. 13.
[305]Ibid. P. 13.

административной мудростью, чем в Большом фашистском совете»[306], – отмечал лидер ХДП.

Отвергая идею создания системы «советов», А. Де Гаспери, фактически, ставил под сомнение роль Комитетов национального освобождения в дальнейшем управлении страной, что шло вразрез с общим курсом левых, в особенности коммунистов, стремившихся создать на основе КНО фундамент своей власти. Принимая во внимание заслуги КНО в борьбе против фашизма и в объединении всех антифашистских сил, А. Де Гаспери, тем не менее, заключал, что «более нельзя говорить о пяти или шести партиях, которые в равной мере разделяют груз ответственности»[307]. Иными словами, после окончания войны, вся ответственность должна была быть возложена на народ, возвративший, по сути, политическую субъектность после 20 лет фашистского режима, когда «диктатор думал за всех, а иерархи претворяли его решения в жизнь»[308].

Характерно, что подобный трансфер власти из рук КНО в распоряжение народа вызывал негодование у коммунистов. А. Де Гаспери вменял П. Тольятти, что тот не был способен выйти за рамки методов «подпольной борьбы, когда все партии были заодно»[309].

Безусловно, лидер ХДП не стал бы делегировать всю ответственность за принятие решений на население, не имея представления о реальных шансах своей партии на победу. По мнению автора исследования, демонстрация столь широкого доверия народным массам была, с одной стороны, риторическим приёмом в борьбе за поддержку электората, а, с другой, связана с осведомленностью о реальных настроениях.

Вместе с тем, нельзя исключать и идеализм А. Де Гаспери, «веру в демократический режим»[310], который безусловно играл большую роль в его политической деятельности.

---

[306]Ibid. P. 14.
[307]De Gasperi A. Le vie della rinascita // Un partito di popolo. P. 137.
[308]Ibid. P. 134.
[309]Ibid. P. 138.
[310]De Gasperi A. Il discorso // Il Popolo. 12 maggio 1946.

Так или иначе, он признавал, что основные вопросы развития страны будут решены лишь в рамках Учредительного собрания, а роль ХДП на этом этапе заключалась в формировании у людей чувств гражданственности (“il civismo”) и ответственности при выборе своего будущего[311]. В этой плоскости его риторика схожа с представлениями Дж. Сарагата о демократии и свободе, а задачей лидера христианских демократов становилась демонстрация ХДП в качестве наиболее компетентной силы, способной управлять страной после проведения референдума, нежели формулирование декларативных требований без оглядки на реальные шансы их воплощения.

А. Де Гаспери уделял большое внимание вопросу референдума и всячески подчёркивал его конституирующее значение, выходившее далеко за рамки текущего политического момента.

По мнению политика, референдум – это не столько простое волеизъявление народа, сколько принятие основополагающего решения, от которого будет зависеть характер всей государственной конструкции: «Речь идёт не только о том, чтобы попросить у итальянского народа архитектурный план, демонстрирующий фронтон здания, речь идёт обо всем строительстве, и для того, чтобы определиться с архитектурой, нужно прежде всего иметь четкое представление о фундаменте»[312], – подчёркивал важность референдума А. Де Гаспери.

Для того, чтобы достигнуть в этом вопросе максимально возможного демократического участия, он заявлял о необходимости децентрализации в политике[313], благодаря которой люди смогут не идти на поводу у партий, а принять самостоятельное решение. Задача ХДП в этом процессе, по мнению её лидера, заключалась бы в том, чтобы избежать различных перекосов на этом пути: «Прежде всего, друзья мои, мы заботимся о том, чтобы Италия не превратилась ни в балканское государство, где республики пользуются поддержкой маршалов[314], ни в

[311]De Gasperi A. La Democrazia Cristiana e il momento politico // Discrorsi politici. Vol. I. P. 11.
[312]De Gasperi A. Le vie della rinascita // Un partito di popolo. P. 132-133.
[313]Ibid. P. 133.
[314]Намёк на Й. Тито.

латиноамериканское государство, где в любой момент могут принять новую конституцию»[315].

Для христианских демократов первичным был не столько вопрос будущей формы правления, сколько т.н. «непрерывность Государства» (“la continuità dello Stato”), т.е. сохранение основных институтов общества и реставрация дофашистского политического строя, что для левых означало «реконструкцию префашистских форм государства»[316] и было неприемлемо[317], поскольку они отталкивались от классового, экономического критерия в формировании собственных политических проектов будущего государственного устройства.

На съезде ХДП 29-30 июля 1944 г. в Неаполе А. Де Гаспери озвучил основные принципы восстановления страны, среди которых были: «моральная реконструкция», без которой невозможно материальное восстановление страны; верховенство прав и свобод личности в организации политико-социальных реформ; избегание крайностей в управления страной[318].

На страницах газеты «Il Popolo» 12 сентября 1944 г. были перечислены следующие соображения по поводу организации «нового государства»: принимать во внимание ограниченность политики социализации и методов её проведения, а также защищать экономические свободы средних и мелких предпринимателей. Для плавного восстановления страны необходимо было создать представительные структуры рабочих (система профсоюзов), сформировать различные комиссии: аграрную – для осуществления земельной реформы, административную – для реформирования бюрократического аппарата, комиссию по делам школы, конституционную комиссию для формирования теоретических основ государства, её территориального устройства и электоральной системы[319].

Таким образом, политический проект ХДП на момент окончания войны сводился к предложениям организационного характера, направленным на

[315]De Gasperi A. Le vie della rinascita // Un partito di popolo. P. 134.
[316]Prospettiva democratica // Il Popolo, 4 marzo 1945.
[317]Nenni P. Intervista sul socialismo. P. 73.
[318]De Gasperi A. Un partito di popolo. Roma, 1973. P. 35.
[319]La collaborazione delle forze democratiche // Il Popolo 12 settenbre 1944.

формирование компетентных структур, которые должны были проводить реформы в разных сферах «нового государства», отдельно от партий и вне осуществляемого ими давления. Этот подход шёл вразрез с левыми, стремившимися дать «готовые рецепты» для разрешения кризиса в свою пользу, обостряя поляризацию общества.

Конкретной программы у ХДП не будет до 1946 г. На I конгрессе партии, проходившем в Риме с 24 по 28 апреля 1946 г., А. Де Гаспери обвинял собрание в том, что у партии нет программы конкретных действий[320], что свидетельствует о смене подхода к политике лидера христианских демократов в этот период.

Основная ставка делалась не на партийные документы, а на харизму самого А. Де Гаспери и других лидеров ХДП, что было удобно, поскольку обеспечивало необходимую политическую мобильность. Главным в этот период был лишь общий подход в политике – о чём неоднократно говорил сам Де Гаспери, который заключался в христианском (а точнее в католическом) восприятии мира и свободы, переносившимся в политическое поле. Так, в ходе конгресса в сентябре 1944 г., лидер ХДП определил этико-политическую роль христианства в курсе партии следующим образом: «<…> заслуга христианской социальной концепции состоит в том, что она ставит свободу на прочный фундамент и гарантирует её защиту от нападок индивидуального, классового и сословного эгоизма, а также от возрождающихся угроз со стороны монополий и диктатур»[321].

Итак, позицию ХДП можно охарактеризовать как «выжидающую». Это проявлялось как в отсутствии чёткой политической программы в конституционный период, так и апелляцией к народному волеизъявлению, которое, в этой связи, можно расценивать как маскировку слабой содержательной части.

Вместе с тем, не стоит расценивать риторику христианских демократов как оппортунистическую. К принципиальным аспектам политического проекта ХДП следует отнести идею «естественного демократизма»: отстаивание прав коммун как базовых политических субъектов системы и защита культурной и религиозной идентичности, воплощенной в католицизме.

---

[320]Magri F. La Democrazioa Cristiana in Italia. Vol. I. Milano, 1954. P. 273.
[321]La collaborazione delle forze democratiche // Il Popolo 12 settenbre 1944.

В отличие от левых, христианские демократы отталкивались от восприятия общества как результата долгого органического процесса развития, тогда как первые, в сущности, выступали с радикальных артифициальных позиций в формировании общества и государства.
А. Де Гаспери апеллирует не к классовой сознательности, а к ответственной гражданской позиции итальянцев, являющейся в определённом смысле «надполитическим», социо-культурным явлением, отстаивая, таким образом, субъектность индивида в противовес левой идее «политической массы», ведомой той или иной партией[322].

***

Исходя из анализа политических проектов трёх крупнейших партий антифашистского Сопротивления, можно выделить несколько основных аспектов, которые так или иначе присутствуют в риторике представителей всех партий. Сравнительный анализ их позиций позволит определить, какие аспекты составляют ценностное ядро каждой из них и имеют принципиальную значимость (Приложение 1) в идеологической конструкции партии, которую невозможно обойти в ходе взаимодействия с другими представителями политического пространства. Другие аспекты менее важны и могут быть использованы в процессе взаимодействия, т.е. являются потенциальными объектами «согласования» между ними.

Автор исследования выделил следующие принципиальные категории: 1) идейно-философский фундамент, на котором строится вся политическая риторика; 2) социальная опора партий; 3) понимание демократии; 4) позиция по вопросу экономических преобразований; 5) проблема организации власти на местах; 6) вопрос о форме правления в стране; 7) отношение к религии; 8) позиция по международным отношениям.

[322]В речи от 3 ноября 1946 г., посвящённой предвыборной борьбе в коммунах, А. Де Гаспери критикует «марксистский блок» и его подходы в политике. Политик обвинял социал-коммунистов в том, что ради достижения власти они готовы разорвать исторические связи поколений: «Им не хватает одной фундаментальной вещи: это партия, которая ради своей доктрины перерезала нить, связывающую нас, поколения 1945-1946 годов, с другими поколениями итальянской и христианской цивилизации. Вот почему <...> мы не можем доверить ей, вместе с избирательным бюллетенем, всё, тело и душу, представительство итальянского народа».

В выступлениях лидеров и в СМИ активно обсуждались эти вопросы на протяжении всего существования антифашистского Сопротивления и переходного периода. Главной целью было, во-первых, сформулировать чёткую позицию своей партии по каждому из вопросов, во-вторых, определить «иерархию» указанных проблем (в каждой партии указанные аспекты обладали разной важностью) и, в-третьих, «прощупать» позицию оппонентов для налаживания эффективного рабочего процесса совместной выработки решений с перспективой занять доминирующее положение.

1) Наиболее близкими по своему характеру являются две партии, составлявшие, по выражению А. Де Гаспери, «марксистский блок»[323] – ИСП и ИКП. Если говорить об их философском фундаменте, то в обоих случаях его основой был марксизм и классовый подход, определявший как общественно-экономические отношения, так и видение политического. Вместе с тем, если коммунисты испытывали сильное влияние сталинской политической модели, которую разделял их лидер П. Тольятти, характеризуемой понятием «демократического централизма», то социалисты тяготели к идеологам «русского революционного социализма» – М. Бакунина и В. Ленина. Вместе с тем, стоит учитывать, что представление об их идейно-политических взглядах в среде итальянских социалистов зачастую было недостаточно глубоким. Так или иначе, именно марксизм стал основным фактором, сближающим эти партии.

Модель, выстраиваемая Дж. Сарагатом в рамках ИСП, представляла собой синтез двух больших идей: марксизма и европейского гуманизма, поэтому сходство между ним и остальными проектами в рамках левого антифашистского движения частичны. Иначе дело обстоит с христианскими демократами, которые выстраивали своё мировоззрение на католическом традиционализме и, по сути, антимарксизме.

2) Далее, социальной опорой П. Ненни и П. Тольятти считали рабочие массы, хотя и здесь существовала своя специфика. Несмотря на то, что социалисты и коммунисты говорили о массах *рабочих и крестьян*, всё же обе партии рассматривали именно рабочий класс в качестве основы для формирования будущей

[323]De Gasperi A.Per la libertà democratica e l’autorità dello stato // Discrorsi politici. Vol. I. P. 118.

политэкономической системы. ХДП, в свою очередь принципиально отказывалась от классового подхода, апеллируя не к трудовой и социальной принадлежности человека, а к его чувству гражданственности и ответственности за политическое будущее страны. Это соотносилось и с представлениями Дж. Сарагата, говорящего о трудовых коллективах[324], но, вместе с тем, явно отходившего от строго классового разделения общества[325].

3) Говоря о сущностном понимании демократии, П. Ненни и П. Тольятти вновь исходили из классового представления о ней, истинный демократический режим, таким образом, был возможен при установлении «диктатуры пролетариата», а «демократия/прогрессивная демократия», о которой они заявляли в своих выступлениях носила, прежде всего, инструментальный характер для постепенного изменения соотношения сил, поскольку в сложившихся условиях захватить власть в стране при помощи силы было невозможно.

Дж. Сарагат и А. Де Гаспери, в свою очередь, исходили из представления о демократии как органичной идеи, которая для первого означала «тождественность интересов трудящихся и общечеловеческих ценностей», а для второго исторически обусловленную форму политического сообщества. В обоих случаях, демократизм воспринимался как исходный, фундаментальный принцип, который должен был стоять выше партийных интересов, поэтому данные политики выступали за постепенную децентрализацию системы, т.е. ослабление влияния партий из движения Сопротивления и максимально широкую вовлеченность масс в политический процесс.

4) Проект экономических преобразований в стране у социалистов и коммунистов был связан с идеей ликвидации старой системы, ставшей причиной появления фашизма. Исходя из марксистского видения социально-экономической системы, обе партии выступали за национализацию крупных предприятий и ликвидацию крупных землевладений[326]. Однако коммунисты принимали во

[324]Saragat G. Verso la democrazia // Mercurio. Anno I. N. 2. 1944. P. 8-9.
[325]Дж. Сарагат заявляет о прогрессе социалистического движения от «диктатуры пролетариата» к прямой демократии, лишённых институциональной сложности (tout court).
[326]Комолова Н. П. Классовые бои в итальянской деревне. М., 1963. С. 123.

внимание итальянскую специфику и отказывались вводить практику коллективных хозяйств и экономического планирования, в отличие от социалистов, в перспективе планировавших перевести экономику в русло государственного планирования.

Дж. Сарагат, в свою очередь, придерживался умеренных позиций, частично соглашаясь, таким образом, как с соратниками по левому лагерю, так и с христианскими демократами. Так, он выступал за ликвидацию латифундий и демократизацию управления на производстве, хотя и не видел необходимости в национализации промышленности. Это соотносилось с позицией А. Де Гаспери, отстаивавшего необходимость продолжения сотрудничества со старыми элитами с той разницей, что задача власти заключалась бы в ограничении их произвола на системном уровне. Таким образом, политика, в сущности, должна была быть направлена на создание отточенной «легально-рациональной»[327] системы, без её глубинного переформатирования.

5) Вопрос об организации власти на местах был тесно связан с решением судьбы Комитетов национального освобождения, осуществлявших фактическое руководство на занятых силами Сопротивления территориях. Данный вопрос был особенно актуален для коммунистов, поскольку именно они организовали эту сеть и рассчитывали впоследствии использовать её для укрепления собственной власти. Социалисты же занимали здесь роль ведомого, поскольку их участие в движении Сопротивления было гораздо более скромным. ИКП выступала за передачу местной власти КНО, стремясь, таким образом, сформировать бюрократический аппарат на основе собственных боевых ячеек, социалисты же говорили о том, что комитеты должны иметь регулирующую функцию и следить за тем, как власти на местах исполняют свои обязанности.

А. Де Гаспери, начиная с первого выступления, произнесённого в занятом союзниками Риме, обозначил свое негативное отношение к КНО и системе «советов», которыми коммунисты стремились заместить традиционные коммуны, поэтому, защищая идеи «реставрации» дофашистсткой государственной системы, лидер ХДП последовательно отстаивал идею ликвидации КНО, как структуры,

[327] Гайденко П. П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 26.

исполнившей свою организационную роль в рамках Сопротивления, но утратившей актуальность после войны.

6) Единственным вопросом, по которому все партии сходились во мнениях, был вопрос о будущей форме правления в государстве. Представители партий выступали за республиканский строй. Левые оправдывали это тем, что корона полностью дискредитировала себя в предыдущий период, христианские демократы, хотя и не высказывали однозначной позиции по данному вопросу, апеллируя к сознательности граждан в преддверии референдума, всё же в большинстве своём выступали за республику. По результатам опроса, проводившегося внутри ХДП, 503 тыс. респондентов высказались за республику, 146 тыс. за монархию, 187 тыс. воздержались[328].

Что касается Италии в принципе, то разделение мнений было заметно по географическому признаку: жители северных регионов страны преимущественно разделяли республиканские убеждения, а в центральных и южных регионах страны мнения разделились практически поровну[329]. В некоторых городах, например, в Неаполе, за монархию высказались 78,9 % проголосовавших[330]. Так или иначе, референдум показал, что сторонников республики было больше, чем защитников монархического устройства: 54 % против 46 % соответственно[331].

7) Религиозный вопрос стал ещё одним камнем преткновения между партиями. Самыми ярыми борцами с католической церковью были социалисты, рассматривавшие влияние религии исключительно в негативном ключе и противопоставлявшие ей философию материализма, который, таким образом, обретал статус «политической религии». Итальянские коммунисты, несмотря на схожее с социалистами мировоззрение, понимали важность религии в итальянском обществе и стремились к её инструментализации, даже вступая в конфликт с ХДП и обвиняя последнюю в узурпации права на решение религиозного вопроса в

[328]Gambino A. Storia del dopoguerra. Dalla Liberazione al potere DC. Vol. I. P. 208
[329]Sasson D. Togliati e la via italiana al socialismo. P. 81.
[330]Ibid. P. 82.
[331]E’ nata la Repubblica italiana // Il Corriere della sera. 6 giugno 1946.

стране[332]. Ярким проявлением религиозной политики коммунистов является составленная при их активном посредничестве VII статья Конституции, утвердившая статус религии и католической церкви в стране[333]. Тем не менее, именно ХДП закрепила за собой место «христианской» партии, строившей свою политику на христианской социальной концепции.

8) Место страны на международной арене также определялось политическими проектами каждой из партий. Левые партии – ИСП и ИКП – традиционно тяготели к социалистическим странам, поэтому выступали за сближение с СССР и Югославией, а также другими странами, попавшими под влияние Москвы. Дж. Сарагат и А. Де Гаспери, напротив, были сторонниками тесного сотрудничества с демократическими странами. Первый не признавал в «русском проекте» истинного социализма, а второй воспринимал СССР как еще одну тоталитарную систему.

Таким образом, можно условно разделить партии на две группы: к первой группе относились все «левые» проекты – ИКП и ИСП. Статус партии Дж. Сарагата занимал срединное положение, поскольку идеологически он тяготел к демократиям, а генеалогически относился к партиям «Народного фронта». Вторая группа состояла лишь из Христианско-демократической партии, выступавшей оппонентом левых по всем актуальным на тот момент вопросам касательно организации государственной системы.

Взаимодействие в рамках Учредительного собрания становилось всё более проблематичным для установившейся коалиции, в которой лидирующее место постепенно занимали христианские демократы. Учитывая принципиальные расхождения по основной массе указанных вопросов, раскол «трёхпартийной» системы становился неизбежен, а спровоцированные им политические изменения создали необходимые условия для возникновения неофашизма.

[332]Togliatti P. Sui rapporti tra la Chiesa e lo Stato // Opere scelte. P. 485-497.
[333]Rodano F. L’articolo 7 // Rinascita. № 4. 1947. P. 76-78.

Глава 2. Реорганизация итальянского фашизма после войны

Разногласия антифашистских партий на уровне формирования их политических проектов вылились в напряжённое противостояние в рамках работы Учредительного собрания в период с1946 по 1948 гг. За ХДП отдали свои голоса 8 083 000 итальянцев, социалисты получили 4 744 000 голосов, а коммунисты 4 347 000[334]. В случае объединения ИСП и ИКП в единую партию, ХДП не сумела бы сохранить преимущество.

О напряжённости борьбы свидетельствовали и результаты муниципальных выборов 1946 г., когда христианским демократам удалось обойти коммунистов лишь на 100 голосов[335], а в Риме победили коммунисты и представители новой партии «Фронт Уомо Квалюнкве» (ФУК)[336]. Тем не менее, пока ИКП не удавалось объединиться с социалистами в единую партию, им необходимо было продолжать взаимодействие с христианскими демократами, чтобы решить проблему гегемонии, «т.е. проблему завоевания средних слоев»[337].

Взаимодействие между партиями приобретало напряжённый характер, а «обстановка политической неопределенности была заметна в любой сфере деятельности правительства»[338]. Всё более ожесточенной была и борьба внутри Учредительного собрания и острее критика принимаемых кабинетом А. Де Гаспери политических решений. Левые противодействовали принятию правительственных решений, провоцируя кризисы и прокладывая тем самым непреодолимые препятствия между эффективным взаимодействием[339]. Так, газета «La Rinascita»

---

[334] Тольятти П. Речи в Учредительном собрании. М.,1959. С. 7.
[335] Tranfaglia N. Come nasce la Repubblica. La mafia, il Vaticano e il neofascismo nei documenti americani e italiani. 1943/1947. P. 401
[336] Andreotti G. Intervista su De Gasperi. P. 70-73.
[337] Комолова Н. П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. М., 1972. С. 262.
[338] Galati V. Op. cit. P. 98-99.
[339] Magri F. Op. cit. P. 305-306.

обвиняла лидера ХДП в препятствовании демократии и введении избирателей в заблуждение[340].

Итальянские историки левых взглядов, прежде всего Э. Серени[341], а вслед за ними и ряд советских историков, интерпретировали события 1946-48 гг. не как политическую борьбу, в которой левые силы не сумели стать «гегемонами», а как организованное и последовательное исключение коммунистов и социалистов из управления страной, констатируя, таким образом, восстановление власти т.н. «четвёртой партии»[342] т.е. представителей промышленных монополий[343], что всё же не вполне отражало суть политических изменений в этот период[344].

Обладая преимуществом в Ассамблее, А. Де Гаспери не поддерживал инициативы левых по переустройству всей системы не из-за желания отстаивать

---

[340] Crisi “democristiana” // Rinascita. № 1-2. 1947. P. 1-3.

[341] См.: Sereni E. Il mezzogiorno all’opposizione: Dal taccuino di un ministro in congedo. Torino: Einaudi, 1948. P. 21; Mammarella G. Op. cit. P. 37.

[342] Sereni E. Il mezzogiorno all’opposizione: Dal taccuino di un ministro in congedo. Torino: Einaudi, 1948. P. 21.

[343] Комолова Н. П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. С. 257.

[344] В своей книге Э. Серени передает слова, якобы сказанные А. Де Гаспери 30 апреля на заседании Совета министров. Он пишет: «Сегодня нельзя править Италией, не привлекая в состав нового правительства в той или иной степени представителей четвёртой партии, партии тех, кто располагает деньгами и экономической силой». Этот же фрагмент использует и Н. П. Комолова в своей работе «Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии». Вместе с тем, Дж. Андреотти в своем интервью об А. Де Гаспери, данном А. Гамбино, подверг сомнению достоверность подобного высказывания, т.к., по его мнению, оно противоречило характеру лидера ХДП. Более того, можно утверждать, что цитата вырвана из контекста и лишь подводит итог сказанного лидером христианских демократов. Полностью фрагмент выглядит следующим образом: «неоспоримо <...>, что у нас сильное большинство в Совете; и также неоспоримо то, что вы говорите, что в целом, то есть партии, участвующие в правительстве, получают всё больше голосов от избирательного сообщества. Но голоса – это ещё не всё. Мы можем пользоваться доверием подавляющего большинства избирателей, но решающие рычаги управления в столь серьёзный экономический момент не находятся в руках ни избирателей, ни правительства. Христианско-демократическая партия, Коммунистическая партия, Социалистическая партия, конечно, сильны, они пользуются доверием миллионов избирателей. Но не эти избиратели решают и направляют кампании независимой прессы, которая в скандальной или, во всяком случае, враждебной форме преподносит все усилия правительства по преодолению трудностей текущего момента. Не наши миллионы избирателей могут обеспечить государству миллиарды и экономическую мощь, чтобы доминировать над ситуацией. Помимо наших партий в Италии есть четвёртая Партия, которая не имеет множества избирателей, но способна парализовать и свести на нет любое наше усилие, саботируя займы, вывозя капиталы, повышая цены или провоцируя скандальные кампании. Опыт подсказывает мне, что *сегодня нельзя править Италией, не привлекая в состав нового правительства в той или иной степени представителей четвёртой партии, партии тех, кто располагает деньгами и экономической силой*».

интересы «четвёртой партии», а из-за необходимости реализовать собственный проект по восстановлению дофашистской политической системы, в которой крупный капитал играл роль бенефициария[345], необходимого для существования парламентской демократической системы.

В контексте этого процесса, в марте 1946 г. был ликвидирован верховный комиссариат по чистке государственного аппарата от фашистских элементов. Поездка А. Де Гаспери в США в 1947 г. Ещё больше обострила раскол антифашистской коалиции. Это событие использовалось левыми силами в качестве попытки дискредитации политика и обвинения его в проамериканской ориентации[346]. В дополнение к этому, ратификация Парижского мирного договора, несмотря на протесты левых, усилила раскол[347] в том числе и внутри самого левого лагеря[348]. Дебаты по поводу ратификации велись с января по конец июля 1947 г., который был принят лишь перед завершением сессии Учредительного собрания 29 июля[349]. Социалисты так и не приняли условий ратификации, поскольку те ущемляли национальные интересы Италии[350], а коммунисты расценили ратификацию договора как втягивание страны в блоковое противостояние[351].

Дискуссии о принятии условий плана Маршалла также способствовали разобщению антифашистских сил: коммунисты восприняли его как «сдачу» страны капиталистическим силам[352]. Экономическая политика правительства, склонявшаяся к либеральному курсу, также углубила противоречия, приведя к окончательному уходу ХДП «вправо» и изоляции левых.

По мнению автора, действия ХДП были обусловлены желанием восстановить элементы дофашистской политической системы и реализовать проект «политической реконструкции», в то время как коммунисты восприняли это как

---

[345] Sereni E. Il mezzogiorno all'opposizione: Dal taccuino di un ministro in congedo. Torino: Einaudi, 1948. P. 21.
[346] Mammarella G. Op. cit. P. 42.
[347] Quasi l'unanimità per la ratifica subordinata a quella delle quattro potenze // Avanti!. 9 luglio 1947.
[348] La ratifica del trattato di pace dopo il discorso di De Gasperi // Il Popolo. 1 agosto 1947.
[349] Ibid.
[350] La ratifica anticipante è un errore! // Avanti!. 31 luglio 1947.
[351] Voltafaccia democristiano // Rinascita. № 6. 1947. P. 140.
[352] Ma come sono cretini! // L'Unità. 20 maggio 1947.

атаку на левых. Кроме того, для налаживания контактов с экономическими элитами страны[353], которые должны были инвестировать в её восстановление, часть заводов была возвращена владельцам.

Расширение конфликта с левыми и внутренние расколы внутри социалистического лагеря[354] вынудили А. Де Гаспери искать стабилизацию ситуации в новой конфигурации правительства[355], обозначая роль ХДП как центристской партии в рамках широкого национального правительства, в которое входили бы все силы, начиная от правых и либералов, заканчивая крайне левыми, «заинтересованными не в политических играх, а в выработке решений для сохранения страны»[356].

После «майского поворота»[357] 1947 г. ситуация стала необратимой. Левые оказались в сложном положении, особенно после встречи А. Де Гаспери с лидером Конфиндустрии[358] А. Костой[359] и решения ХДП разорвать сотрудничество с коммунистами. Это, по мнению левых, окончательно сдвинуло ХДП «вправо»[360].

С обретением большинства в Ассамблее А. Де Гаспери начал осуществление проекта «политической реконструкции». Не имея общих точек для взаимодействия в политических, социальных и экономических вопросах, левые естественным образом перешли в оппозицию, а христианские демократы приступили к их изоляции. Нарушение договоренностей о сотрудничестве между партиями, является, по мнению автора, обоюдным процессом и не может интерпретироваться лишь как нежелание взаимодействия какой-либо из сторон, поскольку обе они искали способы изолировать оппонента и получить преимущество.

---

[353] Giovannini C. Op. cit. P. 15-16.
[354] Magri F. Op. cit. P. 362-366.
[355] De Gasperi ha ricevuto l'incarico di costituire il nuovo Gabinetto // l'Unità. 23 gennaio 1947.
[356] Magri F. Op. cit. P. 307.
[357] «Майский поворот» – череда политических манёвров в мае 1947 г., происходивших в Италии и Франции, в результате которых коммунистические партии этих стран были исключены из власти.
[358] Конфиндустрия (от итал. Confederazione generale dell'industria italiana, Confindustria) – всеобщая конфедерация итальянской промышленности, организация, защищавшая интересы итальянских промышленников.
[359] Gilbert M. F., Nilsson K. R. Historical Dictionary of Modern Italy. P. 108.
[360] Комолова Н. П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. С. 367.

В результате раскола 1948 г., подытожившего внутреннюю борьбу антифашистских сил в первые послевоенные годы, произошла изоляция ИКП и смещение ХДП в центр, что создало «вакуум» на правом фланге, занятый впоследствии неофашистами (Приложение 2).

В данной главе будут проанализированы различные пути реорганизации бывших фашистских сил в условиях политики «центризма», установившейся после неудавшегося сотрудничества сил Сопротивления.

2.1. Роль «Фашей революционного действия» в послевоенной реорганизации фашизма

В первые послевоенные годы, фашизм представлял собой ряд более или менее известных подпольных групп и движений, осуществлявших не столько политические действия, сколько попытку обеспечить защиту своих членов от расправ[361], обеспечить им работу и социализировать их[362]. Это было обусловлено нараставшей «манией очищения»[363], приводившей к злоупотреблениям при поиске и осуществлении правосудия над бывшими членами фашистской партии и над подозреваемыми в связях с фашистами.

По идейно-политическому профилю эти организации разделялись на «ностальгирующих», которые рассматривали эту эпоху как период общественно-политического консенсуса[364]; «политиков», которые верили в адаптацию фашизма к новым условиям и стремились легализовать его; «революционеров», воспринимавших фашизм «как стиль» и стремившихся воплотить «революционный» фашистский дух через подпольную деятельность[365].

В дальнейшем генезисе ИСД ключевое значение имело столкновение двух течений: «политиков» и «революционеров»[366]. По мнению историка Дж. Парлато, группы, входившие в ИСД, создавали «диалектическое равновесие, дополняя друг друга»[367]. Важным аспектом формирования итальянского

---

[361] Напр.: Partito Nazionale Italiano; Fronte di Rivolta Ideale; Gruppi Nazionalisti Lombardi; Reduci Independenti; Fronte Nazionale; Movimento Italiano Unità Sociale и т.д.
[362] Parlato G. Fascisti senza Mussolini. Le origini del neofascismo in Italia 1943-1948. Bologna, 2006. P. 409.
[363] Montanelli I., Cervi M. L'Italia della Repubblica. Dal 2 giugno 1946 al 18 aprile 1948. P. 14.
[364] Veneziani M. Op. cit. P. 21.
[365] Parlato G. La destra, la laicità dello Stato e il giudizio sul mondo cattolico negli anni cinquanta // Cattolicesimo e laicità. Politica, cultura e fede nel secondo Novecento. Brescia, 2015. P. 133-135.
[366] Tassone M. Neofascismo e R.S.I. Il "mito" della Repubblica Sociale Italiana nella pubblicistica e nella memorialistica fascista. Roma, 2008. P. 14-20.
[367] Парлато Дж. От фашизма к постфашизму: проблемы преемственности и различий; пер. с итал. В. И. Михайленко // Известия Уральского государственного университета. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2 (75). С. 129-130.

неофашизма было также и то, что обе указанные группы зачастую формировались или управлялись одними и теми же людьми (в первую очередь, П. Ромуальди и Дж. Альмиранте), которые не были уверены, в каком формате будет существовать фашизм после войны и способствовали как развитию террористических групп, так и поиску различных путей взаимодействия с антифашистскими силами.

Среди большого числа подпольных групп, возникавших спонтанно, не имевших ресурсной базы и бесследно исчезавших в первые послевоенные годы[368], «Фаши революционного действия»[369] стали самой крупной и организованной из них[370].

ФАР возникли в октябре 1946 г. в Риме, после года безуспешных попыток объединить подпольные фашистские организации города[371]. Их отличительной чертой стала крайне гибкая конспиративная организационная структура[372]: с помощью небольших ячеек, состоящих из идейных членов, связанных военной дисциплиной, предпринимались попытки фактического охвата всей страны[373].

С осени 1946 по июль 1947 г. «Фаши» пытались осуществить ряд акций, которые, не имели значительного успеха: так, показательна одна из неудачных попыток подрыва резиденции ИКП. Члены ФАР не сумели угнать автомобиль, на котором должны были впоследствии доставить до места взрывчатку, по причине отпора со стороны его владельца[374]. Подобные провалы были характерны для ячеек ФАР прежде всего потому, что в них входили представители молодёжи[375], которые либо не имели военного опыта в принципе, либо застали войну на её

---

[368] Напр.: Движение фашистских лоялистов (от итал. Movimento dei Fedelissimi del Fascismo); Итальянское объединительное движение (от итал. Movimento Unitario Italiano); Фашистская демократическая партия (от итал. Partito fascista democratico) и др.
[369] Фаши революционного действия (от итал. I Fasci d'azione rivoluzionaria, FAR).
[370] Tassone M. Op. cit. P. 21.
[371] Tedeschi M. Fascisti dopo Mussolini. Le organizzazioni clandestine neofasciste 1945-1947. P. 93.
[372] Ibid. P. 119.
[373] Forte S. Op. cit. P. 28.
[374] Murgia P. G. Il vento del Nord. Storia e cronaca del fascismo dopo la Resistenza (1945-1950). Milano, 1975. P. 286.
[375] Статистику возрастного состава ФАР на данный момент обнаружить не удалось, однако можно предположить, что средний возраст членов организации колебался от 18 до 25 лет. Средний возраст арестованных лидеров ФАР на процессе 1951 г. составил ~ 25-26 лет. Представляется, что рядовые члены в своей массе должны быть моложе.

заключительном этапе[376]. Кроме того, эффективную борьбу с ФАР вели отряды Сопротивления, которые устраняли наиболее важных членов «Фашей», чем способствовали их развалу[377]. Вместе с тем, стычки с полицией ожесточались по всей стране, особенно напряжённой была ситуация в Риме, где более тысячи членов организации вышли к Палаццо Киджи, требуя освободить своих товарищей[378].

Коммунисты акцентировали особое внимание на существовании фашистского подполья и призывали к более решительным мерам борьбы с ним[379], а действия правительственных сил неизбежно вели к разрушению организации. М. Тедески, бывший участником одной из подобных ячеек, писал: «События тех дней показали, что подпольная организация, если она не будет действовать решительно, обречена на медленное разрушение под постоянными ударами полиции и коммунистических агентов-провокаторов. Вне официальных кругов национальные течения уже реорганизовывались, и ничто больше не могло оправдать бездействия, которое, затягиваясь, лишь доказывало их неспособность к активной деятельности»[380].

После 1947 г. организация раскололась, бо̀льшая часть её членов ушла в «Итальянское социальное движение» с П. Ромуальди, а наиболее радикальные, во главе с Л. Кьярисси решили продолжить террористическую деятельность[381]. Раскол был связан как с падением активности из-за внешних факторов (эффективного отпора со стороны антифашистов), так и с внутренней реорганизацией самих фашистов.

Л. Кьярисси не принял создание единой партии, небезосновательно опасаясь, что это изменит суть борьбы, которую вели бывшие бойцы ИСР. С другой стороны, он понимал и необходимость легального политического органа, который мог бы решить проблему управления массами: «тезис о внедрении [в демократическую систему – *Д.Д.*] победил, и можно с уверенностью сказать, что к этому привели

---

[376] Carioti A. Gli orfani di Salò. P. 27-28.
[377] Murgia P. G. Il vento del Nord. Storia e cronaca del fascismo dopo la Resistenza (1945-1950). Milano, 1975. P. 286.
[378] Rao N. Op. cit. P. 68-69.
[379] Murgia P. G. Op. cit. P. 290.
[380] Tedeschi M. Fascisti dopo Mussolini. Le organizzazioni clandestine neofasciste 1945-1947. P. 116-117.
[381] Parlato G., Ungari A. Le destre nell'Italia del secondo dopoguerra. Dal qualunquismo ad Alleanza nazionale. Soveria Manelli, 2021. P. 76.

соображения, которые не были безосновательными: прежде всего, это осознание огромной трудности управления фашистскими массами с помощью подпольных организаций <…>. Выбор был сделан в пользу интеграции, и ИСД возникло с конкретным предназначением: внедрить в установленный порядок вещей человека, который, неся определённые идеалы, должен был представлять его противоположность. Идеалы были вскоре отброшены, поскольку даже за проход через заднюю дверь нужно было платить, и тогда началась череда лозунгов, среди которых особенно выделялся “не отрицать и не возрождать”. Но самое большое заблуждение заключалось в том, что этот политический инструмент, неизбежно реформистский, был движим страстью людей, всё ещё воспаленных климатом социальной республики и уверенных в том, что они служат её идеалам», – заключал он[382].

В конце декабря 1946 г. была официально организована партия «Итальянское социальное движение», представлявшая «легальное» крыло неофашистов, поэтому интерес к подпольной борьбе постепенно снижался, а бывшие члены ФАР вливались в неё.

Согласно программным установкам ИСД, датированным 1947 г., деятельность подпольных организаций вредила и без того неустоявшемуся политическому статусу новой партии[383].

Несмотря на короткую историю, «Фаши революционного действия» примечательны попытками пересмотра и обновления фашистской идеологии. Так, на страницах журнала «Rivoluzione»[384] были сформулированы следующие цели организации[385]: «<…> прояснить идеологическую и тактическую позицию фашизма: способствовать созданию подпольной организации, которая, в полном соответствии с идеологическими и тактическими предпосылками, активно участвовала бы в

[382] Chiarissi L. Esame di coscienza di un fascista. Roma, 2010. P. 78.
[383] BiFUS. Fondo MSI. S. 2. F. 50. P. 12.
[384] Tedeschi M. Fascisti dopo Mussolini. Le organizzazioni clandestine neofasciste 1945-1947. P. 99.
[385] Pautasso G. A. Il filosofo in prigione. Documenti sul processo a Julius Evola. Milano, 2021. P. 174.

политической борьбе ради победы фашизма»[386]. Журнал «Imperium»[387] стал платформой для формулирования идеологического фундамента неофашистов.

В поиске новых основ молодые члены организации обращались к философии Ю. Эволы[388], который на страницах вышеупомянутого журнала формулировал свои «метаполитические»[389] воззрения. Во времена «фашистского двадцатилетия» фигура Ю. Эволы не была заметна в Италии. Взгляды Дж. Джентиле, считавшегося официальным идеологом режима, отличались от представлений Ю. Эволы, который критиковал философа. Однако после окончания Второй мировой войны, популярность мыслителя среди бывших фашистов резко возросла, Дж. Альмиранте, один из лидеров ИСД, впоследствии несколько иронично называл его «Маркузе правых»[390], намекая на значимость его идей для молодёжной среды.

Резкий рост популярности римского мыслителя связан с несколькими факторами: во-первых, его идеи имели «внеисторический» (“il carattere astorico”) характер и апеллировали к мифам и харизматичным героям, а не к истории, что было крайне привлекательно для молодёжи; во-вторых, причиной сближения неофашистов и Ю. Эволы стало то, что после войны обе стороны оказались «изгоями» в итальянском обществе; наконец, большая часть неофашистов переосмысливала события эпохи фашизма и искала новые пути и основы для реактуализации своих идей[391]. Фигура Ю. Эволы, в этой связи, могла оправдать их ожидания.

Лидеры «Фашей революционного действия» познакомились с Ю. Эволой в 1948 г.[392] Находясь в заключении, они обнаружили в местной библиотеке книги мыслителя. Так, Э. Эрра, один из праворадикальных

---

[386] Главными задачами созданной организации являлись: «определение идеологических позиций и методов ведения политической борьбы, активная политическая борьба ради победы Фашизма».
[387] Tedeschi M. Fascisti dopo Mussolini. Le organizzazioni clandestine neofasciste 1945-1947. P. 17.
[388] Forte S. Ordine Nuovo parla. Scritti, documenti e testimonianze. Milano, 2020. P. 14.
[389] Метаполитика – подход в политике, направленный на изменение культурного и идеологического контекста, посредством воздействия на культурные, интеллектуальные и символические основы общества в обход традиционных политических институтов.
[390] Carioti A. Gli orfani di Salò. P. 11.
[391] Parlato G. Evola e la politica nel secondo dopoguerra. P. 143-158.
[392] Forte S. Op. cit. P. 21.

интеллектуалов, особенно выделял книгу «Восстание против современного мира», написанную еще до войны. Он вспоминал: «Меня поразило то, как задолго до войны он [Ю. Эвола – *Д. Д.*] объяснил, что американизм и большевизм покоятся на общей гедонистической и материалистической основе. Для меня и многих других это было просветлением: мы нашли человека, который предвидел рождение великого антифашистского альянса и объяснил глубокие исторические, философские и культурные причины, по которым мы боролись против него»[393].

Через два года после знакомства с книгами Ю. Эволы, лидеры ФАР встретились с ним лично – К. Грациани[394], Ф. Джанфранчески[395], Дж. Мачератини[396], Ф. Де Феличе[397], П. Андриани[398], П. Раути и ряд других членов организации навестили его в лазарете, в котором тот проходил реабилитацию после ранения. Для каждого из ФАР Ю. Эвола обладал крайне высоким авторитетом, т.к. его книги и статьи воспринимались, по сути, в качестве «откровения».

П. Раути, один из наиболее убеждённых и последовательных «эволианцев» в рядах ИСД, так оценивал роль наследия мыслителя в собственном культурно-интеллектуальном становлении: «Эвола был мудрецом безграничной культуры. Он глубоко изменил наши убеждения и произвел культурную революцию в нашем мире. <…> Он отодвинул нас от риторического национализма и шовинизма эпохи Муссолини. До него нашими единственными культурными ориентирами были Альфредо Ориани[399] и Джоаккино Вольпе[400]. Он открыл для нас дверь в международную и мировую культуру. Он дал нам апостериорные объяснения тому чувству гордости, которое мы всегда испытывали <...> Эвола познакомил нас с

---

[393] Ibid. P. 21-22.
[394] К. Грациани (1925-1996) – итальянский праворадикальный политик, сооснователь центра «Новый Порядок». В 1970-1980-е гг. стал одним из идеологов террористической борьбы.
[395] Ф. Джанфранчески (1928-2012) – итальянский правый писатель и журналист.
[396] Биографических данных о Дж. Мачератини найти не удалось
[397] Ф. Де Феличе (1927-2024) – итальянский политик монархистских взглядов, сторонник передачи Триеста Италии в 1950-е гг.
[398] Биографических данных о П. Андриани найти не удалось.
[399] А. Ориани (1852-1909) – итальянский писатель, считающийся одним из «предшественников» фашизма.
[400] Дж. Вольпе (1876-1971) – итальянский историк и политический деятель. В своих исторических работах интерпретировал наступление фашизма как кульминацию итальянской истории.

людьми, о которых мы почти ничего не знали. О которых мы никогда не говорили в ИСД и которых он знал лично. Например, Кодряну, Скорцени, Квислинг. Он хорошо знал немцев. <…> Он рассказывал нам о великих французских писателях, Дриё Ла Рошели[401] и Робере Бразильяке[402]. <...> Короче говоря, он дал нам понять, что фашизм – это глобальное событие, которое было частью исторической преемственности»[403]. Данный фрагмент воспоминаний П. Раути демонстрирует масштаб воздействия Ю. Эволы на молодых неофашистов послевоенной эпохи.

Показательна идеологическая трансформация части фашистов под влияниями традиционалистских идей. С отходом от расистской и националистической риторики фашистского режима, перед эволианцами открывалась перспектива «наднационального» измерения фашизма, приобретавшего скорее мифологический, нежели политический характер. Не случайно эти же люди в 1950-1960-е гг. будут вновь развивать эволианские идеи, но уже не в сугубо национальном измерении, а в общеевропейских масштабах, воспринимая Европу не как географическое понятие, а как культурно-историческое пространство[404]. Схожие процессы просиходили во Франции, где под влиянием идей Ю. Эволы, публициста М. Бардеша[405] и журнала «Defènce de l’Occident» формировались «наднациональные» представления о неофашизме[406].

С появлением ФАР отчасти можно также связывать и появление понятия «неофашизма» в качестве обозначения именно бывших сторонников фашистского режима, поскольку этот же термин в ином значении использовал и Г. Джаннини по отношению к силам Сопротивления, критикуя их[407].

---

[401] П. Д. Ла Рошель (1893-1945) – французский писатель, сторонник т.н. «фашистского социализма» - одного из «фашизмов», бывших модными в Европе в 20-30-е гг. XX в.

[402] Р. Бразийак (1909-1945) – французский поэт националистических взглядов, расстрелянный в 1945 г. по обвинению в коллаборационизме.

[403] Цит. по: Forte S. Op. cit. P. 22-23.

[404] Примечательны в данной связи журналы, выпускавшиеся П. Раути совместно с К. Грациани, П. Андриани и другими интеллектуалами-эволианцами: ежемесячный журнал «Нация Европа» (Nazione Europa) и студенческая газета «Мы – Европа» (Noi Europa).

[405] М. Бардеш (1907-1998) – французский публицист и писатель крайне правых взглядов. Один из главных основоположников возрождения ультраправых идей в послевоенной Европе.

[406] Mammone A. The Transnational Neofascism in France and Italy. P. 16-17.

[407] См.: Fronte dell’Uomo Qualunque schiera contro il neofascismo del CLN // L’Uomo Qualunque. 1945. № 29.

Стремясь трансформировать идеологию предыдущего двадцатилетия, указанные интеллектуалы достигли иной идеологической формы, которая зачастую не имела практически ничего общего с «историческим фашизмом»[408]. Чуть позже, с появлением ИСД, понятие «неофашизма» приобретёт и два классических для своей политической и идеологической истории измерения – «легальный» и «подпольный».

Возвращаясь к воспоминаниям П. Раути, стоит отметить характерный подбор авторов, которых перечислил политик: французские авторы Р. Бразийак и П. Д. Ла Рошель стали своеобразными «мифами» в неофашистской среде тех лет, а их образ мысли интерпретировался как один из этических образцов, позднее к ним добавились фигуры философов-традиционалистов Ю. Эволы и Р. Генона, неогегельянца Дж. Джентиле, писателей и поэтов Г. Д'Аннунцио, Ф. Маринетти, Ю. Мисимы[409].

Помимо этого, П. Раути упоминал и нацистов О. Скорцени[410] и В. Квислинга[411], а также К. Кодряну[412] – румынского фашистского политика. Все перечисленные лица были популярны в рядах неофашистов, а их «интернациональный» характер подчёркивал «обширность» идей, питавших неофашистов ФАР.

Таким образом, идейное влияние Ю. Эволы на неофашистов конца 1940-х – начала 1950-х гг. было довольно заметным, что, однако, не привело к серьезным политическим успехам из-за бескомпромиссного подхода мыслителя к осуществлению политической деятельности и статуса проигравших в послевоенной Италии.

---

[408] См.: De Felice R. Intervista sul fascismo. Roma-Bari, 1975.

[409] Ignazi P. Postfascisti? Dal Movimento sociale italiano ad Alleanza nazionale. Bologna, 1994. P. 117-118; Amorese A. Op. cit. P. 384.

[410] О. Скорцени (1908 - 1975) – немецко-австрийский военный деятель, член СС, известен своими спецоперациями, в частности, похищением Б. Муссолини, заключенного на тот момент под стражу.

[411] В. Квислинг (1887-1945) – норвежский политический деятель, член партии «Центр», ориентировавшейся на немецкий национал-социализм. Расстрелян в 1945 г. по обвинению в коллаборационизме.

[412] К. З. Кодряну (1899-1938) – румынский политический деятель, лидер «Железной гвардии» – полуфашистской политической организации с сильным религиозным элементом в своей идеологии.

Особо важным периодом, как для философа, так и для политической активности неофашистов был рубеж 1940-1950-х гг. Это связано как с прошедшими в 1948 г. первыми парламентскими выборами, предопределившими расстановку сил на годы вперёд, так и с острой необходимостью выработки единой политической линии неофашистов, главным выразителем позиции которых к этому моменту стало созданное в декабре 1946 г. «Итальянское социальное движение», о котором более подробно будет сказано в третьей главе настоящего исследования.

Так как философия Ю. Эволы оказала влияние на формирование подпольного неофашизма, стоит более подробно остановиться на ней. В статьях мыслителя этого периода красной нитью проходили идеи аристократизма, иерархичности, «революции сверху»[413] и «органического государства»[414], постепенно рос и уровень радикализма как по отношению к сложившемуся политическому режиму, так и к «недостаточно решительной»[415] верхушке ИСД.

Одним из ключевых концептов Ю. Эволы была идея Империи (“Imperium”). В своих статьях мыслитель стремился реактуализировать эту идею в её исконном, древнеримском значении: «Согласно своему первоначальному значению, термин *imperium* не обозначал наднациональную политическую организацию. Вместо этого он обозначал лишь власть повелевать, власть, которая материализуется и проявляется в тех, кто обладает качествами или функциями лидера. В правильном политическом смысле, это сама сущность государства как такового, которая выражается в *imperium*. В этом случае *imperium* – власть «повелевания» – понималась как нечто сверхъестественное, как истечение «светлой силы свыше». Таким образом, в древнеримские времена идея государства и верховной политической власти была тесно связана с символическим поклонением вирильным [мужским – *Д.Д.*] божествам неба, света, высшего мира, противопоставленного темному миру женских и хтонических божеств»[416].

---

[413] Carioti A. Gli orfani di Salò. P. 323.
[414] Цит. по: Cassata F. A destra del fascismo. Profilo politico di Julius Evola. Torino, 2003. P. 325.
[415] Evola J. Due Intransigenze // Imperium. 1950. № 3. P. 49-52.
[416] Evola J. Il senso dell’imperium // Imperium. 1950. № 1. P. 19.

Таким образом, сила «повелевать» имела для Ю. Эволы ключевое значение. Человек, наделенный этим «апполоническим», светлым могуществом, противопоставлял себя «тёмному миру хтонических божеств»[417].

Реактуализация понятия *imperium* связана с критикой Ю. Эволы современных империй и обществ, сложившихся в мире в XIX-XX вв. Буржуазные монархии, общества «пролетарского материализма» [СССР – *Д.Д.]* или «лихорадочного производства»[418] [США – *Д.Д.*] не были «империями» в эволианском понимании. Для того чтобы воссоздать «подлинную» Империю, необходимо было коренное изменение человеческого восприятия. Критика современности Ю. Эволы была направлена на т.н. «нейтрализацию» человека, его ценностей, чувств, политической активности: «Когда организм распадается, явление, которое в основном сопровождает его, – это отсутствие деятельности. Такое размежевание носит как политический, так и культурный характер и правильно называется “нейтрализацией”. В политическом плане оно проявляется в сепаратизме [от Империи – *Д.Д.*], зацикленности на внутренней политике, “голландизации”, “швейцаризации” той или иной части Европы, которая стала нетерпимой к строгости и авторитету высшей политической идеи. В духовном плане это формирование типа культуры, характеризующейся двоемыслием, деполитизацией, расщеплением и абсолютизацией частного. Создаётся даже искусственное противопоставление духа и власти, интеллектуалов и Государства, сил цивилизации и политики. Характерно, что этот тип культуры, по сути, имел своими очагами именно те страны, которые “нейтрализовали себя”[419] в поэтическом смысле по отношению к органичной и унитарной имперской идее»[420].

---

[417] Ibid. P. 19.
[418] Evola J. Due intransigenze // Imperium. 1950. № 3. P. 50.
[419] О подобных явлениях чуть позже писали и мыслители левых взглядов. Так, Г. Маркузе в эссе «Одномерный человек», вышедшем в 1964 г., развивает похожую идею. Не случайно в 1960-е гг. Эволу будут называть «правым Маркузе», т.к. именно он станет главным вдохновителем правых студенческих волнений, подобно Маркузе, считавшимся главным идеологом «Красного мая» 1968 г.
[420] Evola J. Impero e civiltà // Imperium. 1950. № 2. P. 33-35.

Настоящая империя в представлениях Ю. Эволы была единым организмом, где каждый индивид должен был иметь своё место в общей иерархии и где божественный принцип «авторитета»[421] был бы непререкаем.

Ещё одним неотъемлемым элементом философской системы Ю. Эволы был уже упомянутый принцип «аристократизма». Будучи элитистом, мыслитель не стремился к пониманию и принятию своих идей большинством. Более того, массы вызывали у него отторжение, т.к. согласно его концепции, они являлись проявлением «хтонического».

Аргументацию Ю. Эволы можно привести к следующей модели: *народ не обладает субъектностью как таковой, он является «материей» для создания «идеальной» системы, а Империя является «формой», которая дает очертание массам*. При этом, взаимодействие «материи» и «формы» не должно было представлять из себя конфликт, борьбу классов, полов и иных социальных потрясений, т.к. каждый чётко знал бы свою роль, а «авторитет» власти был бы безусловным. Именно такое понимание государства Ю. Эвола и назвал «органическим», давая ему следующее определение: «Государство органично, когда у него есть центр, и этот центр – идея, которая эффективно поддерживает различные области в себе; оно органично, когда игнорирует расщепление и автономизацию частностей и, в силу системы иерархических причастий, каждая часть в своей относительной автономии имеет функциональность и теснейшую связь с целым»[422].

Результатом проработки идейно-политической основы «органического государства» стала программная работа мыслителя, вышедшая в 1950 г. под названием «Ориентиры»[423], в ней Ю. Эвола кратко изложил свои взгляды. А в вышедшей в 1953 г. книге под названием «Люди и руины»[424] идеи философа приобрели завершённый вид.

---

[421] Можно предположить, что в данном случае заметна параллель со средневековым пониманием авторитета как *auctoritas* – священной власти, подобной власти понтифика, власть «свыше», власть над умами и душами. Это понятие противопоставляется *potestas* – физическому могуществу, власти «над телами». В логике Ю. Эволы, современный мир утратил сакральное измерение власти (т.е. *auctoritas*), став заложником власти материальной.

[422] Цит. по: Cassata F. A destra del fascismo. Profilo politico di Julius Evola. Torino, 2003. P. 325.

[423] Evola J. Orientamenti. Undici punti. Roma, 1950; на русском см.: Эвола Ю. Ориентации. М., 2021.

[424] Evola J. Gli uomini e le rovine. Roma, 2001.

Таким образом, главной целью Ю. Эвола видел реорганизацию итальянского общества в иерархичную, подчинённую высшим идеалам Империи и авторитета систему, объединённую идеями служения и построения «органического государства», общества традиции, которое должно было быть создано поколениями решительных молодых людей, отвергавших материалистические ценности современного мира[425].

Конец существования ФАР пришёлся на 1950-1951 гг., когда оставшиеся члены «Фашей» совершили свои последние акции: 28 октября 1950 г. ими был устроен взрыв на площади Колонна в Риме, в результате чего улицы покрылись агитационными листовками, а 12 марта 1951 г. произошли взрывы у зданий МИДа Италии и американского посольства, а также совершено покушение на югославскую делегацию. Помимо этого, в этот период участились стычки с полицией[426]. Всё это стало поводом для резонансного политического расследования, в ходе которого были арестованы некоторые члены ФАР, а также и сам Ю. Эвола, которому отводили роль «идейного вдохновителя»[427].

Тем не менее, суд над мыслителем способствовал лишь увеличению его популярности в наиболее радикальной неофашистской среде, поскольку стойкость мыслителя, страдавшего от последствий тяжелого ранения[428], сама по себе становилась этическим образцом для неофашистской молодёжи.

Примечательно также и то, что адвокатом последнего был Ф. Карнелутти – один из известнейших итальянских юристов того времени. Не разделяя взглядов Ю. Эволы, он, тем не менее, подготовил речь в его защиту[429], в которой доказал несостоятельность обвинения и глубоко чуждый историческому фашизму характер творчества обвиняемого, расширив аргументационную базу и

---

[425] Evola J. Il senso dell'Imperium. P. 19.
[426] Rao N. Op. cit. P. 84-86.
[427] Evola J. Autodifesa. URL: https://www.rigenerazionevola.it/julius-evola-al-processo-ai-f-a-r-lautodifesa/ (дата обращения: 02.09.2024).
[428] В 1945 г. Ю. Эвола находился в Вене, которая подвергалась авиационным налётам Союзников. Во время одной из таких бомбардировок он получил тяжёлое ранение: в результате контузии был повреждён спинной мозг, что привело к параличу нижних конечностей.
[429] Carnelutti F. Il Processo. URL: https://www.rigenerazionevola.it/evola-al-processo-ai-f-a-r-larringa-di-f-carnelutti/ (дата обращения: 13.01.2024).

включив в неё другую знаковую работу Ю. Эволы – «Восстание против современного мира».

Подобный «жест» мог свидетельствовать о том, что даже идеологические оппоненты не могли не понимать «искусственный» характер обвинений против Ю. Эволы.

С критикой процесса выступил также и другой итальянский писатель и журналист – А. Бьянкотти. В своем открытом письме к А. Де Гаспери он выражал непонимание вызванным вокруг процесса резонансом, причины которого видел в панике правительства перед лицом переоценённой угрозы фашистского переворота: «Вы [А. Де Гаспери – *Д.Д.*] и ваши друзья испугались пары петард, брошенных какими-то дураками и разбросавших листовки тут и там, и упекли за решетку бедного Эволу – философа, очарованного идеями сверхъестественного, который “очень понравился” [кавычки мои – *Д.Д.*] старому прокурору Полити (Какую же прекрасную карьеру он сделал при фашизме!), чтобы сделать его главарём хулиганов»[430], – отмечал в своём письме А. Бьянкотти.

12 октября 1951 г. была опубликована «Самозащита» мыслителя – речь, произнесённая им в суде[431]. В ней Ю. Эвола отвечал на предъявляемые обвинения в возрождении фашизма и подталкиванию молодёжи на осуществление противоправных действий.

Мыслитель разбил аргументацию обвинителей, демонстрируя различия между его «Ориентирами» и программами ФАР, а также настаивал на его исключительно «интеллектуальном сотрудничестве по вопросам государственной доктрины, этики и видения мира»[432] с представителями организации.

После роспуска «Фашей революционного действия» их бывшие руководители сосредоточили свои силы для деятельности внутри ИСД, в которой состояли параллельно фактически с самого её основания.

---

[430] Biancotti A. Lettera aperta di un italiano al Presidente De Gasperi. Torino, 1952.
[431] Evola J. Autodifesa. URL: https://www.rigenerazionevola.it/julius-evola-al-processo-ai-f-a-r-lautodifesa/ (дата обращения: 02.09.2024).
[432] Ibid.

Несмотря на кажущееся единство, внутри «Итальянского социального движения» существовали различные лобби, имевшие зачастую кардинально отличающуюся позицию как в идеологических аспектах, так и в вопросах политической реализации[433].

Таким образом, политическая активность «Фашей революционного действия» стала одним из первых проявлений зарождавшегося в стране неофашизма. Несмотря на короткую историю и подпольный характер, именно хта организация стала своеобразным «идейным полигоном» для неофашизма, «открывшим» молодёжи Ю. Эволу. Позднее это повлияло на формирование радикального крыла внутри «Итальянского социального движения», а также привело к появлению самобытных культурных феноменов в молодёжной среде последующих десятилетий[434].

Вместе с тем, тактика «прощупывания» новой власти путём террористических атак и политических акций окончательно показала несостоятельность продолжения подпольной борьбы и необходимость дальнейшей консолидации проигравших в рамках легального политического поля, что, однако, не означало полный отказ от незаконных методов политической борьбы в будущем.

---

[433] Ferraresi F. Op. cit. P. 12.

[434] Примечательны в данной связи т.н. «Лагеря Хоббитов» (от итал. “Campi Hobbit”), представлявших собой крупные фестивали правой молодежной культуры, собиравшиеся в 1970-е гг. Название фестивалей и деятельность некоторых творческих коллективов было вдохновлено произведениями английского писателя Дж. Толкина. Помимо этого, в 70-80-е гг. создается музыкальное направление «Альтернативная правая музыка» (от итал. “Musica alternativa di destra”), ядром которой были музыкальные группы «Друзья Ветра» (от итал. “Amici del Vento”) и «Братство Кольца» (от итал. “Compagnia dell’Anello”). В литературе активно развивается «Альтернативный комикс» (от итал. “Fumetto alternativo”), в данной связи примечателен журнал “La voce della fogna”, созданный М. Тарки.

2.2. Программа «Фронта Уомо Квалюнкве»

Краткосрочным, но важным этапом формирования итальянского неофашизма является период взаимодействия его членов с одной из первых в европейской истории «популистских партий»[435] – «Фронта Уомо Квалюнкве» (ФУК)[436].

Ряд исследователей определяли ФУК как фашистскую партию, собранную из сторонников и функционеров эпохи Б. Муссолини, и экс-комбатантов республики Салò. Этой позиции придерживалась, например, Н. П. Комолова[437], частично её разделяла Ц. Кин, развивая мысль о том, что «Итальянское социальное движение» было «наследником и продолжателем практики “Уомо куалюнкуэ”»[438]. Г. С. Филатов, в свою очередь, охарактеризовал партию как «прямо выступившую против создания республики и против идеалов антифашистского движения Сопротивления»[439].

Подобная объяснительная модель характерна для итальянских антифашистских кругов, в частности, она созвучна с позицией Л. Лонго – одного из ключевых представителей ИКП периода гражданской войны[440].

Вместе с тем, сами экс-фашистские политики отрицали связь ФУК с фашизмом[441], поэтому устоявшаяся в историографии позиция требует корректировки. Для этого необходимо обратиться к истории возникновения ФУК, проанализировать комплекс политических идей этой «антипартийной» партии[442], а

---

[435] Gambarotta P. Uomo Qualunque: The Transnational Making of Italian Postwar Populism // The Italianist. Vol. 39. 2019. P. 47.

[436] В переводе с итальянского языка это означает буквально «каждый человек», «любой человек». Это движение было создано в 1946 г. Г. Джаннини и представляло собой объединение всех недовольных текущей политической ситуацией в стране. Характерной особенностью движения была критика абсолютно всех политических игроков и их нарративов. Можно сказать, что ФУК представлял собой «антипартию» на политической арене того времени.

[437] См.: Комолова Н. П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии.

[438] Кин Ц. Ук. соч. С. 236.

[439] Филатов Г. С. История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 509.

[440] Лонго Л. Уроки антифашистского Сопротивления. М., 1980. С. 124.

[441] Chiarissi L. Esame di cocsienza di un fascista. Roma, 2010. P. 75.

[442] Pallotta G. Il Qualunquismo e l’avventura di Guglielmo Giannini. Milano, 1972. P. 39.

также выявить обстоятельства, приведшие к взаимодействию между популистами и неофашистами в этот период.

Движение зародилось в 1944 г. с публикацией первого номера одноименного журнала, основанного Г. Джаннини. В своей программной статье, опубликованной на первой полосе, он изложил основные принципы и цели нового объединения. В политическом нарративе «l'Uomo Qualunque», как в период движения, так и в период партийной деятельности, можно выделить ряд лейтмотивов, на которых выстраивалась риторика членов ФУК.

По мнению автора исследования, популизм Г. Джаннини был лишён каких-либо чётких идеологических рамок, что не позволяет говорить о нём, как о «правом» или «левом». Исследователь В. Бенедетти справедливо подмечал, что популизм является прежде всего стилем, а не идеологией[443], поэтому её замена эмоциями недовольства положением вещей выглядит закономерным явлением. Действительно, Г. Джаннини демонстрировал скептическое отношение к любому проявлению партийности, чёткой политической идентификации как с представителями антифашистского лагеря, так и с фашистами. Эти принципы позволяли вступать в партию представителям различных идейно-политических взглядов, что и обеспечило ей резкий рост в самом начале существования.

В период с 1944 по 1945 гг. – с создания журнала и до формирования одноименной партии – на страницах «l'Uomo Qualunque» сформировался перечень основных тем: критика формировавшейся в стране политической системы и политики чисток, нападки на антифашистские партии, в особенности на левых, как главных вдохновителей коренных изменений в стране.

По мнению Г. Джаннини, в политике не было ни харизматичных персонажей, ни партий, а существовали «лишь программы или наброски программ, вокруг которых волевые люди формируют партии»[444].

Характерно принижение им роли движения Сопротивления в борьбе с фашизмом. Помимо критики политиков того времени, составивших

[443] Benedetti V. Sovranismo. La grande sfida del nostro tempo. Roma, 2021. P. 18-25.
[444] Giannini G. L'Uomo Qualunque // L'Uomo Qualunque. 1944. № 1.

антифашистский фронт, Г. Джаннини критиковал и фашистский период, утверждая, что он также представлял собой власть меньшинства, которая рухнула благодаря «пассивному сопротивлению» простых людей: «Мы никогда и не верили, что Муссолини всегда прав[445]: мы не верим, что есть и другие, кто может быть прав»[446], – писал он.

Нигилизм Г. Джаннини приводил его к выводу о том, что политическая ситуация в стране была настолько безнадёжна, что любое политическое действие, в том числе и активность партий движения Сопротивления, были бессмысленными: «Нам не нужна политика и мы не можем её осуществлять. Какую политику можно сегодня проводить в Италии? Территории заняты иностранными войсками; невозможно даже зажечь лампочку без разрешения того, кто за это отвечает. Что за политику может осуществлять эта дюжина индивидов, действующих ради получения министерских портфелей и секретарских должностей?», – заключал Г. Джаннини[447].

Неудовлетворенность демократической системой занимала важное место в риторике Г. Джаннини. Этому вопросу посвящен ряд статей, опубликованных в его газете.

В статье «Политический бандитизм»[448] Г. Джаннини приводил собственную интерпретацию истории первой половины XX в., где он критиковал устройство стран, в которых политику использовали как «способ захвата власти»[449]. Примечательно, что в этой связи он критиковал не только и не столько представителей левых взглядов, но Б. Муссолини, который «при помощи нескольких зарубежных посольств» открыл газету «Il Popolo» и посредством насилия захватил власть в стране[450].

---

[445] «Муссолини всегда прав» (от итал. “Mussolini ha sempre ragione”) – лозунг итальянских фашистов, популярный во времена режима.
[446] Giannini G. L’Uomo Qualunque // L’Uomo Qualunque. 1944. № 1.
[447] Ibid.
[448] Giannini G. Banditismo politico // L’Uomo Qualunque. 1945. № 5.
[449] Ibid.
[450] Ibid.

Вместе с тем, лидер квалюнкивистов стремился продемонстрировать, что вся государственная система Италии сформирована на одних и тех же принципах вне зависимости от политического режима. Принципиальным моментом для Г. Джаннини было создание условий, при которых власть государства была минимальной. По его мнению, когда экономические, социальные и образовательные функции концентрируются в руках властей, такое государство неминуемо становится «этическим»[451].

«Этическое Государство» (“lo Stato etico”) негативно воспринималось лидером ФУК. В своей главной работе – «Толпа» – Г. Джаннини охарактеризовал его следующим образом: «“Моральное правительство”, так называемое “этическое государство”, претендующее на то, чтобы учить гражданина тому, что государство считает моральным, правильным, хорошим, представляет собой нарушение свободы гражданина. <...> Концепция государства как педагога, наставника, воспитателя, <...>, государства-отца, этического государства, государства-мозга, претендующего на господство над душой, сердцем, совестью гражданина, – это нонсенс, который следует принципиально отвергнуть, не удостаивая его обсуждением. <...> Государство должно быть сведено к своей самой простой и элементарной функции – управлять страной, позволяя людям жить в ней в условиях максимально возможной гражданской свободы. <...> Каждое новое дело, которое даётся государству и отнимается у человека, который знает, как его выполнить, и поручается Государству (профессиональному политику), который не знает, как его выполнить, является нападением на гражданскую свободу и ущербом для процветания общества»[452].

Скорее всего, в этом фрагменте лидер квалюнквистов заочно полемизировал с Дж. Джентиле, который активно развивал концепцию «этического Государства» в предыдущие годы. В посмертном издании его работы «Происхождение и структура общества»[453] отдельный параграф посвящён этому понятию и обличению его

---

[451] Parlato G., Ungari A. Le destre nell’Italia del Secondo dopoguerra. Dal qualunquismo ad Alleanza nazionale. Soveria Manelli, 2021. P. 13.
[452] Giannini G. La folla. Seimilla anni di lotta contro la tirannide. Roma, 1945. P. 260-275.
[453] Gentile G. Genesi e struttura della società. Firenze, 1946.

критиков. Дж. Джентиле пишет: «Моральный бунт, который вызывает этическое Государство, является подтверждением его этичности. Ибо аморальная сила никогда не могла бы вызвать этической оценки. Бунт возникает всякий раз, когда ощущают силу Государства, но не признают его (положительной) ценности. Но в этом случае ему все же приписывается ценность, хотя и отрицательная; как грешнику, которого хотят увидеть раскаявшимся, сокрушённым, искуплённым; и потому считают способным на это»[454].

Помимо очевидной роли «этического Государства» в фашистской политической доктрине, схожая задача отводилась ему и в левом лагере, где государство воспринималось как главный центр распределения благ и, следовательно, сила, формирующая само представление о благе. Г. Джаннини не мог не знать о концепции Дж. Джентиле, равно как и не видеть позицию социалистов и коммунистов по этому вопросу, поэтому его популистское мышление одинаково отторгало философские построения подобного рода, стремясь к ясности для «простого человека». Критика фундаментального для фашистского дискурса понятия государства не позволяет определять лидера ФУК и его партию как «неофашистскую».

Другой проблемой, которую заьрагивал лидер квалюнквистов, было наличие профессиональных политиков, которые были готовы к любым компромиссам ради удержания власти. В статье «Фашисты всех мастей»[455], Г. Джаннини обвинял коммунистов в лицемерии, т.к. те стремились оправдать бывших фашистских лидеров, которые вступили в ИКП. Он подмечал, что каждый итальянец был так или иначе связан с фашизмом: «Восемнадцатилетние не верили Муссолини? А пятидесятилетние, семидесятилетние, девяностолетние? Разве они не верили?»[456], – в риторической манере отмечал он.

Полемика против «этического Государства» и профессиональных политиков позволяла лидеру ФУК не столько демонстрировать собственную гибкость и

---

[454] Ibid. P. 68.
[455] Giannini G. Fascisti di tutte le ore // L’Uomo Qualunaue. 1945. № 6.
[456] Ibid.

беспринципность, сколько показывать внутреннее сходство только внешне противоположных политических сил в отношении этичности государства и тех функций, которые коммунисты и фашисты приписывали государственному управлению[457].

Подобный ход позволял Г. Джаннини выполнить одновременно несколько задач на поле идеологической борьбы: говоря о причастности к фашизму всех итальянцев, он, вольно или невольно, обесценивал антифашистскую борьбу и усилия движения Сопротивления. Это способствовало формированию дискурса-реабилитации бывших военных преступников и фашистских иерархов, а также ставило под вопрос целесообразность политики «чисток».

Такая риторика привлекла внимание властей, которые попытались ограничить деятельность Г. Джаннини, однако это лишь усилило его рвение. В статье «Несправедливость, повлекшая за собой тяжкие последствия»[458] он пишет: «Насмешки убивают: профессиональный антифашизм с его жадными до должностей и привилегий карьеристами покончил с собой. Он доказал, что его действия направлены против “власти, богатства, фашистских жалований”, которые он хочет получить сам: а не “против фашизма”, чьи методы он повторяет и чьё место он намерен занять, чтобы продолжать эксплуатировать страну в своих интересах <…> Фашизм умер или просто сменил маски?»[459].

В качестве постоянного сатирического персонажа в этот же период в журнале появляется В. Спано[460], держащий в руках газету «l’Unità» и агрессивно пристающий к прохожим с фразой «Надо делать как в России...»[461].

Лидер квалюнквистов стремился показать, что между фашистским и антифашистским режимами не было сущностных различий, и те, и другие стремились к власти и готовы были «бандитским образом», т.е. через ограничение прав простых людей, удерживать её. Примечательна в этой связи статья Г.

---

[457] Parlato G., Ungari A. Op. cit. P. 15.
[458] Giannini G. L’imgiustizia che avrà gravi conseguenze // L’Uomo Qualunque. 1945. № 8.
[459] Ibid.
[460] Велио Спано (1905-1964) – главный редактор коммунистической газеты «l’Unità» в 1945-1946 гг.
[461] L’Uomo Qualunque. 1945. № 10.

Джаннини «Идентифицировать фашизм»[462], в которой вновь критиковалась политика «чисток», а также давался ответ на вопрос «Что такое фашизм?», позволявший провести читателю недвусмысленные параллели.

В ней лидер квалюнкивстов писал: «Сквадрист, “осуществляющий” так называемую карательную экспедицию, МЕНЕЕ ВИНОВЕН, ЧЕМ ТОТ, КТО ПОСЫЛАЕТ ЕГО НА ЭТО во имя ложного идеала, который сразу же раскрывается как грязный интерес. Поэтому между осужденным заместителем командира отряда и оправданным высшим иерархом мы считаем последнего гораздо более подлым. Сквадристы, жестокие фашисты, были в основном молодыми, неосведомленными, часто убеждёнными в том, что они защищают нечто достойное от опасности, которую они сами не очень четко идентифицировали. Настоящими преступниками были ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФАШИСТЫ: те, кто, не отрываясь от своих столов и профессорских кафедр, поднимали молодых, восторженных, доверчивых, менее культурных людей против своих личных врагов, которые были конкурентами из других политических движений»[463].

Так, не отрицая жестокость фашистов, Г. Джаннини, тем не менее, смещал фокус с их преступлений на сам характер преследований, которые развернулись в конце и сразу после войны. Несправедливость и избирательность политики чисток, в которых вся тяжесть ответственности ложилась, по его мнению, на простых исполнителей, было укором в сторону организаторов этой политики – Комитетов национального освобождения и коммунистов, выдвигавших своих «профессиональных политиков» на место «профессиональных фашистов».

По мнению Г. Джаннини, для того чтобы понять, кто действительно был виновен, необходимо прежде определить, в чём заключалась собственно «идея фашизма». Лидер квалюнквистов так ответил на этот вопрос: «Фашистская идея - это ТОТАЛИТАРНАЯ ИДЕЯ, то есть политическая концепция, не признающая противников, не терпящая меньшинств и не признающая их прав, желающая, чтобы государство было верховным регулятором коллективной жизни и, следовательно,

[462] Giannini G. Identificare il fascismo // L’Uomo Qualunque. 1945. № 11.
[463] Ibid.

ГОСПОДИНОМ всего и всех. Эта идея государства-хозяина предстает в завораживающем виде, поскольку она заставляет государство выглядеть справедливым распределителем всех наград и наказаний: своего рода земным богоотцом. Но государство – это не человек, а административный организм, машина, которая, как и все машины, подчиняется тому, кто ею управляет. Политический профессионал, который в тоталитарном режиме берет на себя управление государством, становится практическим ГОСПОДИНОМ ВСЕГО И ВСЕХ»[464].

Подобная интерпретация фашизма, наталкивала читателя на мысли о его концептуальном сходстве с коммунизмом, политический инструментарий которого мог представляться аналогичным.

Вместе с тем, понимая необходимость заверить читателя в обратном, Г. Джаннини написал статью «Не только антикоммунисты»[465], в которой он продублировал «для новых читателей» ряд постулатов из первого выпуска газеты, согласно которым, после провалившихся социальных и политических экспериментов «не остается ничего иного как АДМИНИСТРИРОВАТЬ страной, привлекая компетентных техников <…> Где министром юстиции должен быть судья <…>; сельским хозяйством должен заниматься агроном; финансами экономист; государственными долгами банкир, образованием учитель и так далее»[466].

Подобная риторика, тем не менее, не способствовала снижению концентрации антикоммунистических лозунгов и статей, критикующих деятельность левых. Не случайно, объявление о создании партии в 29 номере его газеты получило заголовок «Фронт Уомо Квалюнкве» объединяется против неофашизма партий КНО»[467].

Результатом года работы журнала стал сформированный нарратив, который обрёл политическую форму в новой партии.

7 ноября 1945 г. в «l'Uomo Qualunque» вышли первые программные ориентиры, сформулированные «в преддверии первого конгресса» ФУК[468].

---

[464] Ibid.
[465] Giannini G. Non solamente anticomunisti // L'Uomo Qualunque. 1945. № 22.
[466] Ibid.
[467] Fronte dell'Uomo Qualunque schiera contro il neofascismo del CLN // L'Uomo Qualunque. 1945. № 29.
[468] Il Programma politico dell'Uomo Qualunque // L'Uomo Qualunque. 1945. № 38.

Программная рамка состояла из следующих пунктов:

1) восстановить моральный и духовный облик итальянцев: Г. Джаннини призывал к восстановлению свободы как фундаментальной основы для полноценного существования гражданина и человека;

2) сформировать условия для всеобщих свободных выборов, в которых участвовать и победить мог каждый;

3) создать технократическое государство;

4) обеспечить независимость трех ветвей власти;

5) деполитизировать министерство юстиции и утвердить неразрывную связь между справедливостью и свободой, что было необходимо для более справедливой работы правосудия;

6) способствовать развитию свободной инициативы во всех областях, кроме тех, что связаны непосредственно с государственным управлением.

Любопытной особенностью риторики Г. Джаннини было апеллирование к опыту стран союзниц. Программа ФУК по своей ориентации напоминала либеральный политический проект с сильным технократическим уклоном и свободной частной инициативой. Историки П. Гамбаротта и П. Кордувенер также подмечали связь между политическим проектом Г. Джаннини и влиянием на него англоязычной культуры[469]. Это вновь ставит под вопрос тезис о неофашистском характере партии Г. Джаннини, т.к. в риторике неофашистов этого периода сохраняются идеи «третьего пути», жёстко противопоставленного как капиталистической системе, так и социалистическим экспериментам.

Историк Дж. Парлато отмечал, что семейная библиотека политика состояла, в основном, из книжного собрания его матери – англичанки М. Джексон, а наиболее часто цитируемое политиком произведение – трактат Т. Пэйна «Здравый смыл» (от англ. “Common sense”), что нашло отражение как в риторике Г. Джаннини, так и в

[469] Corduwener P. Anti-Fascism in the Name of Democracy: The Fronte dell’Uomo Qualunque and its Impact on Italy’s Republic // Contemporary European History. 2017. № 26. P. 73-75.

названии одной их газет, курируемых ФУК – «Il Buonsenso», буквально являющейся калькой с английского языка[470].

Помимо этого, политик активно следил за развитием англо-саксонской политической мысли, он был подписан на единственный в Италии журнал, представлявший переводы англоязычных текстов на итальянский язык – «Новые исследования в области права, экономики и политики», который курировался философами У. Спирито и А. Вольпичелли[471].

Несмотря на определяющее влияние англо-саксонской политической мысли на Г. Джаннини, нельзя отрицать тот факт, что рядах ФУК находилось множество экс-фашистов, которых лидер квалюнквистов охотно брал к себе. До определённого момента это не противоречило позициям обеих сторон, а было лишь временной необходимостью. Если коммунисты принимали левых фашистов для пополнения собственных кадров компетентными людьми, которые также могли послужить примером для сомневавшихся, то Г. Джаннини нуждался в оппозиционно настроенных кадрах без оглядки на их политические взгляды.

Бывших фашистов привлекала антикоммунистическая риторика лидера ФУК, хотя его политическая программа полностью противоречила их видению политического[472]. Подобная недальновидность и стала одной из причин его политического краха, т.к. неофашисты использовали ФУК в качестве одного из каналов собственной легализации до появления ИСД.

«Фронт Уомо Квалюнкве» позиционировался как прибежище для всех несогласных с существовавшей антифашистской монополией на власть[473]. Среди них были не только фашисты, но также и представители других правых политических формирований – монархисты и христианские демократы. Политический проект Г. Джаннини, таким образом, обладал идеологической гибкостью и строился не на установленных на политической арене правилах, а на

---

[470] Parlato G., Ungari A. Op. cit. P. 18.
[471] Ibid. P. 19.
[472] Ibid. P. 15.
[473] Setta S. L’uomo qualunque (1944-1948). Bari, 1975. P. 121.

интуиции «простого человека» – собственно, «*uomo qualunque*», – который был единственным, в представлении лидера ФУК, обладателем «здравого смысла»[474].

Активное участие бывших фашистов в партии, в этой связи, носило инструментальный и ситуативный характер, нежели являлось их искренним желанием участвовать в поддержку Г. Джаннини.

По мнению автора исследования, легитимация фашистов в этот период протекала по двум направлениям: подпольному, который оказался бесперспективным в начале 1950-х гг., и легальному, который, в свою очередь, осуществлялся несколькими путями.

С одной стороны, фашисты стремились наращивать свою активность и объединять разрозненные группы вокруг таких журналов как «La Rivolta Ideale» и «Manifesto», с другой – через внедрение в политические партии, не обязательно правого толка. Так, известны случаи, когда бывшие фашисты внедрялись в ИКП и саботировали его работу[475].

С этой позиции, ФУК представлял собой наиболее удобную политическую площадку, которая не имела твердого идеологического основания и представляла, по выражению самого Г. Джаннини «зонт»[476] для фашистов, всё ещё находившихся вне закона[477].

Более того, его нападки на коммунистов, в сочетании с участием в работе правительства, удачно «маскировали» деятельность фашистов, позволяя им вести работу по созданию собственного движения.

Наибольшего успеха партия Г. Джаннини достигла на выборах в октябре 1946 г., обогнав в ряде регионов даже ХДП[478], однако дальше популярность ФУК пошла на спад.

---

[474] Tonietto A. La genesi del neofascismo in Italia. Dal periodo clandestino alle manifestazioni per Trieste italiana (1943-1953). Firenze, 2019. P. 82.
[475] Barbieri D. Agenda nera. Trent'anni di neofascismo in Italia. Roma, 1976. P. 7-10.
[476] Слово «зонт» не являлось отсылкой к возникшему позднее политологическому термину, а было метафорой Г. Джаннини.
[477] Setta S. Op. cit. P. 126.
[478] Tonietto N. Op. cit. P. 89.

Резкий упадок партии связан с тектоническими изменениями на политическом ландшафте страны. Политика сотрудничества с коммунистами, проводившаяся до этого А. Де Гаспери была остро воспринята рядом христианских демократов, которые вышли из партии, однако визит лидера ХДП в США и его всё более ужесточавшаяся риторика по отношению к левым в правительстве, способствовала возвращению части электората в ХДП.

Помимо этого, сильно ослабил партию массовый уход экс-фашистов в созданное в декабре 1946 г. «Итальянское социальное движение».

С началом кризиса «трёхпартийного» правительства необходимость в партии Г. Джаннини начала отпадать. С «майским поворотом» 1947 г. его партия стала испытывать всё более глубокий кризис. После раскола антифашистского союза партий, ФУК на короткий срок получил реальную возможность формировать коалиционное правительство с ХДП, однако не сумел выработать конструктивной программы и стал объектом всеобщих нападок, пытаясь сблизиться сразу со всеми партиями, представлявшими зачастую диаметрально противоположные взгляды (христианские демократы, социалисты и коммунисты, монархисты, неофашисты)[479].

Отсутствие у создателя партии квалюнквистов необходимых компетенций и чёткого идеологического фундамента привело к усилению авторитарных тенденций внутри партии. Г. Джаннини исключил из неё ряд своих соратников за внутрипартийные дискуссии[480].

К 1947 г. Конфиндустрия, занимавшаяся спонсированием ФУК, полностью прекратила финансирование, параллельно с этим распался журнал «Buonsenso», с которым сотрудничал Г. Джаннини.

Кроме того, неспособность вести диалог с внутренней оппозицией способствовала рассеиванию партии: ряд остававшихся до этого момента функционеров ушли в ХДП и заняли там высокие должности, например, М. Крещенцо[481], ставший министром и секретарем правительства.

---

[479] Ungari A. Tra radicalismo e inserimento nel sistema. Le destre italiane del secondo dopoguerra // Annali 1999. P. 269-270.
[480] Setta S. Op. cit. P. 233.
[481] М. Крещенцо (1910-1990) – итальянский политик и врач, правый христианский демократ.

Неофашисты группировались вокруг фигуры депутата монархических взглядов Э. Патрисси[482] и бывшего фашистского функционера Г. Переса[483], который ещё до возникновения «Итальянского социального движения» начал формировать внутри партии неофашистское лобби, одномоментно перешедшее в 1947 г. в ИСД[484]. Из 35 депутатов, избранных от «Фронта Уомо Квалюнкве», 21 покинули партию[485], присоединившись в большинстве своём либо к ХДП, либо к ИСД. В этой связи, примечательно письмо М. Марины[486], одного из депутатов, перешедшего в ИСД в 1947 г.

В 1948 г. в журнале «La Rivolta Ideale» вышло его письмо, обращённое к оставшимся членам ФУК[487]. М. Марина, несмотря на подчёркнуто уважительный тон по отношению к «друзьям из ФУК», подвергал критике установившийся внутрипартийный порядок.

Политик выстроил своё обращение к бывшим однопартийцам в определённой логике. Используя пример собственного перехода в ИСД, М. Марина, фактически, вёл агитацию, направленную на сомневавшихся членов ФУК, с целью их привлечения в партию. В первой части своего текста он констатировал кризис квалюнквистов, вызванный моральным разложением их лидеров, чем отделил рядовых членов ФУК от руководства. Далее он изложил основные программные компоненты ИСД и в завершении апеллировал к общему прошлому, которое указывало бы потенциальному читателю на сущностное единство неофашистов из ИСД и квалюнквистов, что являлось более легитимным фактором, нежели общность политической программатики.

---

[482] Э. Патрисси (1910-1980) – итальянский политик.
[483] Г. Р. Перес (1885-1971) – итальянский политик, один из первых фашистских функционеров на Сицилии в период становления режима Б. Муссолини.
[484] Ignazi P. Il polo escluso. P. 33-36.
[485] Murgia P. G. Il vento del Nord. Storia e cronaca del fascismo dopo la Resistenza (1945-1950). Milano, 1975. P. 253-254.
[486] М. Марина (1897-1964) – итальянский политик, член Учредительного собрания, сенатор Итальянской Республики.
[487] Apello ai qualunquisti dissidenti: Il M.S.I. vi additta la vera strada. BiFUS. F. Cassiano Mario. S. 2. Sotts. 1. F. 10. P. 20-21.

Победа на выборах в 1946 г. сменилась, по его словам, неясностью политического курса. Ссылаясь на недовольство, о котором ему якобы рассказали его бывшие коллеги-квалюнквисты, он писал: «Многие из вас <…> которые, как и я, горько страдают от нынешнего серьёзного распада ФУК, вызванного нехваткой людей и мелочностью личных интересов; возникает вопрос, не следует ли им, как несогласным с деспотическим и неубедительным руководством, создать автономную партию, чтобы не рассеивать то хорошее и живое, что дал стране квалюнквизм»[488].

Приведённый фрагмент демонстрирует недостатки Г. Джаннини, которые проявились в кризисный для партии момент: непредсказуемость политической линии, выражавшейся в попытках договориться с различными политическими силами и деспотичный характер управления лидера партии, пресекавшего любые внутренние дискуссии и не воспринимавшего критику от однопартийцев.

М. Марина не умалял достижений квалюнквистов, однако полагал, что партия зашла в тупик: «Очевидно, что мы не можем присоединиться ни к марксистам, из-за их противоречащих нам идей и неприемлемых методов, ни к Христианским демократам, которые так и не выбрались и не могут выбраться из системы политических компромиссов»[489].

Единственным выходом из сложившейся ситуации М. Марина видел в присоединении к ИСД, которая, по его мнению, являлась единственной партией, представлявшей широкую палитру общественных мнений.

Присоединение ФУК к левоориентированному Национальному блоку, созданному в 1948 г. окончательно подорвало доверие членов партии к Г. Джаннини. В своём послании М. Марина фактически призывал оставшихся квалюнквистов выйти из партии и перейти в ИСД: «Мы должны обратить свой взор на здоровые социальные и национальные силы, даже не думая о нашем вкладе в этот Национальный блок, задуманный сегодня Нитти, Джаннини и Лучифере, потому что

[488] Ibid. P. 20.
[489] Ibid.

даже если он получил одобрение компетентных органов входящих в него партий, ему, безусловно, суждено распасться, как только его функции будут исчерпаны»[490].

В противовес провальной линии ФУК и других партий в правительстве, М. Марина перечислял черты ИСД, качественно отличающие её от конкурентов: «Но что должно быть для нас важнее всего и подталкивать нас к ИСД – это общность намерений и программ, которые позволят нам продолжать путь, который мы собираемся пройти вместе в будущем, потому что фундаментальные идеи о социальных программах, свободе, семье, Отечестве, Религии и способе создания и реализации широкого благосостояния для рабочих классов почти идентичны»[491]. Это не совсем соответствовал действительности, т.к. программы ФУК и представления о политическом в ИСД, тем более, его левоориентированной части, к которой принадлежала и редакция газеты «La Rivolta Ideale», значительно отличались[492]. Тем не менее, привлекательность молодой партии для несогласных членов ФУК подкреплялась не столько партийными программами, сколько составом партии, который должен был, по мнению автора обращения, способствовать приходу новых миссинцев. «Наш вклад в ИСД, помимо того, что он самый плодотворный, также даст нам возможность опровергнуть хорошо известную нам привычную политическую клевету, якобы наши друзья из ИСД просто ностальгируют; мы знаем, что они, как и мы, хорошие итальянцы, доблестные Воины, проводники гуманистической и социальной идеи, соответствующей современности, которая не позволяет личному эгоизму игнорировать нужды и боль других», – писал М. Марино[493].

Фактически, текст М. Марины являлся одним из инструментов новообразованной партии собрать вокруг себя всех профашистски ориентированных избирателей из других партий[494], которые до этого, не имея

---

[490] Ibid.
[491] Ibid. P. 21.
[492] Parlato G., Ungari A. Op. cit. P. 32.
[493] Apello ai qualunquisti dissidenti: Il M.S.I. vi additta la vera strada. BiFUS. F. Cassiano Mario. S. 2. Sotts. 1. F. 10. P. 21.
[494] Филатов Г. С. История фашизма в Западной Европе. С. 509.

возможности прямо выражать свою позицию, были вынуждены состоять в чуждых по духу политических сообществах.

Партия Г. Джаннини просуществовала с 1945 по 1949 гг., однако пик её активности пришёлся на 1946 г. Это было обусловлено тем, что лидер квалюнквистов сумел выразить на высшем политическом уровне недовольство значительной части населения сложившейся ситуацией, а также объединить вокруг себя представителей гонимых слоев общества. Вместе с тем, инструменталистский подход Г. Джаннини к политике, отрицание идеологии как фундаментального компонента в формировании любого политического сообщества и попытка наложения поверхностно понятых либеральных принципов на политический профиль ФУК привели к тому, что партию использовали в своих целях различные представители итальянского общества: монархисты и неофашисты прикрывались этой партией, параллельно осуществляя собственную деятельность, христианские демократы использовали её в качестве временной организации, пока курс ХДП не стал антикоммунистическим, а представители крупной промышленности и финансового капитала поддерживали «Фронт Уомо Квалюнкве» до тех пор, пока не нашлось более перспективной альтернативы.

Всё это не позволяет говорить о партии Г. Джаннини как о неофашистской, однако именно она стала одним из вспомогательных факторов, повлиявших на создание «Итальянского социального движения» и легитимации неофашистских политиков сразу после войны.

2.3. Формирование «Итальянского социального движения»

Создание «Итальянского социального движения» стало итогом организационной эволюции праворадикальных сил. В процессе его формирования прослеживались две тенденции, благодаря которым создание партии стало возможным.

С одной стороны, крайне инициативным было движение «снизу»: бывшие фашисты желали включиться в политическую борьбу и стать легальной силой в рамках Итальянской республики. С другой, представители власти, стремившиеся «примирить нацию» и снизить уровень общественного напряжения.

Коммунисты пытались обратить себе на пользу обе эти тенденции. На официальном уровне они были склонны инструментализировать страх от новой фашистской угрозы, а по закрытым каналам стремились либо привлечь лево-ориентированных фашистов в свои ряды, либо создать с неофашистами коалицию, направленную против ХДП, что в перспективе могло расколоть потенциальный антикоммунистический фронт[495].

Следуя этой линии, П. Тольятти 22 июня 1946 г. объявил амнистию, в результате которой были освобождены несколько десятков тысяч заключенных. Часть вышедших на волю фашистов стала вливаться в ИКП и другие левые партии, но не с целью пополнить ряды левых партий, а с тем, чтобы вести внутри них подрывную деятельность[496].

Бо̀льшая часть экс-фашистов снова стала формировать группы и ячейки с целью возобновления политической активности и вовлечения бывших деятелей «фашизма-режима» в политические процессы[497].

Несмотря на риторику единства, главенствовавшую в публичном пространстве в это время с целью создать атмосферу стабильности, представители

---

[495] Parlato G., Ungari A. Op. cit. P. 80-81.
[496] Barbieri D. Agenda nera. Trent'anni di neofascismo in Italia. Roma, 1976. P. 7-10.
[497] Ignazi P. Il polo escluso. P. 25.

власти и Ватикана предпринимали попытки сдержать рост радикальных движений, опасаясь увеличения их влияния и усиления общественных противоречий. Параллельно с этим наблюдалась попытка использовать эти силы в собственных интересах.

Одними из главных инициаторов создания партии экс-фашистов «сверху» был Ватикан, а также некоторые из функционеров ХДП и Национальной монархической партии[498]. Смена их курса была связана с ростом влияния левых, что могло бы обернуться для «буржуазных» сил поражением на первых в истории Республики выборах, намеченных на 1948 г., и значительной утратой их влияния.

Об обеспокоенности успехами левых в этот период свидетельствует предупреждение Ватикана, которое получил А. Де Гаспери. Церковь не поддерживала курс на сближение с коммунистами, который вынужденно проводил лидер христианских демократов.

Так, по свидетельству дочери политика М. Р. Де Гаспери, в 1946 г. её отец встречался с высокопоставленным католическим иерархом и пересказал ей его слова: «Любое сотрудничество с антиклерикальными партиями больше не допускается. Если ХДП продолжит такое сотрудничество, она будет рассматриваться как антиклерикальная партия. ХДП больше не будет пользоваться ни нашей поддержкой, ни нашей симпатией»[499]. Хотя соратник А. Де Гаспери Дж. Андреотти и сомневался в том, что эти слова могли серьёзно повлиять на политика, подобное свидетельство само по себе говорит об озабоченности Ватикана проблемой роста влияния левых сил, а время встречи – ноябрь 1946 г. – совпадало с периодом активизации фашистских лидеров.

С запретом Национальной фашистской партии (НФП) и её воссоздания, закреплённом в принятой в 1947 г. Конституции, бывшие фашисты не имели возможности создать собственную политическую организацию. По этой причине фашисты и сочувствующие им стали организовывать разнообразные союзы и

---

[498] Национальная Монархическая партия (от итал. Partito Nazionale Monarchico) – политическая партия, созданная сторонниками монархии в 1946 г. и отстаивавшая идею формирования альянса правых сил против левых.

[499] Andreotti G. Intervista su De Gasperi. P. 70-71.

ассоциации. Это было единственной возможностью легально объединить перечисленные группы без открытого взаимодействия с антифашистскими партиями.

Накануне появления ИСД, в Италии существовало большое количество разобщенных мелких партий и групп, не имевших какого-либо влияния[500]. В 1946 г. эти группы, «с целью объединения сил, для лучшего вклада в реализацию социальной системы и для морального и материального восстановления Италии; для отстаивания политических, моральных и религиозных ценностей итальянского народа, находящихся как под внутренней, так и под внешней угрозой» реорганизовались в единое движение, получившее название «Социальное Движение Национального Единства» (“Movimento Sociale di Unità Nazionale”)[501], всё еще не имевшего политической силы, но вобравшего в себя наиболее организованные силы проигравших в гражданской войне.

Политическая ситуация в стране оставалась крайне напряженной: борьба между ХДП и ИКП в преддверии выборов и отток избирателей к коммунистам, а также резко возросшее число терактов и нападений, совершаемых молодыми неофашистами и экс-партизанами[502], вынудило правительство искать иные пути к умиротворению нации.

12 ноября 1946 г. в Риме было официально зарегистрировано новое политико-социальное объединение – «Движение общественного единства» (ДОЕ) (“Movimento Unità Sociale”)[503]. Среди лидеров движения были Дж. Альмиранте и М. Кассиано[504].

---

[500] Partito Nazionale Italiano; Fronte di Rivolta Ideale; Gruppi Nazionalisti Lombardi; Reduci Independenti; Fronte Nazionale; Movimento Italiano Unità Sociale и т.д.

[501] BiFUS. Fondo MSI. S. 2. F. 49. P. 39.

[502] Представители партизанских отрядов зачастую превышали собственные полномочия, нарушая судебные процедуры и организовывая расстрелы и расправы в последние дни войны и сразу после неё. Наиболее скандальным было т.н. «Убийство в Скио» 6-7 июля 1945 г., в ходе которого из окна госпиталя в указанной коммуне были выброшены раненные бойцы ИСР и гражданские лица. Стоит также упомянуть расстрел военнопленных при Вальдоббьябене 3-5 мая 1945 г. и акты мести в Арджелато в мае 1945 г.

[503] BiFUS. Fondo MSI. S. 2. F. 49. P. 46-48.

[504] Movimento sociale italiano-Destra nazionale (1972-1995). URL: http://www.archivionline.senato.it/scripts/GeaCGI.exe?REQSRV=REQPROFILE&ID=628185 (дата обращения: 07.02.2024).

Данное движение стало приемником «Социального Движения Национального единства». Зарегистрировав его, партийные деятели приступили к интенсивной работе по окончательному оформлению единой партийной организации. 18 декабря 1946 г. одна из последних крупных партий, не состоявшая в «Движении» – «Партия объединения» (“Partito Fusionista”), согласилась присоединиться к ДОЕ[505], что способствовало объединению большего числа сторонников в единую структуру.

23-24 декабря того же года партия сформулировала свой первый статут, состоявший из 11 глав[506]. Центральной его темой была проблема разработки теоретических оснований нового движения, исследования общества и просветительской деятельности, осуществляемой официальным журналом ДОЕ – «Социальные завоевания» (“Le Conquiste sociali”).

В статьях статута говорилось о необходимости разработки нового подхода в изучении социальных проблем, через «преодоление классовой борьбы»[507]. Заявлялось также о развёртывании широкой публикационной активности в области социально-политической мысли, необходимой для «привлечения интереса среди широких слоев населения»[508].

Смещение фокуса с политической на общественную деятельность могло быть вызвано тем, что большое число лиц, задействованных в управлении ДОЕ, являлись либо журналистами и писали статьи в профашистские журналы, либо были владельцами подобных изданий. Кроме того, среди членов «Движения Общественного Единства» до последнего момента не было полной уверенности в том, что у них получится договориться с властями и получить разрешение на ведение политической деятельности. Наконец, все его представители ощущали необходимость в глубоком идеолого-теоретическом переосмыслении фашистского наследия, даже сохраняя верность утратившим актуальность ценностям Республики Салò.

---

[505] BiFUS. Fondo MSI. S. 2. F. 49. P. 58-59.
[506] Ibid. P. 48-53.
[507] Ibid. P. 50.
[508] Ibid. P. 51.

Само существование единой партии обосновывалось также необходимостью объединить «уже существующие группы», состоявшие из «итальянской молодёжи, бойцов, гражданских лиц, бывших узников и всех итальянцев, верящих в возрождение Отечества и духовные ценности»[509].

Таким образом, низовая инициатива была отмечена в этот период процессами интенсивной реорганизации сил побеждённых.

Параллельно с перечисленными выше процессами, в ноябре-декабре 1946 г., между итальянскими властями и Ватиканом велись переговоры по поводу возможности формирования новой партии, которая могла бы составить опору для ХДП в грядущей борьбе с левыми. В них были также задействованы и представители будущего «Итальянского Социального Движения» – Дж. Тонелли, А. Микелини и П. Ромуальди.

Со стороны государства переговоры вели бывшие функционеры фашистского режима, сумевшие избежать послевоенного преследования. Так, от МВД Италии переговоры вел бывший генерал карабиньеров Дж. Пьéке[510], при посредничестве дирекции итальянской специальной службы, а также генералы Г. Гамбара[511] и А. П. Бироли[512], принимавшие активное участие в жизни фашистского режима до 1943 г.[513]

Ватикан представляли отец Дж-Баттиста Янсенс, генерал Общества Иисуса и отец Ленер[514].

Переговоры представляли серию двусторонних встреч, с целью найти общие точки соприкосновения как с итальянским правительством, так и с Ватиканом. Несмотря на их общую позицию по поводу сложности сложившейся политической

---

[509] Ibid. P. 60.

[510] Дж. Пьеке (1886-1977) – глава королевских карабинеров во время Второй мировой войны. В послевоенное время был активным антикоммунистическим деятелем, организовавшим цепь подпольных групп.

[511] Г. Гамбара (1890-1962) – итальянский генерал, во время войны служил в Северной Африке и Югославии.

[512] А. П. Бироли (1877-1962) – итальянский генерал и фехтовальщик. Один из организаторов репрессий против партизан в Югославии.

[513] Conti D. Fascisti contro la democrazia. Almirante e Rauti alle radici della destra italiana (1946-1976). Torino, 2023. P. 26-27.

[514] Об этих представителях Церкви не удалось найти дополнительную информацию.

ситуации, итальянское руководство и Святой Престол по-разному оценивали угрозу захвата власти коммунистами: вероятно, Церковь воспринимала возможность прихода к власти коммунистов как экзистенциальную угрозу не только Ватикану, но и всему католическому миру, что, в представлении католических иерархов, было намного важнее и масштабнее судьбы одной страны.

Ватикан, не изменяя своим дипломатическим традициям, стремился маневрировать и прибегать к тактике «мягкой силы», руководствуясь соображениями, сформулированными лидером «Католического действия»[515] Л. Джеддой: «<…> когда мы окажемся у власти, те, кто сегодня нам помогают, станут нам служить»[516].

Напомним, что главные политические задачи Ватикана и христианских демократов сводились к следующему: остановить уход электората в левый лагерь, сохдать контролируемую правую оппозицию, спонсируемую Ватиканом[517], «примирить нацию», снизив количество терактов и преступлений. Осуществить указанные цели было возможно через создание партии, которая могла бы стать легальным репрезентативным органом побеждённых.

Различные мелкие партии и ассоциации не были способны, хотя бы формально, составить реальный полюс силы, поэтому формирование «Итальянского социального движения» можно расценивать как результат совместных усилий неофашистов и правительственных сил, в котором большой вклад внёс Ватикан[518], продолжавший придерживаться в то время антилиберальной позиции.

Тесные связи неофашистов с Ватиканом подтверждались и рядом свидетельств. Так, в 1947 г. террористами “Volante rossa”[519] был убит

---

[515] «Католическое действие» (от итал. “Azione cattolica”) – светское католическое движение, выступавшее за утверждение принципов католического учения в личной и публичной сферах жизни. Хронологически является первом из аналогичных движений, появившихся в остальных странах Европы.

[516] Tondi A. Vaticano e neofascismo. P. 30.

[517] Murgia P. G. Il vento del Nord. Storia e cronaca del fascismo dopo la Resistenza (1945-1950). Milano, 1975. P. 296-297.

[518] Conti D. Op cit. P. 14.

[519] «Воланте Росса» (от итал. “Volante Rossa”) – антифашистская военизированная организация, действовавшая с мая 1945 по февраль 1949 гг. Известна расправами над лицами, связанными с фашистским режимом.

Ф. Де Агацио – основатель и директор аффилированной с ИСД газеты «Meridiano d'Italia». В его личных вещах было обнаружено письмо, согласно которому руководство ИСД просило Ф. Де Агацио наладить контакт с кардиналом М. Фоссати[520], организовывавшим в это время подпольные антикоммунистические отряды.

В письме говорилось: «Дорогой де Агацио, от имени Движения я прошу тебя о срочной и очень важной миссии. Мы получили достоверное известие о том, что кардинал Фоссати из Турина созвал несколько человек с целью добиться создания в Пьемонте групп антикоммунистического сопротивления. Тебе нужно разобраться и понять, что это может означать. Поэтому мы возлагаем на тебя миссию отправиться в Турин <...>, чтобы во что бы то ни стало быть принятым Фоссати и предложить ему возможность сотрудничества с ИСД»[521].

В результате взаимодействия властей с представителями побеждённых фашистов была сформирована легальная партия. Первым официальным документом ИСД стало «Обращение к итальянцам», содержавшее в себе «10 программных ориентиров», тезисно излагавших основную политическую линию новой партии[522].

В ст. 1 объявлялось о территориальной целостности и независимости государства, а также незыблемости прав на земли, необходимые для удовлетворения экономических потребностей страны.

Этот пункт предварял автономистский курс ИСД, направленный в первое время на отстаивание национального суверенитета в условиях намечавшегося противостояния между блоками. В этих условиях, партийная верхушка делала ставку на Европу как отдельное политико-экономическое сообщество, о чём свидетельствовала ст. 2: «Внешняя политика, основанная исключительно на конкретных и непосредственных интересах нации; призыв к созданию Европейского союза на равных и справедливых началах».

---

[520] М. Фоссати (1876-1965) – итальянский кардинал. Один из организаторов антикоммунистической реакции.
[521] Murgia P. G. Ritorneremo! Milano, 1976. P. 54.
[522] BiFUS. Fondo MSI. S. 2. F. 49. P. 86.

Ст. 4 была посвящена вопросу правосудия. Неофашисты отказывались принимать «чрезвычайные законы» (“leggi eccezionali”), в качестве справедливой меры. Чтобы установить действительно беспристрастную систему правосудия, миссинцы требовали отделить судебную власть от политической. Это привело бы к остановке созданной силами Сопротивления судебной системы в лице «комиссий по чисткам».

Ст. 6, устанавливавшая Католическую религию в качестве государственной также развивала политическую логику времён ИСР, а в ст. 5 говорилось об установлении свободы ассоциаций, слова и печати в «пределах, установленных нравственными обычаями».

Помимо этого, ряд статей документа был направлен на решение актуальных проблем. Так, ст. 3, 4 и 5 устанавливали необходимость восстановления авторитета государства и «реализации участия народа в выборе лидеров и принятии важнейших решений в жизни страны путём проведения референдумов, в первую очередь, по Конституции и “мирному договору”»[523], что, фактически, означало внедрение в политическую культуру принципов «прямой демократии».

Миссинцы отводили большую роль государству в процессах организации общества и экономики. В этом прослеживается преемственность курса, осуществлявшегося в Итальянской Социальной Республике. Большая часть «Пунктов» представляла, по сути, изводы статей Конституции ИСР и принципов политики социализации, проводившейся в Социальной Республике[524] (Приложение 4).

Так, ст. 7 и 8, проясняющие отношение ИСД к труду и частной собственности, были интерпретацией пунктов «Веронского манифеста»[525], в котором основой общественных отношений являлись трудовые связи, результатом которых было

---

[523] Ibid. P. 86.

[524] О вопросах социализации в Итальянской Социальной Республике см.: Tarchi A. Parole sulla socializzazione. Milano, 1944; Marchiaro C. Problemi della socializzazione. Venezia, 1944.; AA.VV. La socializzazione. Rassegna della stampa italiana dai Punti di Verona all’entrata in vigore della legge. Brescia, 1944. (Перечисленные материалы доступны: BiFUS. Fondo Cassiano Mario. S. 1. F. 4. P.127-279.)

[525] Веронский манифест (от итал. “Manifesto di Verona”) – обращение, составленное в 1943 г. в Итальянской Социальной Республике и содержавшее основные принципы и положения созданной «Итальянской Республиканской партии». Фактически, программный документ ИСР.

право гражданина на получение бесплатного образования в соответствии со способностями и наличие частной собственности, с правом её отчуждения.

Ст. 9 и 10 относились к развитию общественно-политического проекта времен ИСР. Ст. 9 устанавливала для каждого гражданина «кто открывает в себе способности – получить доступ к любому виду обучения за государственный счет»[526], а ст. 10 была посвящена решению постоянной проблемы в лице неравномерного экономического развития страны, где южные регионы традиционно отставали от северных.

Таким образом, самая ранняя политическая повестка ИСД может быть сведена к следующим пунктам:

1) во внешней политике – оспаривание решений мирного договора и решение проблемы Триеста[527], как части национальной политики[528];

2) борьба за отмену «чрезвычайных законов» и политики «чисток»;

3) продвижение экономического проекта времён ИСР, левого по своей сути.

26 декабря 1946 г. на страницах журналов «Fronte dell'Italiano» и «La Rivolta Ideale» было объявлено о создании новой партии – «Итальянского Социального Движения», призванного собрать «всех людей, верных стране»[529].

Судя по документам, экс-фашисты до конца не были уверены в успехе. На редактировавшихся вариантах «Обращения к итальянцам», с изложением программных ориентиров новообразованной партии, даже не было её точного названия – MIS ("Movimento Italiano Sociale") или MSI ("Movimento Sociale Italiano") (Приложение 3).

---

[526] BiFUS. Fondo MSI. S. 2. F. 49. P. 86.

[527] Один из наиболее сложных территориальных споров в послевоенной Европе, возникший из-за взаимных претензий Италии и Югославии по отношению к статусу портового города Триест. Из-за преобладания итальянского населения, Италия считала себя в праве иметь контроль над этими территориями. С другой стороны, город был окружён территориями, на которых превалировало славянское население Югославии, для которой Триест играл роль главного выхода к морю. По результатам Лондонского меморандума (1954 г.) территория делилась на две зоны – «А» и «В», где первая (с городом Триест) переходила под гражданское управление Италии, а вторая контролировалась Югославией.

[528] Parlato G., Ungari A. Op. cit. P. 74.

[529] Murgia P. G. Il vento del Nord. Storia e cronaca del fascismo dopo la Resistenza (1945-1950). Milano, 1975. P. 296-297.

Недостаточная уверенность в успехе была обусловлена и тем, что все члены ИСД, хотя и идентифицировали себя как «фашисты», не могли прийти к консенсусу. Их понимание и интерпретация фашизма, цели и методы борьбы зачастую полностью различались. Впоследствии это привело к тому, что «Движение» представляло собой не монолитную политическую организацию, а партию с массой разнородных околофашистских фракций внутри[530].

П. Раути, один из представителей радикального крыла, вспоминал, что в партии «было много душ, много альтернатив: было “жёсткое” крыло, крыло, проповедовавшее подпольную борьбу, крыло, которое было заинтересовано только в человеческой помощи десяткам тысяч заключенных, очищенных, преследуемых <…>. И мы заботились о <...> социальном обеспечении, потому что это был способ наладить человеческие отношения с большим количеством окружающих нас людей <...> Многие были ещё беглецами, находились в розыске и поэтому переезжали из одного города в другой. Мы пытались помочь им различными способами <...> Существовали различные группы: Фронт итальянцев, газета «Ратаплан», «Ассо ди бастони», «Иль Национале» Эцио Мария Грея. Начинался политический расцвет, и вскоре после этого, скажем, в 1947 году, мы начали сотрудничать с зарождающейся ИСД»[531].

Гетерогенность ИСД не рассматривалась как недостаток. Более того, *движение* как форма политической организации считалось более гибким по сравнению с существовавшими в то время партиями, что позволяло сохранять плюрализм мнений внутри[532].

***

Таким образом, структурная нестабильность «трёхпартийного правительства», внутренние противоречия которого обусловили трансформацию политического пространства, стала непосредственным фактором, способствовавшим успешной реорганизации бывших фашистов в послевоенный

---

[530] Ibid. P. 26-28.
[531] Цит. по Conti D. Op. cit. P. 25.
[532] Parlato G., Ungari. A. Op. cit. P. 74.

период. Сложившаяся политическая ситуация открыла «окно возможностей» для их постепенной легитимации, происходившей одновременно по нескольким направлениям и при участии одних и тех же акторов.

Первым этапом этого процесса стало формирование П. Ромуальди организации «Фаши революционного действия», основной задачей которой являлось продолжение подпольной борьбы против англо-американских союзников и сил Сопротивления после поражения Итальянской социальной республики. Несмотря на то что ФАР существовали с 1946 по 1951 гг. и не оказали значительного влияния на становление неофашистского движения, их деятельность сыграла важную роль в консолидации бывших фашистов и в выработке идеологических установок, оказавших заметное воздействие на политическую и культурную динамику 1960-1970-х гг.

Параллельно с подпольными инициативами происходили попытки возвращения бывших фашистов в легальное политическое поле. Одним из первых каналов для такой интеграции стала партия Г. Джаннини «Фронте Уомо Квалюнкве» – популистское движение, объединявшее широкий спектр недовольных послевоенным политическим устройством. ФУК выполнял функцию своеобразного «зонта» для профашистски настроенных активистов, предоставляя им возможность участия в политическом процессе. Идеологические расхождения между руководством партии и бывшими фашистами не представляли существенного препятствия до появления ИСД, которое стало центром притяжения для наиболее активных членов ФУК.

В конечном итоге давление на политическое пространство и рост конкуренции между партиями способствовал институционализации экс-фашистов в форме легальной политической силы – «Итальянского социального движения». Формирование ИСД имело двойственную природу: с одной стороны, партия возникла благодаря инициативе низового уровня, участники которой стремились сохранить политическую субъектность праворадикального движения; инициатива верхнего уровня отражала интересы правительства и Ватикана, обеспокоенных

усилением левых сил и заинтересованных в создании правоконсервативного полюса для потенциальной коалиции под эгидой Христианско-демократической партии.

Глава 3. Идеологические и политические трансформации «Итальянского социального движения»

Формирование единой неофашистской партии представляло из себя сложный процесс взаимодействия сторонников различных подходов к организации дальнейшей политики ИСД.

Различные группы, обладавшие зачастую противоречащими друг другу позициями, разными идейно-философскими взглядами и избиравшие противоположные методы политической борьбы предопределили будущее ИСД, которое характеризовалось чередой крупных расколов и воссоединений. Историк Дж. Парлато полагал, что разнородность внутри ИСД способствовала сбалансированному развитию «Движения»[533]. Однако стоит отметить, что эта гетерогенность зачастую лишь препятствовала достижению политического успеха, а в разных социальных слоях, так или иначе находившихся в орбите ИСД, превалировали разные версии (нео)фашизма[534].

Партия, таким образом, на протяжении своей истории сохраняла черты именно *движения*, понимаемого как демократическая площадка для представителей различных праворадикальных взглядов. Несмотря на это, значительные идейно-политические трансформации всё же происходили. Можно говорить об изменении характера партии от именно «*неофашистской*», «республиканской», «левой», до, по выражению Э. А. Замова, «социал-либеральной партии»[535], сохранившей свою преемственность от фашизма на уровне символики и в развитии некоторых социальных принципов «республиканского фашизма»[536].

---

[533] Парлато Дж. Ук. соч. С. 129.

[534] Ряд исследователей используют термин «неофашизмы» при описании этого феномена, поскольку, несмотря на общую генеалогию, зачастую они сущностно различались, что не позволяет их классифицировать как единую идеологическую систему. (См.: Cavaterra A. La cultura del neofascismo // Annali XXX. P. 185-192).

[535] Замов Э. А. Джорджо Альмиранте: фашист после фашизма // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2016. № 18. С. 211.

[536] Республиканский фашизм – идеологическая система, получившая развитие в 1943-1945 гг. в

Какие именно трансформации переживала партия в 1950-начале 1970-х гг. будет рассмотрено далее.

Итальянской Социальной Республике. Характеризовалась заметным уклоном «влево», являясь результатом идейно-философской рефлексии и возврата к принципам раннего, «революционного» фашизма.

3.1. Два пути развития неофашизма

Как уже было сказано, «Итальянское социальное движение» с самого начала состояло из несколько крупных сил, которые, несмотря на общие истоки, сильно различались как в интерпретации недавнего прошлого, так и в формировании политического курса молодой партии. Это было обусловлено рядом факторов. Несмотря на общее поражение фашизма, разные члены ИСД встретили кризис в разных частях страны и при разных обстоятельствах. Так, А. Де Марсаних и А. Микелини находились на юге Италии и после оккупации территорий союзными войсками не оказывали сопротивления[537]. Невовлечённость в события на севере страны, а также положение, занимаемое ими в годы фашистского режима, предопределили их политическую направленность – более умеренную и консервативную, нежели у других лидеров ИСД.

В то же время П. Ромуальди, П. Раути и Дж. Альмиранте приняли участие в гражданской войне на стороне Итальянской Социальной Республики, во многом разделяя методы герильи и поддерживая трансформацию фашизма в сторону левого республиканизма. Этот опыт сильно повлиял на их представления о месте ИСД в послевоенной политике Италии. Они стали проводниками различных вариантов фашизма[538], которых объединяла непримиримая позиция по отношению к союзникам и Сопротивлению.

Таким образом, если первые занимали авторитетные позиции при «фашизме-режиме»[539] и не участвовали в подпольной деятельности в 1943-1945 гг., то вторые

---

[537] Parlato G., Ungari A. Op. cit. P. 74

[538] П. Ромуальди отстаивал радикальный подход к политической борьбе. Не случайно именно он был одним из главных организаторов ФАР, однако увидев бесперспективность такого формата, он не стал развивать его. П. Раути был сторонником традиционалистских идей Ю. Эволы, далёких от классического фашизма, но сохранивших радикальный дух «фашизма-движения». Наконец, Дж. Альмиранте выступал за развитие идей т.н. «левого фашизма», проповедовавшего идею обобществления средств производства и прямую интеграцию производительных сил – людей – в политическое тело страны.

[539] А. Де Марсаних закончил карьеру при фашизме в качестве председателя правления Римского банка и концерна Альфа-Ромео, до этого занимал крупны посты, был делегатом от Италии в Лиге

реактуализировали «фашизм-движение»[540], активно участвовали в гражданской войне, были осуждены судом КНО и скрывались от преследований, создавая конспиративные сети на территории страны[541].

Кроме того, в партии было и третье направление, которое не принимало непосредственного участия в выработке решений, но обладало авторитетом среди молодёжи, её возглавляли П. Раути и Э. Эрра. Проникнувшись идеями мыслителя-традиционалиста Ю. Эволы, они стремились выйти за рамки устоявшихся дихотомий (социализм-капитализм, левые-правые, США-СССР)[542], однако политического влияния в этот период они не имели и сливались с группой «левых фашистов», поскольку и те, и другие проповедовали революционные методы перестройки общества, т.е. имели схожий инструментарий.

Хотя партия была создана П. Ромуальди, её первым секретарём стал Дж. Альмиранте. Некоторые исследователи видят в этом попытку скрыть от электората фашистское прошлое её членов. Так, исследователь Д. Конти полагал, что это произошло из-за очевидной связи П. Ромуальди и других сооснователей партии с фашизмом, поэтому на место секретаря был поставлен якобы менее известный Дж. Альмиранте[543]. В действительности, эта позиция выглядит не вполне убедительной, поскольку все организаторы ИСД, за исключением А. Де Марсаниха, являлись второстепенными фигурами при фашистском режиме[544], в том числе и Дж. Альмиранте, занимавший пост заместителя министра народной культуры Ф. Медзасомы. Кроме того, регистрация новой партии была бы невозможна без участия

Наций; А. Микелини был федеральным секретарём римского отделения Национальной фашистской партии.

[540] «Фашизм-движение» и «фашизм-режим» – две стадии развития итальянского фашизма, сформулированные Р. Де Феличе, крупнейшим представителем «историцистского подхода» в изучении этого феномена.

[541] П. Ромуальди был взят в плен партизанами в Донго в 1945 г. и приговорён к смертной казни, но сумел скрыться. В подполье создал организацию ФАР. Был арестован в 1948 г. и отпущен в 1951 г.; П. Раути был взят в плен в 1944 г., сумел бежать в Испанское Марокко, где вступил в Испанский иностранный легион. Вернулся в Италию в 1948 г.; Дж. Альмиранте служил в ИСР заместителем министра Народной культуры Ф. Медзасомы, взятого в плен и казнённого вместе с Б. Муссолини. Сразу после войны скрывался от преследований под поддельными документами, сделанными спасённым им евреем. Выдавал себя за продавца электромопедов.

[542] Ignazi P. Il polo escluso. P. 42.

[543] Conti D. Op. cit. P. 23.

[544] Ianona M. Il ballo di S. Stefano. La nascita del Movimento Sociale Italiano. Catania, 2020. P. 71-81.

её создателей, о которых должно быть известно. Поэтому рассматривать Дж. Альмиранте в качестве прикрытия нельзя, т.к. создание ИСД стало не столько «обманом», сколько результатом политического компромисса разных сторон, в том числе и со стороны коммунистов (хотя П. Тольятти и заявлял о том, что в стране больше не будет места партиям вне КНО[545]), объявивших амнистию в обмен на гарантии нейтралитета проигравших в вопросах референдума о выборе будущей форме правления[546].

На 1946-1948 гг. приходится время левых экспериментов в партии. До выборов 1948 г. ИСД никак не участвовала в политической жизни, за исключением местных выборов в Риме, ознаменовавших её оформление как политической силы. Историк Д. Конти полагал, что эти выборы свидетельствовали о неудаче ИСД, т.к. в городской совет прошло лишь 3 члена от партии[547], однако по мнению А. Стреччони «именно эти 3 голоса стали решающими в победе ХДП, что обеспечило “Движению” “заметность”»[548], что кажется более обоснованным. Тем не менее, неоднозначность результатов, фактически придавших ИСД роль вспомогательного инструмента ХДП «справа», вновь провоцировало внутренние дискуссии касательно будущего формата ИСД.

По мнению историка М. Тарки, в сложившихся условиях полного доминирования антифашистских партий в публичном и политическом пространстве, лишало всяких перспектив сторонников «третьей силы» (“il terzafortismo”) – антикапиталистической и антикоммунистической по своей сути[549]. Сложившаяся ситуация требовала внутренней идеологической перестройки ИСД.

Тем не менее, позиции сторонников «третьей силы» были сильны. Так, само «Обращение к итальянцам», содержавшее «10 программных ориентиров», представляло синтез идей республиканского фашизма и консервативных идей эпохи

---

[545] Tarchi M. Esuli in patria. P. 32.
[546] Ignazi P. Il polo escluso. P. 52.
[547] Conti D. Op. cit. P. 34.
[548] Streccioni A. A destra della destra. Roma, 2006. P. 29.
[549] Tarchi M. Esuli in patria. P. 43.

«фашизма-режима». Сторонники крыла Дж. Альмиранте определяли свою позицию как «национальный социализм» (“il socialismo nazionale”), а сам политик позднее обозначил свои взгляды как «умеренный экстремизм»[550], что не позволяет говорить о нём и его сторонниках как о «правых» или консерваторах. На II Конгрессе ИСД в 1949 г. Дж. Пини, один из сторонников республиканских[551] идей, так высказался по этому поводу: «Те, кто остался верен себе в Социальной Республике, не является представителями правого крыла. Мы республиканцы, и у нас есть свое представление о нации, которое относит нас к левым. Те, кто представляет себе Социальное движение исключительно в антикоммунистической, консервативной и реакционной функции, находятся не у себя дома»[552].

Действительно, на первых этапах своего существования, ИСД имела сильный левый уклон. В 1946-1947 гг. левые фашисты пытались найти союзников, чтобы выйти из политической изоляции. По мнению Дж. Парлато и А. Унгари, в этот период коммунисты предприняли попытки наладить отношения с молодёжным сектором ИСД, чтобы, с одной стороны, объединить все левые силы под своей эгидой и, вместе с тем, не допустить сближения неофашистов с потенциальными противниками ИКП[553], прежде всего, христианскими демократами. Это утверждение может показаться нереалистичным, однако есть основания полагать, что в коммунистической среде не все были удовлетворены политическим курсом П. Тольятти и его ориентацией на сталинскую модель. Кроме того, история периода гражданской войны 1943-1945 гг. свидетельствует о том, что грань между фашистами Республики Салò и «революционными» коммунистами могла быть тонкой.

Дело в том, что во вновь образованную фашистскую партию, получившую название республиканской, вошли не представители «фашизма-режима», а

---

[550] Faccia a faccia da 29. 04. 1987. URL: https://youtu.be/lkY8jty2vwU?si=2hfbJSyPVzVuTq2Y (дата обращения: 27.06. 2025).

[551] В Италии того времени было два обозначение республиканцев: repubblicani и repubblichini. В первом случае речь шла об антифашистских сторонниках республиканского строя. Второе слово – дословно «республиканчики» – в уничижительной манере обозначало сторонников Итальянской Социальной Республики.

[552] Цит. по: Ignazi P. Il polo escluso. P. 54.

[553] Parlato G. Ungari A. Op. cit. P. 80.

маргинальные круги, подавленные Б. Муссолини после укрепления его власти в 1920-е гг. Это были представители «фашизма-движения», прежде всего, корпоративисты и анархо-синдикалисты[554], стремившиеся возобновить социальное экспериментирование, воспользовавшись риторикой Б. Муссолини, признавшего ошибки предыдущих 20 лет и обратившегося к опыту раннего фашизма[555].

Поскольку данные идейные течения представляли часть единого «левого» политического тела в дофашистский период, грань между ними могла быть условной. Кроме того, некоторые коммунисты поддерживали курс Б. Муссолини, взятый в этот период, и открыто разрывали связь с остальными коммунистами. Так, Н. Бомбаччи[556], будучи маргиналом в левой среде, примкнул к фашистам и издал статью, в которой критиковал курс И. Сталина, обратившего революционные достижения В. И. Ленина в новый «панславизм»[557]. Характерно также и то, что аналогичную риторику использовали авторы «Открытого Письма к А. Де Гаспери» – первого манифеста «левых» фашистов, вышедшего в конце 1945 – начале 1946 гг. в газете «La Rivolta Ideale»[558].

Попытки коммунистов провалились из-за позиции сторонников Дж. Альмиранте, политическая риторика которых в эти годы носила бескомпромиссный характер. Так, в черновике статьи под названием «Ограничения частной собственности и земельная реформа»[559], подготовленной, вероятно, для «La Rivolta Ideale», критикуется концепция частной собственности в связи с аграрной реформой, сформулированной к 1948 г. Авторы текста апеллировали к работе экономиста фашистского периода Р. Бенини, который констатировал

---

[554] Анархо-синдикализм – течение в рабочем движении конца XIX – начала XX вв., в основу которого легли идеи П. Ж. Прудона и М. А. Бакунина. В основу анархо-снидикализма легли идеи главенства низовой организации трудящихся, основанные на принципах коллективного самоуправления. Согласно этой идее, государство должно было быть ликвидировано и заменено федерацией свободных производителей, общение между которыми осуществлялось через профсоюзы.

[555] Deakin F. W. Op. cit. P. 653.

[556] Н. Бомбаччи (1879-1945) – итальянский социалист и коммунист, активный деятель Коминтерна. Был изгнан их партии за критику коммунистической политики в СССР. После 1943 г. примкнул к ИСР, был казнён итальянскими партизанами вместе с Б. Муссолини.

[557] Bombacci N. Dove va la Russia? Dal comunismo al panslavismo. Padova, 1944. P. 11-21.

[558] Сушков Д. Д. Неофашизм в Италии переходного периода: аспекты политической легитимации // Диалог со временем. 2025. № 91. С. 131-142.

[559] Limiti della proprietà privata e riforma fondiaria. // F. Cassiano Mario. S2. Sotts. 1. F. 16. P. 20-23.

«неестественный» характер частной собственности. Эту позиции авторы текста «не считали необходимым комментировать, принимая во внимание компетентность автора и ясность его изложения»[560].

Левые фашисты разделяли скептическое отношение Р. Бенини к доминированию частной собственности в обществе, однако их видение отличалось от классового подхода коммунистов: «Какой бы “естественной” ни казалась система, основанная на частной собственности, <…> мы должны согласиться с тем, что переход от коллективной к частной собственности, по крайней мере на землю, был не “естественным”, а желаемым, терпимым и в конечном итоге санкционированным политической властью, какой бы она ни была в первых организованных обществах. Поэтому мы можем рассматривать его как первый и наиболее общий случай перераспределения, осуществленный, однако, не на благо множества людей, ожидающих хорошего урожая от работы на общей земле, а для большей славы немногих, уже богатых скотом, рабами и связями»[561].

Несмотря на схожую с социалистами и коммунистами аргументацию[562], левые фашисты исходили из исторических процессов как таковых и рассматривали экономику как следствие политики. Это противоречило марксистской концепции развития общества, хотя внешне аргументация может показаться схожей. Левые фашисты видели себя продолжателями коллективных традиций и свобод коммун, «общественные блага которых постепенно были узурпированы сеньорами»[563] и церковью.

Исходя из этой логики, современные им процессы не отличались от событий прошлого: формировавшемуся корпоративному государству, которое рассматривалось в качестве «возвращения» на естественный исторический путь, всячески препятствовали либерально-демократические силы в лице монархии, а также антифашистские союзники и члены Сопротивления.

---

[560] Ibid. P. 23.
[561] Ibid. P. 22.
[562] См.: Nenni P. Il Centenario del “Manifesto” di Marx e di Engels. Roma: Chillemi, 1948.
[563] Limiti della proprietà privata e riforma fondiaria. P. 22.

Вместе с тем, даже после войны некоторые коммунисты разделяли взгляды левых фашистов. Так, Дж. Берти – один из старейших представителей ИКП – отправил М. Кассиано заметку, в которой критиковал всю партийную систему молодой республики, ссылаясь на Дж. Джентиле: «Партии, являясь прославленным наследием либерально-демократического просвещения, на самом деле представляют собой те “особенности”, которые Джованни Джентиле заклеймил как пагубные для унитарного духа государства и которые можно выразить словом “партократия”»[564].

Сами партии, по его мнению, стали «ущербными» и стремились восполнить свою слабость за счёт населения, т.е. паразитировали на массах: «Ошибочно принимать тот факт, что только политические партии могут участвовать в борьбе, как в плане организации, так и в плане доктрины и идеологии, особенно в условиях роста комплекса неполноценности партий, пытающихся найти в обществе поддержку своей немощи. <…> Это будет, конечно, не Монтечиторио – плац-парад рабочей революции – поскольку парламент – это орган, созданный миром так называемых свобод, чтобы жульнически обмануть усилия революционных движений.

Итак, вот она, в её прозрачной ясности, необходимость подняться как авангардное движение рабочего народа и, сокрушив выставляемые напоказ ложные принципы правых и левых, поднять труд на высоту его истинных полномочий»[565].

Дж. Берти воспринимал сложившуюся партийную систему как «партократию» и отождествлял её в духе «левого фашизма» с «сеньорами». В этой ситуации, партии, фактически став частью системы олигархата, уже не могли представлять интересы трудящихся слоев населения. Эта функция переходила к профсоюзам, «новые пути» для развития которых и обозначены в заглавии документа. «Говорить сегодня о профсоюзе как о партийном инструменте для захвата власти означает говорить как коммунист; говорить сегодня о профсоюзе как о юридической организации в Государстве и во имя Государства – значит

[564] Le vie nuove del sindacalismo // F. Cassiano Mario. S2. Sotts. 1. F. 16. P. 39.
[565] Ibid. P. 39.

определять себя как христианского демократа»[566]. Обе позиции, поглотившие всё публичное пространство республики, по мнению Дж. Берти и левых фашистов, неверны. Роль профсоюзов, по их мнению, была крайне важна: «профсоюз против Государства партий и ради установления профсоюзной республики – Государства и Труда»[567].

Профсоюз нового типа, не связанный с партиями, должен был стать новым народным центром силы, реактулизируя исторический принцип коммун. Действительно, Государство в этом смысле являлось результатом усилий корпораций, что соответствовало представлениям республиканского фашизма[568].

Если государство в социалистической и коммунистической концепции представлялось наиболее справедливым центром распределения благ, установленным исключительным правом ущемлённых слоёв на власть (диктатура пролетариата), то в концепции левых фашистов Государство являлось итогом автономной работы корпораций, находящихся в балансе с создавшими его экономическими и трудовыми союзами.

Учитывая идеологическую близость маргиналов из фашистской и социал-коммунистической среды, сотрудничество представителей «старой гвардии» ИКП с явно антисистемными силами является вполне обоснованным, хотя и нереалистичным на первый взгляд.

Исходя из аргументации Дж. Берти, очевидна его неудовлетворённость «обуржуазиванием» ИКП, вероятно, это и сподвигло бывшего коммуниста на поиски иной силы, потенциально способной привнести в политику настоящий революционный дух, коей и стало «Движение»: «В этом и заключается функция Итальянского социального движения. Это произойдёт не сегодня, потому что в нашей программе заложены, или, скорее, я бы сказал, рассматриваются как исходный материал, основы той политической и профсоюзной структуры государства, которая только и сможет объединить силы производства и

---

[566] Ibid. P. 41.
[567] Ibid.
[568] См. Manifesto di Verona.

восстановить авторитет нации, государственной экономики. Рабочие чувствуют существенные идеологические различия, по которым они разделены, и с каждым днём все больше осознают несостоятельность партий как монополизирующих органов общественной жизни страны», – писал он[569].

В другой статье «Карфаген должен быть разрушен. Панорамы завтрашней войны»[570], Дж. Берти позитивно оценивал роль режима Б. Муссолини, «бросившего циклопический вызов двум блокам»[571] и рухнувшего в этой борьбе, в то время как в современной ему Италии «Де Гаспери и Тольятти распростёрлись как шлюха (“la troia”) у ног того или иного блока»[572], что ещё раз подтверждает степень неприятия автором сложившейся ситуации. Вновь отметим, что подобная риторика полностью совпадала с позицией левых фашистов по поводу итогов войны и статуса Италии, изложенной в т.н. «Открытом письме к А. Де Гаспери»[573].

Особое внимание Дж. Берти уделяет теоретическим и научным проблемам в послевоенный период, а отдаление от ИКП может также свидетельствовать о его разочаровании в коммунистах и поиску альтернатив, поэтому сотрудничество с ИСД, тем более под псевдонимом, не кажется удивительным, хотя коммунисты и фашисты были «левыми» по-разному. Вместе с тем, стоит также отметить, что такое взаимодействие носило скорее тактический характер или было результатом личной инициативы, нежели имело системный характер со стороны коммунистов.

Итак, первый партийный конгресс, проходивший 27-29 июня 1948 г. закрепил левый курс ИСД и её закрытый характер. Так, в партию могли вступать лишь те, кто: не запятнал себя бесчестящими преступлениями (“i delitti infamanti”); не был замечен в аморальном поведении; после 8 сентября (т.е.

---

[569] Ibid. P. 40.
[570] Delenda Chartago. Panorama vario della guerra di domani // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 16. P. 61-62.
[571] Ibid. P. 60.
[572] Ibid. P. 61.
[573] Lettera aperta all’On Alcide De Gasperi, Presidente del Consiglio dei Ministri // F. MSI. S. 2. F. 49. P. 5-35.

после объявления перемирия 8 сентября 1943 г.) не предал Родину и не сотрудничал с врагом, т.е. с англо-американскими силами и партизанами Сопротивления[574].

Таким образом, руководство ИСД лишало возможности вступить в партию тех, кто в годы гражданской войны выступал против Итальянской Социальной Республики. Замкнутый характер не мог обеспечить ей политического успеха, в то же время это свидетельствовало о сохранении преемственности от ИСР. Сущность партии, которую характеризовали как «единственную подлинно революционную силу в рамках существующего строя», «основывавшуюся на духовном видении мира» и «стремящуюся к созданию нового национального общества, где люди через осознанный нравственный труд могли бы обрести себя в целостной системе, отвечающей их глубинным устремлениям»[575], указывала на её переходный статус – от подпольного объединения к легальной политической организации.

Внутри ИСД велась полемика по поводу того, какой путь необходимо избрать – сохранить характер «революционного фашизма» или трансформировать идеи «фашизма-режима» до приемлемых в новых условиях форм.

В период 1947-1949 гг. ИСД позиционировала себя как антисоциалистическая и антидемократическая партия, сохраняя риторику республиканского фашизма и установки идеологии третьего пути. Примером этому стали программные заявления касательно проекта внешне- и внутриполитических преобразований, предлагавшихся «революционным» крылом.

Во внешней политике отстаивался внеблоковый статус страны и отказ от ограничений, которые они накладывали: «ИСД считает, что в условиях политического противостояния между блоком, сформированным правыми и партиями в правительстве, связанными с западным либеральным капитализмом, и блоком левых, связанных с восточным Государственным Капитализмом, единственным путём, по которому можно пойти, чтобы сделать Италию независимой от иностранных интересов, является тот, который она [партия – *Д.Д.*] отстаивает, а именно внешняя политика, вдохновленная конкретными и

[574] Norme statuarie e regolamenti // F. Cassiano Mario. S2. Sotts. 1. F. 16. P. 58.
[575] Ibid. P. 50.

непосредственными интересами нации»[576]. Кроме того, естественной зоной интересов страны объявлялся Средиземноморский регион, а Италия позиционировалась как медиатор, призванный «сохранять мир и равновесие в этом море, разделённом тремя континентами»[577].

Таким образом, позиция «революционного» крыла ИСД сводилась к формированию традиционной посреднической роли Италии в международных отношениях.

В экономической и социальной политике также заявлялось об ошибочности как капитализма, так и плановой экономики, предлагаемой марксистами. По мнению руководства ИСД, страна находилась «в кризисе, вызванном упадком старого буржуазного уклада и ещё не сформировавшейся альтернативы»[578]. В качестве таковой неофашисты предлагали корпоративную и социально ориентированную экономику, с учётом традиционного морального и духовного устройства общества, который игнорировался марксизмом, «фокусировавшимся только на технических, материалистических аспектах»[579]: «В экономической сфере ИСД видит основу современной системы экономики коллективного труда, ориентированной на общее благо и социальную справедливость, но отвергает марксистскую плановую экономику, в которой видит вырождение первой, поскольку эта система основана на коллективизации средств производства, подавлении индивидуальной инициативы и принудительном труде, что несовместимо с понятиями социальной справедливости и достоинства человеческой личности»[580].

Наконец, контролирующие органы в экономике и обществе должны были бы уравновешивать личные потребности работника и формировать на производстве дух «совместного участия»[581] (“carattere associativo partecipativo”), который бы способствовал эффективности коллективного труда и удовлетворению запросов общества в целом.

---

[576] Norme statuarie e regolamenti // F. Cassiano Mario. S2. Sotts. 1. F. 16. P. 53.
[577] Ibid. P. 53.
[578] Ibid. P. 54.
[579] Ibid.
[580] Ibid. P. 55.
[581] Ibid.

В вопросах социальных преобразований также прослеживалась риторика неприятия «современного государства» и политических изменений в стране, поскольку новые силы, «пришедшие к власти в 1944 г., не собирались принимать во внимание прошлый опыт»[582], т.е. опыт строительства корпоративного государства.

Таким образом, в политическом проекте ИСД, сформированном на I конгрессе в 1948 г. формируется «левый» и «революционный» уклон партии, вдохновлённый социальными экспериментами времён «фашистского двадцатилетия». Вместе с тем, видно отсутствие намерения трансформировать идеологическую систему, отталкиваясь от изменившегося политического и социального контекста. Лидеры ИСД фактически отказывались признавать его, не отдавая себе отчёта в невозможности реализовать столь революционную программу при собственном политическом статусе и закрытом характере партии.

Эта позиция отвечала первоначальной цели создания «Движения», т.к. оно должно было стать группой, выражавшей интересы ущемлённой части общества – проигравших[583]. Однако на политическом и идеологическом уровне это означало изоляционизм в политике и бесперспективность развития, что не устраивало большое число консервативно настроенных членов ИСД, выступавших резко против закреплённых на первом конгрессе установок.

Отказ от политических блоков и союзов на выборах в 1948 г. имел двойственные результаты: во-первых, окончательное размежевание с ФУК привело к массовому оттоку избирателей к ИСД, во-вторых, партия получила 6 депутатских мест и 1 место сенатора. Вместе с тем, вновь обострилась полемика касательно методов политической борьбы и характера партии. Дж. Альмиранте, занимавший пост секретаря ИСД с момента его основания до 1950 г., всё ещё выступал за закрытый характер партии, однако само партийное устройство свидетельствовало о чертах типичной для того времени массовой партии

[582] Ibid. P. 56.
[583] Parlato G., Ungari. A. Op. cit. P. 73-76.

(“partito-tutto”), с большим количеством аффилированных структур: молодёжных, спортивных, женских, университетских, профсоюзных организаций[584].

В этих условиях возникало противоречие: если партия ограничивает количество своих членов, то обилие таких структур излишне, поскольку их потенциал возможно развивать только со сменой формата. Если партия станет массовой, то придется менять и политическую риторику, т.к. миф о Республике Салò отталкивал бы потенциальный электорат, недовольный в то же время сложившимся соотношением сил в политике; а отказ от мифов ИСР и корпоративизма привёл бы к неминуемому расколу. Этот узел взаимоисключающих противоречий приобретал имманентный характер, на фоне которого развивалась история ИСД.

За трансформацию партии в этот период выступал А. Де Марсаних, не имевший связей с ИСР и представлявший консервативную фашистскую позицию. Он видел перспективу реформирования идей фашизма эпохи Б. Муссолини. В своём выступлении на конгрессе он выразил свою позицию следующим образом: «Друзья, в сердцах итальянцев всё ещё раздаются последние взрывы гражданской войны. Но я вижу, что появляются другие проблемы, которые нужно решать. Необходимо восстановить политическое мышление, которое будет отвечать новому курсу национальной жизни: нужно быть новыми перед лицом новой реальности»[585]. Главной проблемой политик видел рост влияния ИКП, «провозгласившей себя единственным выразителем социальных нужд», что привело, по его мнению, «к отрицанию закона в Италии»[586].

Если внутри партии велась яростная полемика, то на уровне правительства ИСД не стремилась проводить «революционный» курс. Так, в выступлении Дж. Альмиранте от 4 июня 1948 г. – первого выступления члена ИСД в парламенте – выдерживается подчёркнуто сдержанное отношение к сложившейся политической ситуации. Секретарь ИСД не высказывал требования своей партии касательно преобразований в стране, но лишь напоминал, что они должны проводиться «ради

[584] Ignazi P. Il polo escluso. P. 51-52.
[585] Il Congresso Nazionale // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 22. P. 65.
[586] Ibid. P. 65.

людей, а не ради правительства»[587]. Основные требования Дж. Альмиранте сводились к отказу от «чрезвычайных законов» (“leggi eccezionali”), предусматривавших преследование бывших фашистов и политику «чисток», а также пересмотр Мирного соглашения, нарушавшего, по его мнению, суверенитет Италии.

Фактически, в политическом пространстве республики ИСД транслировало риторику своего умеренного крыла, в то время как внутри партии условное преимущество сохранялось за «революционным» крылом.

Высшей точкой противостояния между «революционным» и умеренным крылом стал II конгресс ИСД, проходивший в 1949 г.[588] На повестке было три главных темы: место ИСД на политическом ландшафте страны, социальная политика, выработка позиции касательно Североатлантического договора[589].

Смягчение партийной риторики в этот период свидетельствует о росте влияния умеренного крыла. Главным политическим фактором, повлиявшим на эту трансформацию, было, по мнению автора исследования, политическое поражение ФУК Г. Джаннини, а также стремление монархистов начать сотрудничество с ИСД[590].

В ходе конгресса позиция левого крыла была смягчена. В итоговых заявлениях отсутствовало определение ИСД как «революционной» партии, направленной на трансформацию социально-экономических порядков, а также отвергалось любое отождествление партии с «правым тоталитаризмом»[591].

Вместе с тем, сохранялась определённая преемственность между партией и Итальянской Социальной Республикой, однако теперь она не носила эксплицитного идеологического характера, являясь скорее исторической преемственностью. Так, например, заявлялось несогласие с партократическим правительством, занимающимся «историческим ревизионизмом»[592]. Задача партии заключалась в

---

[587] Seduta del 4 giugno 1948. URL: https://www.giorgioalmirante.it/seduta-del-4-giugno-1948/ (дата обращения: 14.01.2025).
[588] Ibid. P. 55-58.
[589] Ibid. P. 54.
[590] Parlato G. Ungari A. Op. cit. P.
[591] Il Congresso Nazionale // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 22. P. 29.
[592] Ibid. P. 30.

сохранении «рабочего и цивилизационного наследия, созданного в период с 1915 по 1945 гг.»[593], а также поддержку ветеранов Салò и всех нуждавшихся в помощи сторонников бывшей ИСР[594].

Несмотря на наметившуюся дерадикализацию, необходимую для расширения электоральной базы, внешнеполитическая программа стала более жёсткой. Мирный договор обозначался словом «диктат» (“diktat” – *Д. Д.*) и нуждался в пересмотре. Большое внимание уделялось бывшим итальянским территориям в Африке. Сохраняя колониальный пафос, миссинцы требовали «возврата несправедливо отнятого права Италии на непосредственное участие в развитии африканского континента: «ИСД всегда считала священными для Италии африканские территории, в которых она была лишена своей цивилизаторской миссии»[595].

Подобное отношение к заморским территориям является логичным в рамках формируемого ИСД политического нарратива. Несмотря на снижение политического радикализма, создание максимальной экономической автономии требовало внешних ресурсов, которые находились на отнятых по условиям Мирного договора территориях «Африки, Ливии, Эритреи и Сомали»[596]. Ужесточение внешнеполитической риторики и смягчение программы внутренних преобразований могут быть объяснены также и тем, что на успех в большей степени влияла программа внутриполитических изменений, которые и трансформировались под текущую ситуацию.

Особенно острую полемику вызвал вопрос Североатлантического договора, который расколол ИСД на сторонников и противников пакта. С одной стороны, членство в формировавшемся НАТО обеспечивало бы необходимый ресурс для борьбы с коммунистической угрозой; с другой – противоречило бы принципиальной внеблоковой позиции миссинцев. Более того, непринятие условий Мирного

---

[593] Ibid. P. 29.
[594] Ibid. P. 30.
[595] Ibid.
[596] Treaty of piece with Italy. Art. 23. URL: https://web.archive.org/web/20210507200222/https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust000004-0311.pdf (дата обращения: 14.01.2025).

договора создавало двоякий статус страны, которая «не могла быть и союзницей, и побеждённой одновременно»[597].

В конечном счёте, Дж. Альмиранте, выступил с поддержкой позиции умеренных и одобрением Североатлантического договора, поскольку это воспринималось миссинцами как меньшее из зол.

Таким образом, внутриполитическое развитие «Итальянского социального движения» в период с 1946-1949 гг. выражалось в наличии двух, во многом противоречащих позиций касательно будущего формата партии.

Несмотря на то, что на первых этапах было сильно крыло «левых», «революционных» миссинцев, отстаивавших идеологические и социально-экономические установки времён Республики Салò, *realpolitik* консервативного крыла, под руководством А. Де Марсаниха и А. Микелини, сумел вывести ИСД на умеренные праворадикальные позиции политического спектра с возможностью дальнейшего интегрирования в политические структуры страны.

[597] Ignazi P. Il polo escluso. P. 55.

3.2. Фракционная борьба внутри ИСД в 1950-е гг.

В 1954 г., после IV Конгресса ИСД, проходившего в Виаредджо, на должность нового секретаря партии был избран сторонник умеренного курса А. Микелини, выступавший за сближение с властью через формирование единого правоцентристского правительства. Его избрание сопровождалось оживлённой внутренней полемикой, разделившей партию на 4 группы, оформившие собственные политические проекты для обсуждения.

Левые фашисты продолжали отстаивать идеи социального государства с позиции «третьего пути» и ориентации на опыт ИСР. Их группа подготовила проект под названием «За Социальную Республику» (“Per una Repubblica Sociale”), центральным требованием которого была всеобщая социализация предприятий и отказ от сотрудничества с «плутократически-коммунистическими» силами, победа которых спровоцировала глубокий «моральный кризис»[598].

Умеренные подготовили резолюцию «За единство Движения» (“Per l’unità del Movimento”)[599], в которую входили три наиболее влиятельных партийных функционера – А. Де Марсаних и А. Микелини, как представители консервативного крыла, и Дж. Альмиранте, разделявший идеи республиканского фашизма, но не заинтересованный в потенциальном расколе ИСД, который наметился на конгрессе[600].

Праворадикальное крыло под названием «Крайняя Правая» (“Estrema Destra”)[601] было образовано П. Ромуальди, Э. Де Марцио[602].

---

[598] Per una Repubblica Sociale // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 262-265.
[599] Per l’unità del Movimento // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 220-236.
[600] Ibid. P. 236.
[601] Estrema Destra // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 246-252.
[602] Э. Де Марцио (1910-1995) – итальянский политик, один из старейших представителей в ИСД.

Наконец, молодёжное крыло с резолюцией «За великую Италию, за новую Европу» (“Per una grande Italia, per una nuova Europa”) под руководством П. Раути и Э. Эрры[603].

Любопытно, что молодёжное крыло не представлено в документах, посвящённых конгрессу. Вероятно, это было связано с нараставшим напряжением между молодёжью и старыми партийными кадрами, не желавшими менять молодёжную политику партии и, следовательно, воспринимать молодых миссинцев и их резолюции наравне с собственными.

Часть сторонников П. Раути временно перешли во фракцию «Крайняя Правая». Э. Эрра, поддержавший П. Ромуальди, но представлявший молодёжную секцию, так описывал необходимость слиться с фракцией «старших товарищей»: «Союз с Ромуальди и Де Марцио был необходимостью, единственно возможной, чтобы не быть раздавленным в партии, которая усилила свой консенсус и была сыта нами по горло. Соглашение с правыми позволило нам не быть отрезанными, но мы были вынуждены умерить революционный характер наших позиций, чтобы присоединиться к списку двух больших шишек, таких как Ромуальди и Де Марцио»[604].

До конца не ясны причины отсутствия документов молодёжного крыла, однако известно, что П. Раути остался крайне неудовлетворённым результатами конгресса. В кратком отчёте, подготовленном для прессы, присутствовал резкий комментарий политика по поводу хода Конгресса: «РАУТИ сожалеет, что до этого момента Съезд не осуществил, как это было необходимо и обязательно, анализ ситуации в итальянской политике, ответив на вопросы, которые с тревогой задает себе итальянское общественное мнение <…>. Необходимо поставить итальянский народ перед лицом серьезнейших опасностей, которые прогрессирующий кризис парламентской демократии влечёт за собой, подвергая Италию неминуемому риску оказаться в руках Коммунистической партии. И именно перед лицом коммунизма необходимо возвести оплот, который не основывается на защите незаконных

[603] Carioti A. I ragazzi della Fiamma. Milano, 2011. P. 122.
[604] Цит. по.: Carioti A. I ragazzi della Fiamma. Milano, 2011. P. 121.

привилегий капитализма и на поддержании в живых либерального режима, ни на восстановлении тех моральных ценностей, которые антифашизм исказил или отверг, ни на восстановлении авторитета Государства. С другой стороны, конгресс должен быть настороже в отношении опасности изоляции, которую его революционные позиции влекут за собой, и сожалеет о недостаточной активности, проявленной в области пропаганды.

Он [П. Раути – *Д.Д.*] отмечает, что, путём изменений в уставе, ИСД <…> сможет осознанно смотреть на революционные горизонты, которые стоят перед ней, чтобы разрешить итальянский политический кризис вне парламента и демократической системы. (Живые, продолжительные аплодисменты)»[605].

Итак, анализ проектов указанных движений необходим для понимания внутренней полемики, определившей политический курс ИСД на следующие 15 лет[606].

Общую рамку обсуждений задали ориентиры для формирования программ, подготовленные заранее[607]. Среди основных вопросов были следующие: историческая и моральная характеристика ИСД, социально-экономическая концепция и структура Национального Государства Труда (характерная для республиканских фашистов риторика[608]), позиция ИСД по отношению к коммунизму и «неогвельфизму», т.е. либеральному курсу, осуществлявшемуся христианскими демократами[609].

Резолюция «За Социальную Республику»

[605] Resoconto sommario, 10.01.1954 // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 184.
[606] Секретариат А. Микелини длился с 1954 по 1969 гг., до смерти политика.
[607] Per una Italia sociale // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 238-245.
[608] Нестеров А. Г. История Итальянской Социальной Республики: специальность 07.00.03 «Всеобщая история (новая и новейшая история)»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук Нестерова Александра Геннадиевича; Уральский государственный университет имени А. М. Горького – Екатеринбург, 2004. С. 82.
[609] Per una Italia sociale // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 239.

Лидерами этой позиции стали делегаты Э. Масси[610] (Милан), Б. Спампанато[611] (Рим) и Э. Эндрих[612] (Кальяри). Они утверждали, что политика ИСД «в последние годы отклонилась от изначальных основ, повлекших к образованию партии, и требует пересмотра»[613] с целью возвращения к идеологическим истокам «Движения», т.е. к программе в духе левого фашизма времён Республики Салò.

Главной причиной сложившегося государственного и общественного кризиса создателям резолюции представлялся моральный упадок, произошедший после победы антифашистских сил и прихода к власти партий-участниц КНО, которые осуществили разрушение ценностных основ государства: «<…> современный политико-социальный кризис происходит <…> от морального кризиса, который победа плутократическо-коммунистической коалиции 1945 года обобщила и усилила, <…> поставив под сомнение во всех побеждённых странах ценности и само существование Государства и связанных с ним институтов, а также сущность отношений между индивидуумами и группами», – гласит один из тезисов программы[614].

Аргументация сторонников сводилась к тому, что в политической ретроспективе произошла череда подмены понятий. Либеральная система представлялась им лицемерной и деспотичной по отношению к людям: «<…> либерализм пытается скрыть за знамёнами свободы и равенства коварство и зловещую силу тенденциозно-статичной плутократии, порождая яростные реакции, которые доходят до угрозы жизни Государства, сведённого к цитадели капитализма»[615], а марксизм «продолжает искусно заманивать массы миражом

---

[610] Эрнесто Масси (1909-1997) – итальянский географ и политик. Участник Второй мировой войны и гражданской войны (1943-1945 гг). Президент Итальянского географического общества и сооснователь Института корпоративных исследований (1972 г.).
[611] Бруно Спампанато (1902-1960) – итальянский журналист и политик, один из создателей «Веронского манифеста» – проекта Конституции ИСР.
[612] Энрико Эндрих (1899-1985) – итальянский политик и юрист. Специалист по искусству и живописи.
[613] Per una Repubblica Sociale // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 262.
[614] Ibid.
[615] Ibid.

полностью умиротворённого общества и на практике отвергает утопическое будущее, основывая свои действия на насилии и безграничной власти своего политического класса и его бесчеловечных порядков»[616].

Ещё одной крупной подменой, согласно резолюции, стал изменяющийся статус христианства, которое в прошлом привело общество к величию и стало выразителем «чувств справедливости и высших добродетелей гражданственности, стало залогом равновесия, крепостью»[617] для предыдущих поколений, вплоть до появления «социального демократизма», который стал размывать христианские устои псевдогуманизмом и впоследствии расколол общество. Это привело к ослаблению истинно демократических сил, которые заняли «оборонительную позицию, не способную к ответу на рост московского мифа»[618], т.е. коммунизма.

Фактически, авторы текста придерживались традиционалистских взглядов, выводя общественный и политический прогресс из определяющей роли христианства.

Примечательно, что популярность корпоративных идей в Италии определённым образом накладывалась на гражданственность автономных городов-коммун[619], культура которых была сформирована под влиянием христианства. В этом смысле, любое стремление к универсализации «сверху» виделась левым фашистам губительной, поскольку представляла собой уничтожение традиционно сложившихся систем. Именно поэтому «большие идеологии» воспринимались ими негативно. По той же причине многие из них негативно воспринимали и опыт режима Б. Муссолини.

Экономические трудности, следуя этой логике, также происходили из политического упадка, т.к. «возврат к рыночной экономике, с одновременным обострением классового противостояния, вновь привёл страну к энергетической и

---

[616] Ibid.
[617] Ibid.
[618] Ibid.
[619] Князева С. Е. Итальянский фашизм в контексте итальянской идентичности: социокультурные практики // Фашизм, неофашизм и их преступная практика. С. 194-195.

ресурсной зависимости»[620], что делало невозможным создания подлинно национальной, независимой экономики.

Авторы текста вновь актуализировали вопрос о роли корпоративистсткого эксперимента времён ИСР, поскольку именно в то время была предпринята реальная попытка пересмотра самой сути общественно-экономических отношений. В этой связи, авторы текста видели главной задачей нового порядка «изъятие экономической жизни из слепого автоматизма режима конкуренции, который, помимо выявления функциональных недостатков, уже непреодолимых, определяет последствия, несовместимые с целями человеческой личности и внутренним равновесием государства»[621], а «новым порядком будет корпоративная экономика, основанная на воле людей, способная обеспечить экономическую стабильность, максимальную занятость, безопасность и социальную справедливость»[622].

Исходя из логики «третьего пути», делегаты предлагали следующие ориентиры:

1. эффективное и действенное единство всех секторов, составляющих партию, под единым политическим и организационным руководством;

2. определение руководящего класса посредством системы, которая избегает олигархической кристаллизации, стремящейся исключить любую другую живую силу партии;

3. осознанная и ответственная дисциплина, которая берёт свое начало из уважения к лидерам, поскольку они являются непосредственным выражением общепринятых решений;

4. коллегиальность руководства «Движением», как в центре, так и на периферии, с целью обеспечения деперсонализации управления и необходимой диалектики идей[623].

По сути, авторы выступали за децентрализацию в принятии политических решений и осуществления перестройки партии на принципах корпоративизма, с

---

[620] Per una Repubblica Sociale // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 262.
[621] Ibid. P. 264.
[622] Ibid.
[623] Ibid. P. 265.

сохранением духа именно *движения*, подобно тому, каким оно изначально задумывалось.

Обеспокоенность «кристаллизацией» верхушки партии также была характерна для представителей левого фашизма, опасавшихся повторения судьбы «фашизма-режима».

Резолюция «Крайняя Правая»

Этот проект был сформирован П. Ромуальди – основателем ИСД и его президентом. Он концентрировался не столько на экономических и социальных вопросах, сколько на проблемах системного «кризиса западной цивилизации»[624], итогом которого стала Вторая мировая война.

Согласно тексту, кризис распространился на все сферы жизни человека: «в нравственном измерении – в отрицании духовных ценностей, в политике – в упадке Государства как субъекта с изначальным суверенитетом и автономными целями, и в экономике, служащей не удовлетворению потребностей, а накоплению капитала»[625].

«Итальянское социальное движение» становилось последним объединением, призванным к борьбе с этим кризисом и «спасением человека в обществе и государстве от унижения, в которое его низвергает материалистический индивидуализм» и «большевистский коллективизм», а также к «приданию новой силы ценностям, соразмерно требованиям времени»[626]. Иными словами, осуществлялась реактуализация идеалистических ценностей, «уничтоженных» либерализмом и коммунизмом.

Примечательно, что П. Ромуальди не говорил напрямую о приверженности опыту Республики Салò. Он расширил фокус, демонстрируя проблему в её общеевропейском измерении. В тексте прослеживаются мотивы эволианской философии, рассматривавшей коммунизм и капитализм как две стороны общеевропейского кризиса и упадка, два «извода» доминировавшего материализма.

---

[624] Estrema Destra // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 251.
[625] Ibid. P. 247.
[626] Ibid.

В тексте акцентированы не столько проблемы социализации, как это было в резолюции левых фашистов, сколько идеи Государства и иерархии, что также отсылает к традиционалистским идеям Ю. Эволы: «Для ИСД Государство, основанное на истинных принципах авторитета [“l’autorità” = “auctoritas” – *Д.Д.*] и иерархии, является синтезом общественного долга и индивидуальных интересов, исторических и текущих вопросов, а суверенитет не приходит к Государству в результате инвеституры снизу, а является изначальным атрибутом, сообразным целям, которые оно должно осуществлять»[627].

Иными словами, идея государства первична по отношению к людям, живущим в нём. Рассуждая сквозь призму «теории общественного договора», можно сказать, что идея государства, по их мнению, была сформирована отдельно от индивида, т.е. обладала метафизическим, трансцендентным характером. Учитывая тот факт, что Ю. Эвола тесно сотрудничал с ФАР, созданными П. Ромуальди, который был привлечён в 1951 г. к уголовной ответственности вместе с мыслителем, нельзя полностью отрицать его влияния на политика во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. Кроме того, П. Раути также присоединился к группе и мог быть проводником эволианских идей в тексте резолюции[628].

Кризис, по мнению сторонников «Крайне Правой», был вызван отсутствием «гармонии и органичности в политической сфере»[629], от которой зависела и социальная справедливость.

В социально-экономических воззрениях сторонников резолюции прослеживается их склонность к негативной оценке как марксизма, так и либерализма в рамках аргументационной модели идеологии «третьего пути». Марксизм, в их интерпретации, представал как идеология, способствующая социальной поляризации, сталкивающая разные группы одного общества на основе классовой борьбы и стремлений революционных преобразований. Коммунистические партии при этом рассматривались как ключевые акторы,

---

[627] Ibid. P. 248.
[628] Meriggi S. Studio storico-politico della destra italiana dal dopoguerra ad oggi. Dissertazione (Storia) PhD. Università di Szeged, 2006. P. 69.
[629] Estrema Destra // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 249.

призванные разрушить традиционные социальные структуры[630]. Либерализм же, осуществляя одностороннюю либерализацию рынка, лишал страну экономического суверенитета и формировал излишний индивидуализм[631], препятствовавший общественному благу.

В условиях противостояния указанных идеологий, страна и общество, согласно тексту, не были в состоянии двигаться вперёд, поскольку оказавшиеся у власти силы были заинтересованы в удержании власти, а не развитии государства.

Авторы текста сконцентрировались на двух примерах, демонстрировавших тактику правительства: сама Конституция страны была создана так, чтобы служить препятствием для традиционалистских политических сил на пути к власти, а забастовки и демонстрации способствовали дальнейшему разрушению общества, «поскольку посредством них партии, которые руководят коммунистическими и демократическими профсоюзами, пытаются чего-то добиться»[632]. Чтобы исправить ситуацию, авторы резолюции выступали за отмену принятой Конституции, аргументируя непримиримость позиции тем, что «битва за пересмотр конституции представляется выражением опасного реформистского менталитета! Думать, что нынешнюю конституцию можно спасти, изменив её, означает принять её дух, который как раз и превратит в зло даже то добро, которое, возможно, было в неё вложено»[633].

Что касается забастовок и деятельности профсоюзных организаций, то авторы призывали активно участвовать в волнениях, и выступали за усиление роли CISNAL – аффилированного с ИСД профсоюза. Однако главная задача такого участия заключалась в формировании у рабочих убеждения в том, «что их ожидания могут быть удовлетворены только глубокими структурными изменениями, и через их непосредственное привлечение к политической борьбе»[634], а не через забастовку как таковую.

---

[630] Ibid. P. 249.
[631] Ibid. P. 250.
[632] Ibid.
[633] Ibid.
[634] Ibid.

Общий характер партии в сложившихся условиях не должен был быть направлен на осуществление «политической игры», поскольку эта тактика могла скоро стать «привычной и приятной», что обессмысливало саму суть борьбы[635].

Характер противостояния также пояснялся в тексте. Как бы делая выпад в сторону своих оппонентов, авторы резолюции писали: «следует отметить для тех, <…> кто требует тактических приспособлений и их немедленной реализации, что выбор этих решений должен основываться только на оценке их полезности для целей политического действия партии. Решение, которое в моменте его принятия кажется выгодным, может не дать положительных результатов, если для его использования нет партии, обладающей ясным осознанием целей и организационной эффективностью»[636].

В религиозном вопросе они выступали за поддержку церкви и незыблемости Латеранских соглашений, а также совместную борьбу против «демократического индивидуализма и марксистского коллективизма»[637], чем позиционировали себя как консерваторы-католики.

Сторонники этой резолюции, таким образом, акцентировали внимание на вопросах морали, ценностных и экзистенциальных аспектах, которые необходимо было трансформировать для обретения общественного и политического благополучия. В этой логике вопросы политической реализации представлялись вторичными, поскольку были следствием неверно избранного идеологического, в сущности, ценностного пути, поэтому проблема нового устройства общества в виде готового проекта, представлена не была.

Резолюция «За единство Движения»

Центристским по своей сути стала резолюция «За единство Движения», сформулированная А. Де Марсанихом, Дж. Альмиранте и А. Микелини.

Их проект стал самым пространным и проработанным, в сравнении с другими резолюциями. Если остальные группы предложили основные принципы

---

635 Ibid. P. 252.
636 Ibid. P. 249.
637 Ibid. P. 250-251.

организации партии и общества, то эта группа представила фактически готовую программу. Определённость предложений, а также объединение левых и умеренных кругов вокруг резолюции, стала, по мнению автора исследования, одной из причин её доминирования на конгрессе.

Текст носил подчёркнуто программный характер и был сконцентрирован на политических событиях 1953 г., когда ХДП не сумела удержать большинство даже с учётом т.н. «мошеннического закона»[638]. Авторы резолюции видели в этом событии проявление политического кризиса антифашистов, которые более не были в состоянии привлекать массы угрозой нового фашизма, во избежание которой можно было бы пожертвовать суверенитетом: «Итальянский народ оценивает альянсы с точки зрения защиты конкретных интересов и понимает, что худшая изоляция возникает не из-за одиночества, а из-за того, что его оставляют те, кто гарантировал солидарность. Весь обман международных формул, как западных, так и восточных, лопается как внезапный нарыв. Триест является воплощением горькой правды о нашем национальном сознании»[639].

Акцентирование на проблеме территориальных разногласий с Югославией в международных делах являлось симптоматичным для того времени, поскольку кризис, возникший между странами по поводу статуса города и территорий региона Венеция-Джулия, был разрешён внешними силами, а не национальными правительствами. Это укрепило суверенистские[640] позиции ИСД и обеспечивала партии популярность, особенно в молодёжных патриотических кругах.

---

[638] «Мошеннический закон» (от итал. “Legge truffa”) – избирательный закон, принятый в 1953 г. Согласно ему, партия, получавшая 50 % + 1 голос, автоматически получала 65 % мест в парламенте, что исключало необходимость формирования коалиций и усиливало власть христианских демократов. Закон критиковался оппонентами ХДП, в частности, проводились параллели с принятым при фашистах «Законе Ачербо». В 1954 г. закон отменили, поскольку партия власти не сумела набрать 50 % на выборах.

[639] Per l’unità del Movimento // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 222.

[640] Совранизм, суверенизм (от итал. il Sovranismo) – политическая концепция, выступающая за защиту или восстановление народного или государственного суверенитета в противовес динамике глобализации и политике наднациональных соглашений. В контексте послевоенной Италии, главной угрозой суверенитету страны в неофашистской среде представлялся СССР, сотрудничество с США, в этой связи, воспринималось как меньшее из зол, но также нежелательное явление.

В экономической и социальной сфере, кризис системы, по мнению авторов резолюции, обесценил человека и его труд, превратив политику в гонку за решением частных вопросов: «Классовый подход обострил социальные противоречия, лишив государство инструментов для их разрешения и для обеспечения того прогресса, на который все надеются. Он исчерпал себя в профсоюзной борьбе, превратив её в борьбу за зарплату, унижая труд в бесконечной гонке за зарплатами, издержками и ценами, в утомительном преследовании собственного хвоста»[641].

Политическое поражение ХДП и антифашистских партий произошло, согласно тексту, в результате навязывания устаревших политических форм, «более подходящих для структуры демократического государства прошлого века, чем для социальных, экономических и политических потребностей государства нашего времени; и не соответствующую чаяниям и потребностям итальянского народа»[642].

Результаты выборов 1953 г. привели, в этой логике, к делигитимации антифашистского правительства, что создавало окно возможностей для патриотических сил, поэтому авторы резолюции предложили собственный проект реформы правительства, поскольку плохо проработанная двухпалатная система привела к формированию двух, по сути дублирующих друг друга, палат[643]. В этой связи предлагалось развести их полномочия, чтобы Сенат стал представительным органом производственных отраслей и учреждений, органично упорядоченных и интегрированных в государство, и трансформировать роль Президента, который обладает символическими полномочиями и выбор которого является результатом компромисса между партиями, а не волеизъявлением народа[644].

В экономической политике авторы резолюции также не отходили от традиционной для республиканского фашизма риторики – они отводили системе профсоюзов ключевую роль в формировании экономической системы.

В этой сфере предлагалось интенсифицировать деятельность ИСД во всех регионах с целью направлять работу профсоюзов и принимать активное участие в

---

[641] Per l’unità del Movimento // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 223.
[642] Ibid. P. 224.
[643] Ibid. P. 223-224.
[644] Ibid. P. 225.

решении актуальных по мнению авторов резолюции, проблем: увеличить уровень занятости и вернуть 40-часовую рабочую неделю; отказаться от односторонней либерализации экономики; ускорить работу по мелиорации земель; ввести систему социального обеспечения; заниматься молодёжной политикой; обеспечить защиту труда, в том числе и женского; обеспечить помощь государственным служащим и поддержку военнослужащим и ветеранам[645].

Выполнение этих условий способствовало бы формированию корпоративного «Национального Государства Труда», в котором главным мерилом был бы труд, обеспечивавший участие в политической жизни, соразмерное трудовой успешности[646]. В сущности, эти требования были традиционными для республиканских фашистов и во многом наследовали принципы Веронского манифеста и корпоративной системы ИСР.

Таким образом, данная резолюция обладала компромиссным характером и объединяла в себе как вопросы теоретического характера, так и предложения по конкретным политическим решениям.

Помимо этого, текст затрагивал и другие проблемы, связанные с политическими вопросами, однако в рамках текущего анализа они не имеют ценности, поскольку их нельзя назвать характерными именно для сторонников этой резолюции, они были типичны и разделялись всеми членами ИСД. Это, вероятно, и повлияло на её успешное принятие и установление центристского курса партии.

Проанализированные выше резолюции позволяют выявить ряд *сходств* и *различий* между ними (Приложение 5).

Среди *сходств* отметим:

во-первых, все фракции ИСД так или иначе разделяли принципы корпоративизма, распространявшиеся как на экономическом, так и на социально-политическом уровне. Это говорит о том, что все они, несмотря на трансформацию своих взглядов, в качестве фундамента использовали опыт Итальянской социальной республики, даже не участвуя лично в гражданской войне;

---

[645] Ibid. P. 229-230.
[646] Ibid. P. 232.

во-вторых, все они рассматривали послевоенную политическую систему как кризисную и нежизнеспособную;

в-третьих, все критиковали либерализм и коммунизм, следую логике идеологии «третьего пути» и желая построить общество нового типа;

Среди концептуальных *различий* можно выделить следующие:

во-первых, каждая из групп акцентировала внимание на разных аспектах политического конструирования в зависимости от своего идеологического профиля, определявшего их фокус внимания:

- левые фашисты отталкивались от экономических факторов, рассматриваемых в исторической и культурной ретроспективе, видя в социализации итог многовекового развития итальянского общества;

- правые исходили из идеалистических концепций «органического государства», имевшего для них сакральный статус;

- умеренные комплексно рассматривали политическое пространство, отталкиваясь от итальянского *realpolitik*, но стараясь сохранить при этом оппозиционный характер.

Во-вторых, философские представления о сути политического имели глубинные различия, не позволявшие прийти к истинному консенсусу. Это означало лишь внешнее примирение сторон, усилия которых должны были быть направлены к общей цели – антикоммунистической борьбе и созданию нового общества.

Конгресс 1954 г. являлся во многом ключевым событием в политической жизни ИСД, определившим её дальнейшую активность на 15 лет вперёд. На нём были представлены закреплённые резолюциями фракции, представлявшие основные течения внутри ИСД.

В ходе конгресса большинство голосов были отданы «За единство Движения», а секретарём стал один из его лидеров – А. Микелини. Вместе с тем, внутреннее напряжение, замаскированное общностью целей, определило двойственный характер партии: на внешней арене она выступала как правая партия, действующая в рамках легального поля и в союзе с другими партиями, внутри же продолжалось

брожение, вместе с которым на правом идеологическом спектре постепенно стали возникать силы, перехватывавшие инициативу у ИСД.

3.3. Кризис «Итальянского Социального Движения» и радикализация неофашистской молодёжи в 1956-1968 гг.

3.3.1. «Итальянское социальное движение» и «большая правая»

С 1949-1954 гг. ИСД достигла значимых успехов под руководством А. Де Марсаниха. Несмотря на сопротивление ХДП[647], партия сумела выйти из изоляции за счёт активной работы с электоратом и союзов с другими мелкими партиями. Результатом председательства А. Де Марсаниха стал успех на выборах в 1952 г., в ходе которых партия стала третьей в ряде городов[648], в том числе и в Риме[649]. Большой приток голосов обеспечил Юг страны, где антифашистская риторика Сопротивления не была широко распространена[650].

Несмотря на победу ХДП в 1953 г., в обществе ощущался импульсивный характер их борьбы, ярким примером чего был т.н. «мошеннический закон», принятый христианскими демократами и призванный сохранить парадигму «центризма», однако и так оказавшийся бесполезным, т.к. за ХДП проголосовало 40 % избирателей[651].

Легитимировав ИСД и сформировав электорат партии[652], А. Де Марсаних уступил место А. Микелини – представителю умеренного крыла партии, занявшего его место в 1954 г. Его длительное пребывание на этом посту ознаменовало постепенную утрату влияния партии в политике, а также рост радикальных настроений в неофашистской среде.

---

[647] См.: Закон Шельбы (LEGGE 20 giugno 1952, n. 645.) URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1952-giugno-20;645!vig= (дата обращения: 18.03. 2025).
[648] ИСД заняла 3 место в Риме, Палермо, Кальяри, 2 место в Неаполе и Бари.
[649] 100.000 romani acclamano nel MSI. L’estrema speranza per la resurrezione della patria // Asso di Bastoni. 4 maggio 1952.
[650] Rauti P. Vento del Sud // Asso di Bastoni. 13 aprile 1952.
[651] Elezioni Camera 1953. URL: https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=C&dtel=07/06/1953&es0=S&tpa=I&lev0=0&levsut0=0&ms=S&tpe=A (дата обращения: 15. 12. 2025).
[652] Del Boca A., Giovana M. I “figli del sole”. P. 47.

Многие исследователи и современники отмечали глубокий системный кризис партии в этот период. М. Тарки, лидер итальянских «Новых правых», считал, что итогом управления А. Микелини стала потеря политической инициативы. В 1960-х гг. ИСД постоянно подвергалась критике справа за «пассивность и роль “запасного колеса” для Христианско-демократической партии (ХДП)». (См. Приложение 6)

Таким образом, период руководства А. Микелини стал временем постепенного упадка ИСД, спровоцировавшего поиск иных путей в праворадикальной среде.

Двойственность политики нового секретаря, победа которого не была убедительной несмотря на перевес в голосах[653], стала видна практически сразу после его вступления в должность. Продолжая настаивать на оппозиционном характере ИСД[654], на политической арене он стремился создать образ «буржуазной» правой партии, склонной к сотрудничеству как с ХДП, так и с другими силами, объединявшимися вокруг антикоммунистической риторики и защиты традиционных христианских основ.

Имея личные связи с Конфиндустрией – главным спонсором ИСД – А. Микелини установил контроль над партией, исключая появление каких-либо альтернативных политических проектов[655].

Вместе с тем, политические события 1956 г. и напряжение второй половины 50-х гг. XX в. требовали от политика подтверждения собственной легитимности в глазах миссинцев, которые ждали от лидера решительных действий. В ответ на события, развернувшиеся в Венгрии и Польше, стали формироваться отряды молодёжи, которые должны были направиться в эти страны для борьбы с коммунистами. По стране прошла череда демонстраций, направленных против ввода советских войск в Венгрию и против ИКП, не осудившей происходящее[656]. Большое количество молодых неофашистов спонтанно пытались пересечь границу с Австрией, чтобы участвовать в волнениях, либо помогали своим венгерским

---

[653] Streccioni A. Op. cit. P. 71.
[654] См.: Per l’unità del Movimento // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 20; Il ponte verso il baratro // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 35. P. 60-62.
[655] Carioti A. I ragazzi della Fiamma. P. 144.
[656] Amorese A. Op. cit. P. 146-147.

товарищам выехать в Италию, однако эти порывы не были поддержаны руководством партии[657].

Отсутствие твёрдой политической позиции вело к росту напряжения между молодёжью и функционерами партии. V конгресс, проходивший в Милане в 1956 г. ясно свидетельствовал о наличии внутренних проблем: в предварительной резолюции от фракции «Новый Порядок», возглавляемой П. Раути и подписанной, например, С. Делле Кьяйе – одной из главных фигур «чёрного» терроризма 1970-1980-х гг., были представлены тезисы, концептуально схожие с тезисами резолюции «Крайняя Правая» П. Ромуальди, поддерживавшего протесты молодёжи[658], однако теперь они были лишены прежней обтекаемости формулировок.

Подписавшие призывали прекратить сотрудничество с демократическими партиями и оставаться верными своим изначальным принципам: «так называемые тактические мотивы не могут и не должны никогда преобладать над “долгом последовательности”, и то, что является средством, не может становиться целью, иначе все действия будут искажены, и она [ИСД – *Д.Д.*] в конечном итоге станет обычной партией, действующей в рамках демократического антифашизма и связанной с опытом двадцатилетия только по сентиментальным мотивам, что приведёт к её растворению с течением времени»[659].

Делегаты от «Нового Порядка» призывали к трансформации ИСД в революционном духе и непримиримой борьбе с антифашистским режимом, участие в политике которого, по их мнению, «полностью загипнотизировало» руководство «избирательными и парламентскими устремлениями»[660]. Отвлечение от «организационной и пропагандистской работы», направленной на революционные перемены в обществе, свело всю активность ИСД к борьбе за «узкий электоральный резерв правых христианских демократов и монархистов»[661].

---

[657] Meriggi S. Op. cit. P. 77-79; Amorese A. Op. cit. P. 152-153.
[658] Amorese A. Op. cit. P. 148-149.
[659] Mozione per una “iniziativa rivoluzionaria” // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 20. P. 45.
[660] Ibid.
[661] Ibid.

Сторонники «Нового Порядка» выступали за расширение метаполитического фокуса ИСД и отстаивание внеблокового статуса страны не посредством «бессильного нейтрализма, открывающего дорогу проникновению советизма»[662], а путём формирования суверенной внешней политики и последовательного социально-экономического курса, от чего руководство ИСД, по мнению авторов резолюции, отказалось[663].

Для осуществления независимой внешней политики предлагалось сконцентрироваться на двусторонних соглашениях с разными перспективными регионами, что позволило бы создать пример успешного внеблокового государства в Европе: «чтобы Италия могла возобновить политику Средиземноморских инициатив и прямых соглашений, в том числе экономических, с арабским миром и странами Латинской Америки, которые также ориентированы на формулу активного равноудаления от гегемонистских устремлений России и Америки»[664].

Таким образом, требования НП сводились к ужесточению политических методов и возврату к изначальным принципам партии, а также формированию теоретических основ для взаимодействия с другими странами мира, пытавшимися дистанцироваться от блоковых рамок холодной войны.

V конгресс стал переломным моментом для партии, поскольку на нём оформился первый крупный раскол, в результате которого «Новый Порядок» вышел из её состава.

Группа П. Раути, полное название которой было «Исследовательский центр “Новый порядок”», ставила своей целью идейно-философскую и культурную трансформацию общества, поскольку именно это, по мнению руководства НП, определяло дальнейшее политическое и общественно-экономическое строительство: «прежде чем заниматься политикой, необходимо воспитать себя и других; прежде чем открывать всем двери, необходимо отобрать лучших; прежде чем бросаться в пучину повседневной борьбы, хорошо бы иметь чёткое

---

662 Ibid. P. 46.
663 Ibid. P. 45.
664 Ibid. P. 46.

представление о тех целях, которых вы желаете достичь <…> партии не хватает руководящего класса, обладающего этими качествами», – писал П. Раути в газете «Новый порядок», критикуя руководство ИСД[665].

Таким образом, главной задачей НП была организация широкой культурной и образовательной деятельности, чтобы создать новый слой решительных и революционно настроенных людей послевоенного поколения, в первую очередь, студенчества[666].

Несмотря на небольшой состав вышедших делегатов, это событие во многом определило дальнейший упадок партии, поскольку большая часть молодёжи идейно была близка именно НП, а не установкам старой партийной верхушки, отсылавшей к опыту ИСР и «фашистского двадцатилетия», становившегося всё менее актуальным для молодых.

Возвращаясь к анализу роли ИСД в итальянской политике в этот период, стоит охарактеризовать политический курс партии.

С одной стороны, «Движение» сохраняло оппозиционный характер. Это выражалось в препятствовании инициатив, предлагавшихся как ХДП, так и другими, в основном левыми, партиями. Политическая риторика ИСД второй половины 1950-х гг. продолжала выстраиваться на принципах суверенности государства, сохраняя старые требования, например, пересмотр Конституции, поскольку та была «дочерью гражданской войны и, следовательно, сохраняла её дух»[667]. Её сохранение в исходном виде, по мнению миссинцев, препятствовало примирению нации. С практической точки зрения, пересмотр Конституции облегчил бы ИСД вхождение в политику и увеличил бы шансы на получение власти в стране.

Другой точкой преткновения между ИСД и оппонентами стала проблема «регионализма», т.е. процесс децентрализации государства. Партия занимала резко антирегионалистскую позицию, поскольку это противоречило заявлявшемуся принципу государственного суверенитета. Более того, главными инициаторами этой

---

[665] Rauti P. Contro // Ordine Nuovo. Anno II. No. 1, gennaio 1956. P .1-3.
[666] Streccioni A. Op. cit. P. 78-82.
[667] Almirante G., Palamenghi-Crispi F. Op. cit. P. 81.

полемики были коммунисты, что накладывало на противостояние ещё и идеологический характер[668].

На фоне противостояния левых и правых, выражавшихся как в вопросах внутренней политики и государственного строительства, так и в международных вопросах, этот период отмечался всё углублявшимся кризисом унаследованного от А. Де Гаспери политического «центризма». По словам историка А. Джованоли: «Включение ИСД в политическое большинство, поддержавшее правительство – что должно было бы повториться в более серьёзной форме в 1960 году с Тамброни – было не просто парламентской случайностью: оно показало, что кризис центризма может открыть путь к совершенно иным перспективам, например, к допущению правых или левых»[669].

Вторая половина 1950-х гг. открывала перспективы для значительных политических изменений в Италии, однако руководство ИСД игнорировало внутренние противоречия, стремясь использовать ситуацию в своих интересах. В результате возник проект «большой правой» (“la grande destra”), предполагавший объединение неофашистов с правыми элементами ХДП и представителями монархической и либеральной партии.

Этот шаг вызвал шквал острой критики внутри партии, в том числе и со стороны авторитетных лиц, например, князя Ю. В. Боргезе, до этого симпатизировавшего левым фашистам во главе с Дж. Альмиранте и придерживавшегося по сути экстремистских взглядов[670]. Большое количество молодых членов ИСД также выходили из партии и направляли свои письма руководству, где выражали недовольство дерадикализацией, что вело, по их мнению, «к развалу партии и её постоянному сползанию к демократическим позициям, которые лишают её всякой функции и всякой возможности на успех»[671].

Всеобщая неудовлетворённость как политическим курсом А. Микелини, так и идеологической неопределённостью привела к формированию параллельных

---

[668] Ibid. P. 86-87.
[669] Giovagnoli A. Il partito italiano. La Democrazia cristiana dal 1942 al 1994. Roma-Bari,1996. P. 84-85.
[670] Lettera di V. Borghese a G. Almirante // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 38. P. 99.
[671] Carioti A. I ragazzi della Fiamma. P. 222.

дискурсов в правой среде, гетерогенных по своему строению и создававшихся вокруг выходивших из ИСД групп[672]. Эта фрагментация правого лагеря стала проявлением системного кризиса ИСД и в интеллектуальном и идеологическом смысле повторяла судьбу исторического фашизма в 1943-1945 гг.

Пик кризиса пришёлся на 1960 г. и был связан с политическими манёврами лидера ИСД. Назначение христианского демократа Ф. Тамброни на должность премьер-министра оспаривалось практически всеми другими партиями – коммунистами, социалистами, социал-демократами, либералами, республиканцами. Внутри самой ХДП шли споры по поводу того, с партиями какого толка необходимо создавать коалицию[673]. Тем не менее лишь ИСД поддержало кандидатуру Ф. Тамброни на должности премьер-министра. Этот ход, по мнению автора исследования, и стал решающим в поражении правых сил в борьбе за власть.

В этом же году руководство ИСД объявило о проведении VI конгресса в Генуе, что было остро воспринято как левыми, так и частью христианских демократов, поскольку город считался одним из центров антифашистского Сопротивления. Обостряло атмосферу и то, что в качестве ведущего конгресса был выбран Э. Базиле, занимавший должность префекта Генуи во времена Республики Салò[674].

Мотивы руководства ИСД при выборе места проведения конгресса не ясны. Судя по анализу электоральной базы и положения дел в Генуе на 1956 г., руководство воспринимало город как «пришедший в упадок» под управлением сначала социалистов и коммунистов, а затем христианских демократов[675]. Можно предположить, что «неэффективность» управления антифашистскими партиями переоценивалось в руководящих кругах ИСД. Историк С. Мередджи, например, говорила о том, что генуэзцы были крайне лояльны к управлявшим там христианским демократам и плохо относились к ИСД, поскольку «трое муниципальных советников от ИСД спровоцировали отставку мэра Витторио

---

[672] Ibid. P. 222-250.
[673] Tito M. Un ministero che dovrà far approvare le leggi più urgenti. La Direzione DC assicura a Tambroni il pieno appoggio per il monocolore // La Stampa. 26 marzo 1960.
[674] Streccioni A. Op. cit. P. 83.
[675] Per la Genova // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 2. F. 53. P. 825-853.

Пертузио, одного из ведущих представителей Христианско-демократической партии, пользовавшегося популярностью у горожан»[676]. Кроме того, представители правоохранительных органов предупреждали руководство ИСД о напряжённой ситуации в городе, однако место проведения конгресса так и не было изменено.

По мнению автора исследования, руководство «Движения» осознавало напряжённость ситуации и планировало спровоцировать своим присутствием беспорядки. Учитывая международный контекст предыдущих 5 лет, это позволило бы сформировать образ жертвы и дискредитировать левых, организовавших беспорядки. Тем не менее, результат был обратный: череда волнений прокатилась по всей стране, затронув и Рим, а полиция, представлявшая силы правопорядка и, следовательно, выражавшая своими действиями волю правительства, была дискредитирована вместе с представителями ИСД.

Случившееся спровоцировало роспуск правительства Ф. Тамброни и формирование первого левоцентристского правительства А. Фанфани, что исключало формирование «большой правой» в какой бы то ни было конфигурации и стало крайне тяжёлым поражением для А. Микелини и его курса.

По мнению исследователей П. Иньяци и А. Стреччони, руководство ИСД, не ведая того, стало жертвой политических манёвров, осуществлявшихся кругами, желавшими создать левоцентристскую коалицию[677]: «ИСД была использована в качестве детонатора для взрыва на площади; это создало условия для распространения требований о создании прогрессивного правительства и окончательной отставки Тамброни, что и произошло 19 июля»[678].

События в Генуе продемонстрировали окончательное поражение стратегии А. Микелини и стали импульсом к радикализации правой среды. Так, в 1960 г. была создана правоэкстремистская организация «Национальный авангард», возглавляемая С. Делле Кьяйе и избравшая своей тактикой террористическую борьбу с набиравшими силы левыми. Отмечалась также и радикализация

---

[676] Meriggi S. Op. cit. P. 101.
[677] См.: Streccioni A. Op. cit. P. 84; Ignazi P. Il polo escluso. P. 93.
[678] Streccioni A. Op. cit. P. 84.

молодёжных групп, аффилированных с ИСД – «Молодой Италии» и «Молодой Нации», риторика которых всё больше походила на «Крайнюю правую» П. Ромуальди[679]. Судя по всему, попытки сместить А. Микелини продолжались вплоть до его смерти в 1969 г. Так, по свидетельству П. Л. Конкутелли – одного из террористов, состоявшего в «Новом Порядке» – в 1965 г., на очередном съезде ИСД, между А. Микелини и П. Ромуальди проходили ожесточённые дебаты. Последнему симпатизировала как миссинская молодёжь, так и отколовшиеся члены «Нового Порядка». П. Ромуальди, бывший почётным президентом партии, олицетворял «революционный дух фашизма-движения», поэтому его приход к власти мог повлиять на радикализацию ИСД. На итог голосования повлияла позиция Дж. Альмиранте, который по словам П. Л. Конкутелли, «был тогда ещё неизвестен»[680]: заверив П. Ромуальди в поддержке, в последний момент он выступил за А. Микелини, вызвав негодование радикальной части и укрепив скепсис в молодёжной среде касательно качественных перемен в ИСД[681].

Таким образом, вторую половину 1950-х гг. и 1960-е гг. можно свести к двум тенденциям: во-первых, постепенная утрата инициативы ИСД в правом политическом лагере; во-вторых, радикализация правой политики на низовом уровне с переходом в подпольные формы.

---

[679] Giovane Nazione // F. MSI. S. 2. F. 56. P. 5-17; Giovane Italia // F. MSI. S. 2. F. 72-82.
[680] Concutelli P. L. Io, l’uomo nero. Una vita tra politica, violenza e galera. Venezia, 2008. P. 32.
[681] Ibid. P. 33.

3.3.2. Разработка новых методов борьбы: концепция «революционной войны»

Вторую часть своего секретариата (1960-1969 гг.) А. Микелини пытался реактуализировать свою стратегию и выйти за границы вновь оформившейся политической изоляции, вызванной формированием левоцентристского правительства. На выборах 1963 г. партия оказалась на 6 месте, набрав 5,11 % голосов[682]. В это же время отколовшиеся от ИСД группы, отличавшиеся радикальностью взглядов и эффективной работой с молодёжью, фактически лишили партию монополии на определение курса в правом лагере.

1960-е гг. стали значимым временем для оформления молодёжного протеста в правой среде, направленного против руководства ИСД и его «конформистского» политического курса. В этой связи необходимо выделить ряд ключевых текстов и событий, повлиявших на радикализацию этой среды.

В 1960 г. на страницах газеты «Новый Порядок», которая легла в основу сформированного движения, П. Раути изложил свои соображения о необходимости скорректировать форматы политической борьбы в изменившихся условиях[683].

Один из лидеров НП К. Грациани в эссе «Литература авангарда и кризис современной цивилизации» (“Letteratura dell’avanguardia e crisi della civiltà contemporanea”), вышедшем в 1962 г., отмечал, что их молодёжный протест был отражением общего недовольства послевоенного поколения, который захлестнул разные страны. Такие протестные течения, как «тэдди-бои» в Англии, «хальбштаркен» в Германии, «тришёр» во Франции, «стиляги» в России представляли из себя схожие явления протеста и неудовлетворённости молодёжи, вынужденной жить в «Weltanschauung, сформированном демократической и большевистской системами»[684]. Большое внимание автор эссе уделял

---

[682] Elezioni Camera 1963. URL: https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=C&dtel=28/04/1963&es0=S&tpa=I&lev0=0&levsut0=0&ms=S&tpe=A (15. 12. 2025).
[683] Forte S. Op. cit. P. 48.
[684] Graziani C. Letteratura dell’avanguardia e crisi della civiltà contemporanea [Cit.: Forte S. Op. cit. P.

произведениям представителей «Разгневанных молодых людей» (“Angry young men”), в особенности творчеству К. Уилсона и его роману «Аутсайдер» (“The Outsider”)[685], в котором критиковался материалистичный мир и выражались сожаления о «фундаментальном антигероизме» эпохи[686].

В 1963 г. К. Грациани написал книгу «Революционная война»[687], которая стала своеобразным манифестом радикально настроенной молодёжи. В этой книге он проанализировал тактику, используемую в современных ему конфликтах – кубинской и алжирской революции, конфликтах в юго-восточной Азии[688] и, фактически, описал принципы т.н. «гибридной войны», которая стала единственным механизмом расширения влияния сверхдержав в условиях невозможности полномасштабного столкновения[689].

Большую роль в борьбе с сложившейся системой К. Грациани отводил простым гражданам, которые, фактически, становились основными боевыми единицами в организации террористических акций и осуществлении подрывной деятельности: «психологическое воздействие и полномасштабный терроризм дополняют друг друга и формируют рациональный инструментарий в организации параллельной иерархии, которая держит в состоянии боевой готовности граждан как для осуществления саботажа, так и для военных акций. Ясно, что если удастся распространить революционную войну на все отрасли общественной и частной жизни, то получится парализовать социальную жизнь страны, высмеять её институты и лишить правительство всякого авторитета <…> ещё один закон революционной войны: Революционное действие, как бы оно ни проводилось, всегда движется к поражению, если его руководители не смогли вписать его в благоприятную конъюнктуру международной политики»[690].

58].
[685] Wilson C. The outsider. New York., 1956. – 302 p.
[686] Graziani C. Letteratura dell’avanguardia e crisi della civiltà contemporanea [Cit.: Forte S. Op. cit. P. 61].
[687] Graziani C. La guerra rivoluzionaria. Firenze, 2020. – 88 p.
[688] Forte S. Op. cit. P. 65.
[689] Ibid. P. 65-66.
[690] Graziani C. La guerra rivoluzionaria [cit.: Forte S. Op. cit. P. 66-68].

Теоретическое осмысление герильи в современных условиях, осуществлённое К. Грациани, стало основой для террористической деятельности, развернувшейся в Италии в 60-70-е гг. XX в. и повлияло на формирование как «красного», так и «чёрного» терроризма. Более того, концепцией заинтересовались итальянские военные структуры, обратившие внимание на идеи, формировавшиеся в праворадикальных молодёжных кругах.

В 1965 г., под руководством Генерального штаба, была проведена конференция, посвящённая концепции «революционной войны» и коммунистической угрозе. В ней принимали участия как военные, так и представители праворадикальной интеллектуальной среды. Главной её целью была выработка представлений о характере противостояния в сложившейся политической системе и, прежде всего, распространявшемуся коммунизму, носившему, по мнению участников, «галопирующий характер»[691]. Основные вопросы конференции были направлены на понимание сути понятия «революционной войны», его истории и развитию в правой интерпретации[692].

Среди выступавших были представители «Нового Порядка»: П. Раути, Дж. Финальди, Э. Де Боккард; Ф. Джанфранчески представлял молодёжное крыло ИСД; выступали также влиятельные в правых кругах журналисты – Дж. Пизанò и Дж. Аккаме.

Несмотря на то, что конференция в Институте А. Поллио больше не повторялась, она имела важное значение для консолидации праворадикальных сил. В докладах был представлен анализ различных аспектов «революционной войны» – тактики, изначально разработанной коммунистами для подрыва существовавшего порядка и установления собственного[693]. Участники исходили из того, что «материализм, отрицая духовные ценности, борется с ними, чтобы полностью извести»[694], поэтому, говоря о «революционной войне», которая планировалась

---

[691] AA. VV. La Guerra rivoluzionaria. Roma, 1965. P. 9.
[692] Ibid. P. 12.
[693] Beltrametti E. La guerra rivoluzionaria. Filosofia, linguaggio e procedimenti. Accenni ad una prasseologia per la risposta // La Guerra rivoluzionaria. Roma, 1965. P. 57-86.
[694] Ibid. P. 72.

против коммунизма, стоило пересмотреть само отношение к концепции. Цель этой войны «не революция, а примирение, действие против агрессии по отношению к человеку и его свободам»[695]. Поэтому «революционная война» воспринималась ими как инструмент защиты, «оборонительный терроризм», в котором принимают участие простые люди, препятствуя подрывной деятельности коммунистов.

Основная сложность новой войны, по мнению П. Раути, выступавшего на конференции, заключалась в «невидимости врага», что было также отличительной чертой предыдущего конфликта – гражданской войны 1943-1945 гг. По его мнению, вся Италия была поделена на приблизительные «красные зоны», где большое влияние имели коммунисты, которых было невозможно чётко идентифицировать[696].

Иными словами, по мнению членов конференции, итальянские коммунисты, находясь в оппозиции, вновь сформировали на территории страны конспиративную сеть, обеспечивавшую левую гегемонию не через открытые действия, а через работу с массами на культурном уровне, что оставалось незаметным, но было эффективно в перспективе[697].

Если обобщить все выступления, то основными темами были следующие: 1) реинтерпретация концепции «революционной войны» с точки зрения антикоммунистического дискурса; 2) анализ методов борьбы, принимавших формы либо вооружённого противостояния, либо информационной и культурной борьбы.

Большую роль члены конференции отводили формированию альтернативного культурного и пропагандистского поля, которое могло бы конкурировать с левыми на уровне идей. Эта проблема, сформулированная членами НП еще в 1950-е гг., была, таким образом, вновь актуализирована в более широкой антикоммунистической среде.

---

[695] Ibid. P. 73-74.
[696] Rauti P. La tattica della penetrazione comunista in Italia // La Guerra rivoluzionaria. Roma, 1965. P. 94-95.
[697] Ibid. P. 96-98.

Крайне важное значение в формировании альтернативной правой культуры имели работы А. Ромуальди[698] – сына президента ИСД П. Ромуальди.

В 1965 г. он опубликовал критическое эссе под названием «Почему не существует правой культуры?» (“Perché non esiste una cultura di destra?”)[699], в котором поднял проблему формирования правой культуры в противовес «левой гегемонии»[700]. Одной из главных причин успешности левых А. Ромуальди видел в наличии у них «единого взгляда на мир – материалистический, демократический, гуманитарный, прогрессистский»[701], который, несмотря на обилие разных вариаций, по существу оставался неизменным.

Эссе содержало острую критику различных конфигураций неофашизма внутри ИСД, а также правого лагеря в целом, не имевшего чёткой оформленности: «Справа бродят в нерешительности, в идеологической неопределенности. Они “патриоты-рисорджименталисты” <…>. Или они выступают за “национальный либерализм” и забывают, что либеральный меркантилизм и либертарный национализм внесли мощный вклад в разрушение европейского порядка. Или же они говорят о “Национальном государстве труда” и забывают, что итальянская республика уже основана на труде и использование этих терминов свело бы нашу альтернативу к риторике второсортной социал-демократической партии»[702].

Наконец, в правой среде отсутствовало понимание важности «правых» авторов, подобно тому, как чтение К. Маркса и др. культивировалось у левых. По мнению А. Ромуальди, правые проявляли себя лишь симптоматично, отзываясь на определённые раздражители: «Он [правый – *Д.Д.*] не подозревает о важности Ницше в критике цивилизации, никогда не читал романа Юнгера или Дриё ля Рошеля, игнорирует “Закат Европы” и не сомневается в том, что французская революция

---

[698] Ромуальди А. (1940-1973) – итальянский историк, интеллектуал, журналист и политик. Ключевой автор «радикальной правой», сформировавший своими работами поле для идейно-философской рефлексии внутри правого лагеря, оказав влияние на зарождение «альтернативной правой культуры» и итальянских «Новых правых».
[699] Romualdi A. Una cultura per l’Europa. Roma, 2013. – 88 p.
[700] Ibid. P. 55.
[701] Ibid. P. 55-56.
[702] Ibid. P. 56-57.

была великой страницей в истории человеческого прогресса. Пока он остается в культуре, он хороший либерал, возможно, немного националист и патриот. Только когда он начинает говорить о политике, он отличается: он считает, что Муссолини был хорошим человеком и не хотел войны, а фильмы Пазолини – “грязными”»[703].

А. Ромуальди анализировал вклад европейских консервативных мыслителей XVIII-XIX вв., которые составляли основу «истинно правого» мышления. В рамках данного исследования они не будут разобраны, автор лишь сконцентрируется на принципах «правого» мышления, сформулированных интеллектуалом:

во-первых, признание движений, порождённых Французской революцией, будь то либерализм, демократия или социализм пагубными для европейской цивилизации;

во-вторых, признание упадочной природы рационалистических, прогрессистских, материалистических мифов, которые подготавливают пришествие «плебейской цивилизации, царства количества, тирании анонимных и чудовищных масс»;

в-третьих, понимание Государства как органического целого, где политические ценности преобладают над экономическими структурами, и где выражение «каждому своё» означает не равенство, а «справедливое качественное неравенство»[704].

В этой логике, и фашизм, и нацизм не воспринимались А. Ромуальди «правыми», поскольку несли в себе «пролетарский» дух, порождённый Французской революцией[705].

Для формирования «истинно правой» среды А. Ромуальди предлагал сформировать нарратив на базе уже существовавших авторов. В качестве основы он предлагал труды Ю. Эволы, однако не так, как его понимали члены ФАР, а с точки зрения его философской призмы – апокалиптического пафоса и аристократических идеалов. Авторами-ориентирами должны были также стать Ф. Ницше, О. Шпенглер,

[703] Ibid. P. 57.
[704] Ibid. P. 59.
[705] Ibid. P. 61-63.

А. Тойнби и Э. Юнгер[706]. В кинематографе таковым был И. Бергман, эстетика которого считалась образцовой с «правой» точки зрения[707]. «Достаточно нескольких намёков, чтобы обрисовать линии развития правой культуры. Но это абстрактное направление начнёт обретать форму, когда отдельные люди начнут писать и действовать», – заключал А. Ромуальди[708].

Несмотря на гибель в 33-летнем возрасте, А. Ромуальди спровоцировал формирование правой культуры в молодёжной среде, которая развивалась параллельно с официальным курсом ИСД. Позднее, в 1970-1980-е гг., этот импульс будет использован для формирования «Новых правых».

Последним ударом, нанесённым по курсу А. Микелини, стал 1968 г., который вновь обострил кризис внутри ИСД. Уже в 1966 г. лидеры студенческой организации FUAN[709] и её структурного подразделения «Caravella» констатировали разрыв между молодёжью и ИСД, вызванный нежеланием апеллировать к фашистскому прошлому страны и во многом романтизированным образом «Новой Европы» (“Nuova Europa”), которую предстоит создать молодым, освободив пространство от коммунистов и капиталистов. «Не хватает идеи, способной мобилизовать молодёжь, нет подходящих для этого обстоятельств, нет общественной жизни (“vita associativa”), в которой мог бы развиваться протестный дух; молодёжные организации крепко связаны с партиями и работают в их интересах», – говорилось в отчетах руководства FUAN[710]. В то же время университет представлялся пространством, в котором подобная «общественная жизнь» была возможна[711], поэтому разрыв с ИСД воспринимался как устранение старых идеологем, воспринимавшихся как «балласт». Кроме того, ощущалось двоемыслие партийных

---

[706] Ibid. P. 65-69.
[707] Ibid. P. 70.
[708] Ibid. P. 71.
[709] Университетский фронт национального действия (от итал. “Fronte universitario d'azione nazionale”, FUAN) – студенческая организация, существовавшая в 1950-1996 гг. и аффилированная с ИСД. FUAN сыграл важную роль в консолидации праворадикальной молодёжи в 1960-1970-е гг., став площадкой для культурных и идеологических экспериментов, независимо от ИСД.
[710] Documento ufficiale del Consiglio Nazionale del Fuan, 23 Dicembre 1966 [Цит. по: Amorese A. Op. cit. P. 387-388.]
[711] Ibid. P. 388.

элит, которые формировали корпоративистскую риторику и в то же время противостояли демократизации студенческой среды, отстаивавшей реформирование университета на принципах выборной автономии. Стоит отметить, что подобный «конфликт поколений» в целом был характерен для молодёжной среды этого периода.

Результатом конфликта с ИСД стали столкновения 1 марта 1968 г., известные как «Битва на Валле-Джулии», в которых активное участие принимали и неофашистские радикалы. Акция была официально осуждена руководством ИСД, а 16 марта оно собрало отряд «Национальных волонтёров», который под руководством Дж. Альмиранте – что примечательно, главного сторонника корпоративизма и социализации – попытался отбить у студентов Ла Сапиенцу. Эта акция позиционировалась как борьба с левыми террористами, однако внутри университета были и студенты-неофашисты, объединившиеся с левыми. Штурм оказался безуспешным, при чём в его отражении более активное участие принимали неофашисты, имевшие больше опыта[712]. В последующих выборах ИСД потеряла около 1,5 млн голосов и набрала лишь 4,5 %[713], в то время как коммунисты укрепили свои позиции, набрав 26, 9 % голосов[714]. Очевидно, что ставка А. Микелини на «борьбу с хаосом протестов» не увенчалась успехом[715].

Позиция ИСД в конфликте 1968 г. привела к делегитимации А. Микелини и его сторонников, превративших, по мнению современников, ИСД в «объединение ностальгиков, выполняющее чисто антикоммунистическую функцию и не имеющее более амбициозных целей, чем сохранение самих себя»[716].

---

[712] Meriggi S. Op. cit. P. 134.
[713] Elezioni Camera 1968. URL: https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=S&dtel=19/05/1968&es0=S&tpa=I&lev0=0&levsut0=0&ms=S&tpe=A (дата обращения: 15. 12. 2025).
[714] Ibid.
[715] Baldoni A. Destra senza veli (1946-1972). Roma, 2017. P. 188.
[716] Rossi G. Alternativa e doppiopetto. Roma, 1992. P. 86.

3.4. Противостояние «Итальянского социального движения» с Коммунистической партией Италии в условиях кризиса «центризма»

Период конца 1960-х – начала 1970- х гг. предварил т.н. «Свинцовые семидесятые»[717] и характеризовался постепенной радикализацией политики на фоне глубокого кризиса.

Проблема радикализации стала широко обсуждаться после студенческих выступлений 1968 г. Разные политические силы по-своему оценивали истоки этого процесса и определяли его инициаторов. Так, коммунисты настаивали на опасности фашизации страны, а правые, прежде всего, ИСД, напротив, говорили о ведущей роли коммунистов в организации подрывной деятельности в стране и в мире. Таким образом, две полярные политические силы обвиняли друг друга в структурном кризисе государства, пытаясь в условиях кризиса центризма войти в будущую конфигурацию правительства и усилить собственное влияние.

В 1969 г. умер А. Микелини, что ознаменовало перемены в партийной политике. В течение своего 15-летнего руководства, он лишил возможности управлять или вынудил выйти из ИСД все оппозиционные ему группы: так, П. Раути вышел из ИСД в 1956 г., уведя значительную часть активной молодёжи, а Дж. Альмиранте – лидер левого крыла, всё это время вёл ожесточённую полемику с А. Микелини[718] и обладал значительным авторитетом среди миссинцев, что, однако, не позволило ему взять власть.

Вероятно, в этом и не было необходимости, поскольку, по воспоминаниям участников тех событий, А. Микелини был крайне удобной фигурой, обеспечившей партии выживание[719]. П. Ромуальди характеризовал его как «человека, обладавшего

---

[717] «Свинцовые семидесятые» (от итал. “Gli anni di piombo”) – период политической нестабильности (конец 1960-х – начало 1980-х гг.), отмеченный ростом насилия со стороны ультраправых и ультралевых группировок, а также ностальгией по фашистскому прошлому.

[718] Contropelo con E. Tortora. URL: https://www.youtube.com/watch?v=KjingqCxxt8 (дата обращения: 04. 08. 2023).

[719] Tarchi M., Carioti A. Op. cit. P. 68.

выдающимся политическим чутьём»[720]. С другой стороны, нельзя отрицать и острую необходимость в идеологическом переустройстве партии, назревшей уже в 1960 г.

Смерть А. Микелини открыла окно возможностей для тех, кто ожидал перемен. На роль секретаря ИСД претендовало три человека – П. Ромуальди, основатель ИСД и её президент; Дж. Роберти, лидер CISNAL[721], Дж. Альмиранте, лидер левого крыла партии[722].

По итогам выборов секретарём стал Дж. Альмиранте, поскольку в нём органично сочеталась оппозиционность системе и вместе с тем готовность в неё встраиваться. Сам политик характеризовал себя как «умеренный экстремист» (“un estremista moderato”), объясняя свою позицию необходимостью «крайнее зло лечить крайними способами» (“estremi mali e estremi rimedi”)[723]. Противопоставляя себя А. Микелини и «консерватизму в буквальном смысле этого слова» (“nel senso greco della parola”)[724], новый секретарь ИСД сразу продемонстрировал готовность вести диалог с другими правыми силами[725].

В 1969 г. в ИСД вернулся П. Раути с частью своих сторонников. Он объяснял свой возврат «слабостью Нового Порядка и необходимостью поддержки», которая стала возможна, благодаря новому секретарю[726]. Не все приняли предложение П. Раути вернуться в партию. Так, К. Грациани – один из идеологов «революционной войны» – отказался возвращаться в ИСД и создал «Политическое движение Новый Порядок», вероятно причастное к ряду терактов конца 1960 – начала 1970-х гг. То же решение принял и С. Делле Кьяйе – один из наиболее известных неофашистских террористов 1970-х гг.

Возвращение лидера НП в ряды партии стало важным событием. М. Тарки отмечал, что именно П. Раути оказал огромное влияние на молодёжь, в

---

[720] Romualdi P. Intervista sul mio partito [Cit.: Meriggi S. Op. cit. P. 138.]
[721] CISNAL (Confederazione Italiana Sindacati Nazionali dei Lavoratori) – ассоциация национальных профсоюзов, созданная в 1950 г. при участии «Итальянского социального движения».
[722] Meriggi S. Op. cit. P. 139.
[723] Contropelo con E. Tortora. URL: https://www.youtube.com/watch?v=KjingqCxxt8 (дата обращения: 04. 08. 2023).
[724] Ibid. (10.00)
[725] Rao N. Op. cit. P. 189.
[726] Ibid. P. 190.

особенности после своего возвращения в ИСД (Приложение 6). Действительно, «Новый Порядок», развернувший активную интеллектуальную деятельность в области культуры и вопросов метаполитики[727], оказывал большое влияние на миссинцев, которые теперь могли открыто вести полемику вокруг актуальных проблем правого лагеря, что было невозможно при А. Микелини.

Приход к власти Дж. Альмиранте совпал с моментом радикализации итальянской политики, во многом ускорившейся после событий 1968 г. Уже в 1969 г. произошли первые демонстрации, получившие название «Горячая осень»[728], организованные левыми силами, рассчитывавшими на них как на повод к «революционной трансформации»[729]. 19 ноября того же года левыми радикалами был застрелен молодой полицейский А. Аннарумма[730], а 12 декабря правоэкстремистской группой «Политическое движение Новый Порядок», придерживавшейся концепции «революционной войны», был совершён первый крупный теракт на площади Фонтана в Милане.

Отчёты вице-секретаря ИСД Дж. Бакки свидетельствуют о масштабной волне погромов и насилия по отношению к миссинцам, фиксировавшиеся региональными ячейками уже в начале 1969 г.[731] На самого Дж. Альмиранте регулярно совершались нападения со стороны левых активистов, завершавшиеся гибелью сторонников ИСД. Так, в результате очередного нападения, произошедшего на встрече секретаря со сторонниками в Милане, погиб 33-летний рабочий У. Вентрурини, прикрывший собой Дж. Альмиранте[732]. Представители леворадикального студенчества поддержали нападавших в эфире подпольного радио GAP[733], а официальные представители ИКП пытались отстраниться и указывали на то, что убийство было

---

[727] См.: Rauti P. Le idee che mossero il mondo. Napoli: Controcorrente, 2007.
[728] Горячая осень (итал. l’autunno caldo) – ряд рабочих демонстраций, произошедших на промышленных предприятиях на севере Италии осенью 1969 г. Эти выступления связывают с демонстрациями 1968 г.
[729] Borghini G. L’alleanza studenti-operai // La Rinascita. 1969. № 49. P. 1.
[730] Montanelli I., Cervi M. L’Italia negli anni di piombo (1965-1978). Milano, 2013. P. 63.
[731] BiFUS. F. MSI. S. 3. F. 59.
[732] Preda G.,Tedeschi M. Il Ventennio della pacchia. Milano, 1971. P. 296.
[733] Ibid. P. 307.

совершено «другими фашистами»[734].

Случай с У. Вентурини наглядно показывал напряжение, нараставшее между левыми и правыми силами в этот период. В 1973 г. произошёл другой случай: теперь молодые миссинцы, пытаясь спровоцировать столкновение с левыми, бросили бомбу, в результате чего погиб полицейский. Представители ИСД также утверждали об отсутствии связей преступников с партией, инициировали собственное расследование и установили вознаграждение за любую полезную информацию. Тем не менее, связь между нападавшими и партией была установлена, поскольку те были миссинцами[735].

Безусловно, подобные происшествия вызывали взаимные подозрения, особенно в условиях идеологического противостояния, однако говорить о прямой причастности каждой из партий к совершавшимся её молодыми членами преступлениям затруднительно, поскольку никаких прямых свидетельств этому нет, а партийное членство не является прямым доказательством её вовлечённости в беспорядки.

Невозможно точно определить, левые или правые стали инициаторами «революционной войны», идеи о которой назрели в экстремистских сообществах вне зависимости от идеологической ориентации, однако официальную позицию ИСД и ИКП по этому вопросу осветить возможно.

В 1970 г. в рамках программы “La Tribuna politica”, впервые в качестве секретаря партии выступил Дж. Альмиранте, изложивший позицию ИСД касательно «противоположных крайностей» (“gli opposti estremismi”)[736] – популярный в то время термин для обозначения краёв политического спектра вокруг ХДП. В выступлении лидер миссинцев заявил, что организованная левыми экстремистами «подрывная волна прокатывается по всему миру и грозит захлестнуть все учреждения» в стране[737]. По его мнению, политическая реальность вынуждала

---

[734] Ibid. P. 308.
[735] Griner M. Anime nere. Milano, 2014. P. 94-108.
[736] La Tribuna politica 25 maggio 1970. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NvAYGIt_Vvg (дата обращения: 18. 02. 2025).
[737] Ibid. (2:10-2:17).

политиков менять свою риторику.

Дж. Альмиранте критиковал центристский курс ХДП, «анахронистский», по его мнению, поскольку тот был направлен на «борьбу против противоположных крайностей»[738] в условиях, при которых центристская позиция «существует, но больше ничего не значит»[739], т.е. не способна эффективно разрешить сложившийся кризис. «Необходимо принять во внимание пустоту, образовавшуюся в центре, пустоту в политике и также, к сожалению, на социальном уровне, можно даже сказать, на уровне гражданственности и нравов», – заявлял Дж. Альмиранте[740].

Слабость власти, по мнению секретаря ИСД, привела к разгулу левых, которых могла бы остановить только жёсткая политика со стороны правых сил: «Если левый экстремизм так необуздан и опасен, то мне сойдет с рук шутка о позициях крайне правых. Я мог бы сказать: “Отчаянные времена требуют отчаянных мер” [Estremi mali, estremi rimedi – *Д.Д.*]. Но я могу сказать немного яснее, в самых политически доступных терминах: если левый экстремизм приведет к потопу, позиции крайне правых станут, к счастью, единственным противовесом в итальянской политической ситуации. Есть крайне правые, которые выступают в качестве противовеса разгулу крайне левых. И, если мы не хотим отдать им [левым – *Д.Д.*] власть, учитывая образовавшийся в центре вакуум власти, необходимо укрепить крайне правых», – так объяснял истоки радикализации политики и показывал выход из кризиса Дж. Альмиранте[741].

В указанном выступлении политик сосредоточил внимание на проблеме соотношения сил, которое изменилось после ряда удовлетворённых требований левых: во-первых, амнистия, после которой участились уличные столкновения[742], во-вторых, связанное с этим усиление CGIL[743] и, в-третьих, удовлетворённое

[738] Ibid. (2:40-2:46).
[739] Ibid. (2:45-2:50).
[740] Ibid. (3:00-3:10).
[741] Ibid. (3:10-3:55).
[742] Речь шла, вероятно, об амнистии 22 мая 1970 г., по итогу которой были освобождены все осуждённые за преступления, связанные с участием в массовых демонстрациях, с наказанием до 5 лет.
[743] Всеобщая итальянская конфедерация труда (от итал. Confederazione Generale Italiana del Lavoro, CGIL) – крупнейшее в стране профсоюзное объединение, аффилированное с Итальянской

левоцентристским правительством требование о регионализме[744]. Дж. Альмиранте завлял, что именно ИСД была единственной силой, противостоявшей укреплению позиций левых.

Упомянутое интервью крайне важно для понимания внутренних перемен в ИСД, это первое выступление Дж. Альмиранте в качестве главы партии, в котором одновременно констатировался кризис политической системы и переход в иную (радикальную) политическую реальность. Исходя из логики лидера миссинцев, ИСД приобретала новую роль на политической арене, становясь главным оплотом правых антикоммунистических сил и признавая необходимость использования радикальных методов борьбы.

Одновременно назрела необходимость трансформировать партию, сделав её более привлекательной для избирателей. Со сменой поколений «фашистский миф» терял свою силу, молодёжь не разделяла и авторитарных тенденций прошлого[745]. Так, многие осуждали переворот в Чили 1973 г., отдавая предпочтение перронизму, с его идеологией «справедливости» (“Justicalismo”)[746].

На IX конгрессе, проходившем в 1970 г. был предложен новый курс – «Мы – Национальная правая. Мы – альтернатива системе»[747], призванный создать единый фронт антикоммунистических сил, чтобы остановить политический кризис. Был намечен постепенный отказ от фашистской риторики, направленный на формирование более привлекательного образа не только для избирателей, но и для представителей ХДП, которым было необходимо выбрать себе опору.

В 1970-1973 гг. ИСД развернула масштабную работу, трансформировавшись в «Итальянское социальное движение – национальная правая» (ИСД-НП), объединив в своих рядах монархистов и представителей либеральной партии. ИСД стала использовать патриотическую, консервативную риторику, созвучную с идеями Дж. Прецциолини[748]. Так, делался акцент на политический реализм и прагматизм, в

коммунистической партией.

[744] La Tribuna politica 25 maggio 1970. (5:30-6:00).

[745] Ferraresi F. Op. cit. P. 290.

[746] Meriggi S. Op. cit. P. 149-150.

[747] Baldoni A. Op. cit. P. 198.

[748] См.: Prezzolini G. Il Manifesto dei conservatori. Milano, 1972.

противовес «25-летнему периоду построения утопии»[749], деконструировалось понятие «фашизма», через его сведение к политическому «ярлыку», не имевшему отношения к исторической реальности[750].

В журнале «Italia Tricolore» в 1971 г. вышла статья Дж. Альмиранте «Правая рождена» (“La Destra è nata”), в которой политик объявлял о приверженности «национальному, католическому, антикоммунистическому» курсу[751], при этом заявлялось, что «понимание Нации и Государства не имеет ничего общего с тоталитарными искушениями или ностальгическим возвратом, наше уважение к религиозному учению сопровождается категорической защитой суверенных и автономных прерогатив Государства, наш антикоммунизм означает порядок, жёсткое подавление красного подрывного движения, но также означает социальную справедливость, даже нечто большее: реструктуризацию итальянского общества в соответствии со справедливостью, вплоть до преобразования трудовых отношений в ассоциативное соглашение о совместной ответственности, одновременно давая возможность самоуправлению в разных структурах Государства»[752].

В тексте Дж. Альмиранте, тем не менее, очевидно влияние старых корпоративистких установок «левого фашизма», приверженцем которого был политик, однако сама риторика изменилась, постепенно выходили из употребления термины «корпоративизм», «социализация», «нация труда» и др. При этом, стоит отметить, что во внутрипартийной политике продолжали развиваться эти направления. Так, в 1972 г. был основан «Институт корпоративных исследований» (“Istituto di studi corporativi”) под руководством Г. Рази и Э. Масси, призванный изучать и развивать идеи корпоративизма, а также, что более важно, формировать новые партийные кадры[753]. Это обнаруживает отсутствие глубинных структурных реформ, несмотря на изменения на уровне языка и методов политической борьбы, приобретавших более решительные формы.

---

[749] Tedeschi M. Destra Nazionale: sintesi di una politica nuova. Milano, 1972. P. 12.
[750] Ibid. P. 17-29.
[751] Italia Tricolore. Luglio-agosto 1971 // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 2. F. 51. P. 1002.
[752] Ibid. P. 1003.
[753] Baldoni A. Op. cit. P. 219-220.

В 1971 г. произошли дебаты Дж. Альмиранте с Дж. Андреотти, также ознаменовавшие перемены во взгляде миссинцев на политику. В этих дебатах лидер ИСД отстаивал идеи сильной президентской власти, в то время как Дж. Андреотти предостерегал о тонкой грани между президенством и диктатурой[754]. «Мы говорим о президентской республике и готовы это обсуждать. Во Франции был диктатор Де Голль, человек, любимый народом и не лишивший французов свободы. В Америке, я думаю, существует демократия, но это также и президентская республика. Поэтому нужно рассуждать на эту тему и не поддаваться влиянию старых клише», – заключал Дж. Альмиранте[755].

Под «старыми клише», помимо укрепления власти президента, воспринимавшегося как потенциальная угроза демократии (случай с Б. Муссолини – наиболее показательный пример), подразумевалось также и разделение «фашизм-антифашизм», которое, по мнению лидера ИСД, было искусственным и абсолютно не интересовало массы[756]. Подобный взгляд также был традиционен для ИСД и присутствовал в более ранних документах[757].

Примечательна и позиция ИСД по поводу коммунистов, которые не рассматривались как часть итальянского политического ландшафта: «Коммунистическая партия – не итальянская партия, я имею в виду руководство ИКП, а не тех, кто голосовал за неё в Италии. Коммунистическая партия – не итальянская партия, это советская партия, установленная в Италии от имени Советского Союза. Невозможно найти связь между коммунистической партией и представителями итальянского руководящего класса»[758].

Таким образом, на уровне политической риторики ИСД трансформировалась в «национальную правую» партию, выступавшую против коммунизма, как инородного элемента в системе, и за сильную президентскую власть, подобно власти Ш. Де Голля во Франции. Примечательны также элитистские взгляды Дж.

---

[754] Italia Tricolore. Luglio-agosto 1971 // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 2. F. 51. P. 1007.
[755] Ibid. P. 1008.
[756] Ibid.
[757] См.: Almirante G., Palamenghi-Crispi. Il Movimento Sociale Italiano. Milano: Nuova Accademia Editrice, 1958.
[758] Italia Tricolore. Luglio-agosto 1971 // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 2. F. 51. P. 1007.

Альмиранте по поводу формирования политикума, в котором коммунисты не были органично связаны с традиционными правящими классами.

Намеченные в публичном поле трансформации дали свои результаты, на местных и общих выборах в 1971-1972 гг. партия заняла 4 место, получив наивысший в своей истории результат в 8,67 % в нижней палате и 9,19 % в Сенате[759].

Вместе с тем, в сравнении с другими партиями, прежде всего, с ИКП, успехи были скромные, однако вызвали обеспокоенность у оппонентов по другим причинам. П. Раути подмечал по этому поводу: «Что пугало в ИСД, так это не столько её рост в электоральном плане, сколько её особый и потенциально революционный характер. Говоря яснее, это была не партия или парламентское правое крыло, способное разрушить мечты Берлингуэра, Моро и Андреотти, а мир правых, который, будучи способным расширить сферу своего влияния и привлечь симпатии различных слоев общественного мнения, мог смести схемы и задумки Правительства, представлял опасность для мира в политическом и даже электоральном плане, потому что он был носителем типичного революционного призвания»[760].

Действительно, левые испытывали крайнюю обеспокоенность «усилением» правых, что выражалось не столько в электоральных успехах, сколько в череде общественно-политических событий этого периода, способствовавших переоценке потенциальной угрозы со стороны ИСД и ускорению процессов радикализации «слева».

Позиция коммунистов по поводу радикализации политики выстраивалась именно на оценке внутри- и внешнеполитических событий в 1969-1973 гг. В эти годы Э. Берлингуэр неоднократно поднимал вопрос об угрозе фашизации страны.

Реализация «стратегии напряжения»[761] между блоками, дестабилизация

---

[759]Elezioni Senato 7 maggio 1972 URL: https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=S&dtel=07/05/1972&tpa=I&tpe=A&lev0=0&levsut0=0&es0=S&ms=S (дата обращения: 23. 10. 2025).

[760] Testimonianza di P. Rauti ad A. Baldoni [Cit.: Baldoni A. Op. cit. P. 234.]

[761] Стратегия напряжения (от итал. Strategia della tensione) – период в истории Италии, включая «Свинцовые семидесятые» (прим. 1968-1982), когда серия терактов, похищений и политических убийств формировало в стране ощущения хаоса и незащищённости. Некоторые исследователи (Д. Гансер) склонны относить эти события к целенаправленной тактике американских спецслужб и

политики в разных точках мира, представлялась коммунистами как угроза «справа», которая неминуемо должна была бы захватить и Италию, скатывавшуюся в политический кризис, который вспыхнул из-за упадка ХДП. Именно поэтому лидер коммунистов предлагал христианским демократам возобновить сотрудничество для расширения правительства и преодоления этой угрозы.

События 1969-1973 гг. действительно могли восприниматься левыми силами как угроза «справа». Э. Берлингуэр ещё в 1968 г. предложил Христианским демократам создать коалицию[762]. Главным поводом к беспокойству на тот момент служил военный режим, установившийся в Греции в 1967 г. Отношение к «Чёрным полковникам» в тот период было маркером, позволявшим определить позицию политиков, что активно использовалось политическими журналистами. В передаче “La Tribuna politica” на эту тему высказывались как представители ИСД, так и коммунисты, по-разному оценивая греческую диктатуру. Если миссинцы позитивно оценивали их приход, считая это соразмерным ответом на рост влияния коммунизма[763], то левые, напротив, считали это наступлением на демократию[764].

Международное напряжение проявлялось и во внутренней политике страны. В 1970-1971 гг. на юге страны, в Калабрии, вспыхнуло восстание, связанное с неспособностью правительства выполнить обещания по улучшению экономической и социальной ситуации в регионе, не затронутом экономическим бумом и расценивавшимся властями как «колония»[765].

Поводом для восстания стала попытка переноса столицы области из Реджо-ди-Калабрия в город Катанцаро, что воспринималось ИСД как попытка подорвать их влияние на юге, поскольку в новой столице была бы сильна власть левых. Различные политические силы пытались использовать беспорядки в своих целях, однако

НАТО, для создания сильных антикоммунистических правительств, что, однако, оспаривается рядом учёных (П. Х. Рокскильд).

[762] La tribuna elettorale 28 marzo 1968. URL: https://www.youtube.com/watch?v=xjNjPjv96js (дата обращения: 28.03. 2025).

[763] La tribuna elettorale 25 marzo 1970. URL: https://www.youtube.com/watch?v=P8hDbPUtfk4 (дата обращения: 28.03. 2025).

[764] La tribuna politica 1972. URL: https://www.youtube.com/watch?v=W-YQmv9hWM4 (дата обращения: 28.03.2025).

[765] Baldoni A. Op. cit. P. 201.

наибольшее влияние на события оказывали праворадикальные группы, а ИСД обеспечивало им политическую поддержку.

Историк А. Бальдони отмечал, что левые «отстранились» от событий[766], лишь в феврале 1971 г., в самом конце выступлений, в газете «l'Unità» начали появляться статьи, посвящённые проблеме Реджо-ди-Калабрия, в которых предлагались пути решения посредством расширения автономии регионов и инвестирование в них[767]. ИСД также поначалу отстранилась от восставших[768], однако, когда оказалось, что их возглавил Ч. Франко – местный лидер ИСД, руководство партии поддержало выступления, рассматривая их как следствие политики регионализма, поддерживаемой коммунистами.

По мнению И. Монтанелли, восстание в регионе спровоцировало рост антиправительственных настроений, поскольку неспособность решить проблему регионов обнажало слабость правительства, а также вызывало опасения умеренных итальянцев по поводу расширения «левой демагогии», укреплявшей убеждение, что единственная угроза для страны исходит от правых[769].

Перенос столицы и осуждение выступлений со стороны правительственных сил не изменили политического расклада. Напротив, рост давления на ИСД и поддержка партией протестующих привели к успеху на промежуточных административных выборах 13-14 июня 1971 г., на которых те получили до 16 % в Риме и на Сицилии[770], кроме того, на выборах 1972 г. – наиболее успешных за всю историю ИСД – большая часть голосов пришлась именно на юг страны.

Похожая ситуация произошла в 1971 г. в городе Аквила, где за несколько дней были разгромлены штаб-квартиры партий и дома политиков. Причиной тому стал перенос региональных управлений в город с молчаливого согласия политических сил. Подобные протесты стали реакцией на бездействие властей, что укрепляло уверенность в том, что решение проблем теперь зависело бы не от представителей

---

[766] Ibid. P. 200.
[767] L'Unità. 23 febbraio 1971.
[768] Il Secolo d'Italia. 16 luglio 1970.
[769] Montanelli I., Cervi M. L'Italia negli anni di piombo (1965-1978). Milano, 2013. P. 113.
[770] Ibid. P. 112.

власти, а от тех, кто был решительнее и смелее[771].

Помимо этого, в 1970 г., параллельно с вышеперечисленными событиями, в стране была совершена попытка государственного переворота, организованная князем Ю. В. Боргезе. Общественности стало известно об этом лишь через несколько месяцев, в 1971 г. Это спровоцировало ряд расследований, выяснивших причастность к заговору как ряда неофашистских внепарламентских групп[772], так и итальянской разведки[773]. Кроме того, было доказано, что князь Ю. В. Боргезе пытался наладить связь с рядом итальянских промышленников и посольством США, с целью заручиться поддержкой и финансированием[774]. Несмотря на то, что ряд исследователей склонны приписывать определяющую роль в формировании и поддержке праворадикальных групп США[775], всё же эта позиция представляется автору исследования конспирологической, поскольку не имеет прямых доказательств и отчасти противоречит логике политических процессов, разворачивавшихся в стране.

Несмотря на то, что переворот по неясным причинам был остановлен прямо перед началом операции, получившей название «Тора-тора», сама новость о нём и причастности неофашистских групп дискредитировала и ИСД, хотя об их участии в заговоре имелись лишь косвенные доказательства[776]. Акция князя Ю. В. Боргезе носила скорее демонстративный характер, нежели была направлена на реальный захват власти. Так, П. Ненни видел в этом лишь «тревожный синдром кризиса государства и власти, раз четверо болванов решили, что могут захватить власть»[777].

Безусловно, левые силы интерпретировали события как попытку установить военный диктаторский режим, который бы активно поддерживался США, подобно

---

[771] Ibid. P. 111.
[772] Tonietto N. Un colpo di stato mancato? Il golpe Borghese e l'eversione nera in Italia URL: https://www.studistorici.com/2016/09/29/tonietto_numero_27/ (дата обращения: 28.03. 2025).
[773] Ibid.
[774] Ibid.
[775] См. Гансер Д. Секретные армии НАТО: Секретные армии НАТО: Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. М., 2020.
[776] Artemi C. The "Borghese Golpe" in Italy as Seen from Andreotti Diaries // Global Academic Journal of Humanities and Social Sciences. Vol. 4. Iss. 2. 2022. P. 60.
[777] Montanelli I., Cervi M. L'Italia negli anni di piombo (1965-1978). P. 112.

греческому. Произошедшее рассматривалось как прямая угроза «справа», лишавшая страну суверенитета и свобод. Не случайно Э. Берлингуэр, выступая в эфире телепередачи “La Tribuna politica”, подчеркивал, что только левые силы «отстаивают суверенитет страны»[778], а публикации предыдущих лет отсылали к авторитарным режимам в Греции и Латинской Америке, как ярким проявлениям империализма и подавления демократических свобод[779].

Кроме того, заметное влияние имело т.н. «Тихое большинство» (“Maggioranza silenziosa”) – общественно-политическое движение, стихийно возникшее в феврале 1971 г. в Милане для выражения протеста против агрессивных действий левых[780]. В трёх акциях, прошедших с февраля по сентябрь 1971 г. приняли участие сторонники различных партий, объединённых протестом против коммунизма. На демонстрациях участвовали и представители ИСД – И. Ла Русса и М. Тедески[781]. Был создан единый орган движения – «Гражданский антикоммунистический комитет по защите свободы»[782], однако рост напряжения привёл к столкновениям с полицией и расколу, лидеры «Комитета» свернули деятельность, поскольку рассматривали сложившуюся ситуацию как благоприятную для ещё большего роста напряжённости и увеличению столкновений между левыми и правыми экстремистами[783]. Это привело к ликвидации «Молчаливого большинства» и оттоку оставшейся части движения к ИСД, которая продолжала сотрудничество с ними вплоть до 1974 г.[784], однако само появление подобных движений показывало несогласие людей двигаться в фарватере коммунистической политики.

В связи с вышеупомянутыми протестами в Милане примечателен отчёт городского префекта Л. Маццы[785], подготовленного для министра внутренних дел в

---

[778] La Tribuna politica 1972. URL: https://www.youtube.com/watch?v=W-YQmv9hWM4 (дата обращения: 28.03.2025) (6:30-6:35).
[779] L’Unità. 5 settembre 1969.
[780] Baldoni A. Op. cit. P. 207.
[781] Maggioranza silenziosa (Collettivo Cinema Militante milanese, 1972). URL: https://www.youtube.com/watch?v=1u91hUWiWGY (дата обращения: 28.03. 2025).
[782] Baldoni A. Op. cit. P. 207.
[783] Ibid. P. 209.
[784] Ibid. P. 210.
[785] Л. Мацца (1910-2000) – итальянский офицер и политик. Член движения Сопротивления. В 1950-1970-е гг. занимал пост префекта в различных городах Италии. В 1974 г. добровольно покинул пост

1970 г.[786] В документе давалась развёрнутая характеристика сложившейся в городе ситуации. Так, Л. Мацца оценивал численность маоистских экстремистов (куда он вписывал группы “Lotta continua”, “Blocco Studentesco”» и др.) и праворадикальных террористов числом до 20 тыс. человек. Рост их численности был обусловлен неконтролируемой пропагандой в молодёжной и рабочей среде, а также мягкое законодательство, обеспечивавшее арестованным зачинщикам быстрый выход из тюрьмы[787]. «Заявленная цель экстремистов – доказать, что “само присутствие” полиции нарушает свободу слова и собраний, является провокацией и причиной инцидентов. Эти экстремисты сформировали военизированные группы, обладают организацией, снаряжением и вооружением (медицинской службой, радиосвязью между группами), они перехватывают полицейские радиопереговоры, носят каски, металлические прутья, рогатки для метания стальных шаров, сумки с “коктейлями Молотова”, булыжники, кирпичи, дубинки и т. д.»[788], – говорится в отчёте миланского префекта.

В заключительной части своего отчёта Л. Мацци приводил статьи Конституции и итальянского законодательства, которые нарушались действиями милитантов[789]. Префект пришёл к выводу о необходимости твёрдой политической воли для пресечения беспорядков, констатируя, таким образом, слабость и недостаточность действий официальных властей.

Очевидно, к 1971 г. протесты лишь набирали обороты, поскольку никаких решительных мер предпринято не было. Кроме того, с критикой на Л. Мацци обрушились левые активисты и политики. Газета «l’Unità» обвинила его в клевете, а журналист Э. Скальфари – один из основателей газеты «La Repubblica» – прокомментировал заявления префекта следующим образом: «Префект – либо глупец, не понимающий происходящего, либо пристрастный тип, не желающий

префекта Милана из-за публичной травли, развернувшейся в 1970-1974 гг. со стороны левых и леворадикальных сил.

[786] Rapporto di L. Mazza. Testo integrale. URL: https://www.misteriditalia.it/il68/fine-nascita/rapportomazza/TESTOINTEGRALERapportoMazza.pdf (дата обращения: 24. 06. 2025)

[787] Ibid. P. 1-2.

[788] Ibid. P. 2.

[789] Ibid. P. 3.

ничего понимать. Милан заслуживает префекта Республики, а не рупора так называемого “молчаливого большинства”, которое на деле является всего лишь ноющим меньшинством»[790].

Таким образом, ситуация настолько обострялась, что любое обращение к конституционному порядку воспринималось оппозиционными силами крайне негативно, поскольку те обладали как средствами массовой информации, так и людскими ресурсами. Конечно, Милан занимал особое место в эпоху радикализации политики и последующих «Свинцовых семидесятых», став ареной борьбы между «противоположными крайностями», но случай с публичными нападками на представителя власти и последующее бездействие властей ярко свидетельствует о глубоком кризисе центризма в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

Наконец, одним из ключевых поводов к активизации левых стали чилийские события 1973 г. В газете «La Rinascita» секретарь ИКП написал ряд статей, посвященных сути переворота в Чили и тем опасностям, которые они несут для левых в мире и Италии[791]. По мнению лидера коммунистов, события в Чили были лишь одним из проявлений империализма, испытывавшего кризис и сопротивлявшегося «тенденции, утверждающейся в мировом историческом процессе»[792], т.е. освобождению от «реакционных сил».

В характерной для коммунистов риторике, Э. Берлингуэр описывал и этапы политической борьбы в Италии за прошедшие десятилетия. Так, оппозиция А. Де Гаспери в 1947-1948 гг., борьба против «мошеннического закона» 1953 г., выступления против правительства Ф. Тамброни в 1960 г., а также «горячая осень» 1969 г. были, по мнению политика, ключевыми этапами стратегии левых по изменению «соотношения сил» и формированию устойчивой оппозиции правоцентристским тенденциям, рассматривавшихся как очевидное зло.

Перечисленные эпизоды политической борьбы коммунистов имели прямое отношение и к деятельности ИСД, поскольку партия принимала непосредственное

---

[790] Montanelli I., Cervi M. L’Italia negli anni di piombo (1965-1978). P. 91.
[791] Bedeschi G. Op. cit. P. 225.
[792] La Rinascita. 1973. № 38.

участие в тех событиях и её деятельность носила подчёркнуто антикоммунистический характер. Так, в 1948 г. ИСД сыграла важную роль в недопущении коммунистов к власти в Риме на местных выборах, в 1960 г. была единственной, кто поддержал правоцентристскую инициативу Ф. Тамброни, в 1969 г. вела агитацию против выступлений, организованных коммунистами, обвиняя их в радикализации политики и стремлении захватить власть.

Можно сказать, что ИСД традиционно выступала историческим «противовесом» ИКП, стабильно поддерживая и сопровождая правые тенденции в ХДП. Именно поэтому Э. Берлингуэр объявил о необходимости оставить попытки создания правоцентристских альянсов и изменить соотношение сил, сформировав правительство из партий, действительно представлявших, большинство – ИКП и ХДП: «Серьёзность проблем страны, постоянно надвигающиеся угрозы реакционных авантюр и необходимость наконец открыть для народа надежный путь к экономическому развитию, социальному обновлению и демократическому прогрессу делают всё более насущным и зрелым достижение того, что можно определить как новый великий “исторический компромисс” между силами, которые объединяют и представляют подавляющее большинство итальянского народа», – заключал политик.

Указанные события могли также спровоцировать недоверие к ИСД у электората, несмотря на её трансформацию и попытку отказа от фашистской риторики в публичном пространстве (сам Дж. Альмиранте не поддерживал режим А. Пиночета, называя его «диктатором», правда, уже в 1980-е гг.[793]). Хотя перечисленные события касались партии лишь косвенно, они были спровоцированы или поддержаны представителями «правого» лагеря в различных его вариациях. В совокупности со сравнительно скромными электоральными успехами, отмеченными, в целом, эпизодическими победами, у представителей антифашистских сил складывалась обеспокоенность по поводу общественного потенциала ИСД: не было полной ясности, насколько глубоко укоренена партия в

[793] Faccia a faccia da 29. 04. 1987. URL: https://youtu.be/lkY8jty2vwU?si=2hfbJSyPVzVuTq2Y (дата обращения: 27.06. 2025)

социальных структурах, насколько мощным мобилизующим потенциалом она может обладать. Эта неясность прослеживалась и на официальном уровне, так, Дж. Андреотти указывал на отсутствие уверенности в том, что миссинцы не склонны к диктатуре: «Сложно сказать, является ли он диктатором [Дж. Альмиранте – *Д. Д.*], поскольку диктатор никогда не говорит, что он диктатор, до того момента, как он придёт к власти»[794].

Помимо этого, перестройки, начатые Дж. Альмиранте, носили поверхностный характер, активизация политической деятельности и некоторые перемены в политическом языке ИСД не убеждали как оппонентов, так и самих миссинцев. Вновь начинались трения между молодёжью, имевшей тесные связи с внепарламентскими правоэкстремистскими группами и испытывавшей неудовлетворённость от невозможности высказывать своё мнение. Характерен в этой связи казус М. Тарки, которого исключили из партии за сатиру в журнале “La voce della fogna”[795], спровоцированную чувством глубокой внутренней неудовлетворённости от ностальгических настроений, всё ещё царивших в высших партийных кругах (Приложение 6).

Отсутствие существенных внутренних преобразований в данный период, на фоне усиления политической нестабильности, обусловило падение влияния ИСД и дальнейшую дезинтеграцию партии. Сохранение идеологического наследия, ассоциируемого с фашизмом, наряду с эффективной трактовкой коммунистами кризисных явлений в национальном и глобальном контекстах способствовало росту популярности ИКП и попыткам сближения левых с христианскими демократами в рамках политики «Еврокоммунизма», активным сторонником которого был Э. Берлингуэр.

Логичным следствием обозначенных внутренних противоречий и ограниченности предпринятых в «Движении» преобразований стал постепенный упадок ИСД отчётливо проявившийся в результатах электоральной борьбы.

---

[794] Italia Tricolore. Luglio-agosto 1971 // F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 2. F. 51. P. 1007.
[795] Tarchi, la voce della fogna che scosse il Msi: «Ecco perché fui mandato via…» // Il Secolo d’Italia. 8 novembre 2016.

Электоральная динамика «Итальянского социального движения» и Итальянской коммунистической партии в 1972–1992 гг. в этом контексте демонстрирует устойчивое доминирование левого фланга и постепенную маргинализацию неофашистского проекта. Согласно данным, отражённым на графике (Приложение 7), коммунисты стабильно сохраняли высокие показатели поддержки (28 до 34 % голосов), достигая пика на выборах 1976 г. Несмотря на некоторое снижение в 1980-х гг., ИКП оставалась второй по влиянию политической силой в стране, что подтверждает её способность адаптироваться к трансформирующимся социально-политическим условиям и сохранять массовую электоральную базу.

В то же время показатели ИСД на протяжении двух десятилетий оставались в пределах 5–9 %, демонстрируя незначительные колебания и отсутствие устойчивого роста. Попытки партии позиционировать себя как правоконсервативную альтернативу коммунистам не привели к расширению электоральной поддержки. После кратковременного подъёма в начале 1980-х гг. последовал новый спад, что говорит о неспособности ИСД преодолеть статус нишевой партии в этот период (Приложение 8).

Хотя ИСД продолжало заявлять о себе как о единственном противовесе коммунистическому влиянию, динамика выборов ясно показывает несопоставимый масштаб их электоральных потенциалов (Приложение 9). В условиях политической поляризации 1970-х гг. население преимущественно отдавало предпочтение ИКП, видя в ней силу, способную обеспечить социальную стабильность в коалиции с ХДП. В этот период коммунисты активно пытались вновь встроиться в демократический процесс, тогда как ИСД постепенно теряло вес. Разочарование радикально настроенной молодёжи привело к деградации партийных структур и переходу части активистов в экстремистские организации, такие как «Политическое движение Новый порядок» или «Национальный авангард». В 1970-е гг. подобные группы, наравне с левыми экстремистами, например, «Красными бригадами», стали инициаторами политического насилия, сформировавшего политический климат т.н. «Свинцовых семидесятых» (итал. “Anni di piombo”).

***

Идеологические и политические трансформации ИСД в 1946-1973 гг. свидетельствуют о том, что формирование партии стало результатом сложного компромисса между экс-фашистами и властями нового итальянского государства. Власти расценивали ИСД как дополнительный инструмент противодействия «коммунистической угрозе», в то время как для бывших фашистов партия стала легальной площадкой для политического участия.

Внутренняя гетерогенность партии определила её нестабильное развитие. В начальный период своего существования ИСД позиционировала себя как революционная партия корпоративистского толка, а уже в середине 1950-х 1960-е гг. пыталась встроиться в демократическую систему в качестве правой оппозиционной партии. Подобные перемены в политическом курсе привели к росту внутреннего напряжения и череде расколов, попыткой преодоления которых стала радикализация политической риторики с приходом к власти Дж. Альмиранте в 1969 г.

Тем не менее, несмотря на активную внутреннюю полемику, партия так и не смогла преодолеть внутренние противоречия и организационную слабость, вызванную постоянными расколами. Внешние факторы – крах правоцентристских проектов, усиление левых, изменение международного контекста и рост политической напряжённости – окончательно лишили ИСД перспектив, предопределив её упадок и переход инициативы к более радикальным группам, сформировавшим политический контекст «Свинцовых семидесятых».

Вместе с тем, историческое значение ИСД выходит за рамки его непосредственных политических неудач. Партия стала важным звеном в эволюции итальянского правого движения, сохранив и адаптировав к новым условиям идеи корпоративизма и «третьего пути». Опыт ИСД, особенно его позднего периода, был впоследствии использован «Новыми правыми» 1980-х-1990-х гг. В более широком смысле, история ИСД демонстрирует сложности адаптации радикальных политических сил к условиям демократической системы, где успех требует не

только идеологической последовательности, но и способности к компромиссам и институциональному взаимодействию.

Заключение

Формирование неофашизма в Италии стало результатом политических процессов, развернувшихся в стране после окончания Второй мировой войны. В первые послевоенные годы особо важное значение в установлении нового порядка играли партии антифашистского Сопротивления, принимавшие участие в гражданской войне 1943-1945 гг.

Главные из этих сил – Итальянская социалистическая партия, Итальянская коммунистическая партия и Христианско-демократическая партия, формировали собственные политические проекты по переустройству государства. Эти проекты выстраивались на основе специфических философских воззрений, присущих каждой из сторон и формировавших их представления об обществе и государстве. Анализ публичных выступлений партийных лидеров и статей периодической печати каждой из партий показал фундаментальные различия во взглядах на политическое у каждой из сторон. Именно эти различия не позволили наладить взаимодействие в рамках «совещательной модели» и вылились в борьбу за «гегемонию», в рамках которой оказались востребованы оппозиционные силы, не входившие в Сопротивление – «Фронт Уомо Квалюнкве» и, затем, «Итальянское социальное движение».

На фоне противостояния антифашистских партий осуществлялась политическая реорганизация экс-фашистов, проходившая несколькими путями: сторонники подпольной террористической деятельности отстаивали идеи непримиримой борьбы и невозможности договориться с антифашистскими силами. Другим путём было использование иных оппозиционных антифашистскому режиму партий, в особенности, «Фронта Уомо Квалюнкве» Г. Джаннини, поскольку тот формировал «зонт» для всех несогласных с официальными властями и задумывал партию как разнородную площадку для продвижения технократических идей. Наконец, основным способом осуществления легальной деятельности стало создание собственной партии – «Итальянского социального движения».

Появление ИСД стало возможным благодаря взаимодействию правительственных сил, Ватикана и экс-фашистов. Каждая из сторон преследовала собственные интересы. Так, христианские демократы и Ватикан стремились не допустить к власти коммунистов, представлявших для них угрозу, и примирить расколотую войной нацию, опасаясь возможных переворотов и восстаний как со стороны сторонников прежнего порядка, так и левых сил. Экс-фашисты хотели получить право сформировать орган, который обеспечил бы им политическое представительство и защиту от злоупотреблений в рамках «политики чисток». «Согласовательный» характер взаимодействия указанных сил, ввиду пересечения их интересов, привёл к успешной реализации задуманных целей каждой из сторон. Так, ХДП удалось удержать политическое лидерство, а неофашисты обеспечили себе доступ в публичное и политическое пространство на легальных основаниях.

Существование «Итальянского социального движения» также характеризовалось наличием постоянной внутренней полемики в попытке выработать единую политическую линию. При общих фашистских истоках его участники зачастую по-разному понимали суть идеологии, цели, методы борьбы и будущие перспективы, что вызывало непреодолимые противоречия, расколы внутри партии и, как следствие, «фрагментацию» неофашизма.

«Итальянское социальное движение» корректно рассматривать в качестве пространства, в котором развивалась полемика между различными фракциями, стремившимися занять позицию «гегемона», т.е. определять политический курс и идеологию партии. Так, «левые фашисты» – выходцы из Республики Салò, которые отстаивали идею создания «Государства труда», «социализации собственности» и промышленных предприятий, стремились переосмыслить фашистское прошлое через призму корпоративизма ИСР. По своей форме их риторика походила на коммунистическую, но формировалась на иных логических основаниях: так, главной причиной исторического и политического процесса левые фашисты видели не классовое противостояние, а борьбу между органично сформировавшимися коммунальными сообществами, с собственной иерархией и республиканскими

традициями, и сеньорами, олицетворявшими частный капитал, уничтожавший коммунальные порядки и присваивавший общественную собственность себе.

«Умеренные», в свою очередь, выстраивали риторику, фокусируясь на поддержании консервативного и антикоммунистического порядка, воспроизводя риторику «фашизма-режима», но не столько для идеологического обновления, сколько для легитимации в сложившемся политическом контексте. Большая часть членов ИСД была именно умеренными, образуя «центр» в партии и, следовательно определяя её курс.

Молодёжное крыло ИСД, выступавшее за радикализацию политики и пересмотр старых фашистских установок, можно охарактеризовать как внутреннюю оппозицию, которая стремилась изменить сложившееся соотношение сил в партии путём радикализации риторики. Представители этого крыла стремились возродить «фашистский миф», осуществив его «пересборку» на основе философских идей Ю. Эволы. Несмотря на то, что внутри партии эта позиция балансировала на грани маргинальности, в околопартийных кругах и молодёжных организациях она пользовалась большой популярностью и во многом предопределила развитие всего неофашистского дискурса, как внутри ИСД, так и за его пределами, во многом став также источником для оформления молодёжного протеста конца 1960-х гг. «справа».

В период 1950-1960-х гг. ИСД пыталась закрепиться в политике, играя вспомогательную роль в правоцентристских конфигурациях правительства, однако открытость к диалогу с антифашистскими силами провоцировала рост напряжения внутри партии, поскольку «левые» и «правые» во многом не разделяли позиции «умеренных». А. Микелини, занимавший пост секретаря с 1954 по 1969 гг. фактически установил личный контроль над партией и не допускал развития альтернативных позиций. Это способствовало стабилизации партии на политическом ландшафте, однако препятствовало развитию альтернативных позиций, что провоцировало постоянный рост внутреннего напряжения. Из-за его просчётов ИСД вновь оказалась в изоляции в 1960-е гг., а А. Микелини был дискредитирован, что привело к оформлению параллельного праворадикального

дискурса в лице организации «Новый Порядок», осуществлявшей интеллектуальное и культурное переосмысление фашизма и имевшей большое влияние в молодёжной среде.

Конец 1960-х – начало 1970-х гг. характеризовался резкой радикализацией политического пространства, вызванного молодёжными протестами и общей неудовлетворённостью нового поколения традиционными политическими институтами. На фоне кризиса «центризма» обострялась и борьба между неофашистами с коммунистами за право формировать коалиционное правительство с ХДП. В сложившихся условиях, новый секретарь ИСД Дж. Альмиранте попытался осуществить ряд внутренних реформ. Партия приступила к более решительной политической борьбе, поддерживая антиправительственные выступления на Юге страны, осуждая политику левых по мобилизации рабочих и студенческих масс, пытаясь сформировать эффективный ответ заявлявшемуся «росту коммунистической угрозы». Также была смягчена неофашистская риторика, партия пыталась трансформироваться в «национальную правую», постепенно уходя от идей «мифа Республики Салò». Этот курс принёс временные результаты на выборах 1971-1972 гг., что спровоцировало активизацию критики со стороны коммунистов, рассматривавших «Движение» как один из эпизодов «наступления правых» во всём мире. Итогом критики стало официальное предложение создать коалицию ИКП-ХДП с целью преодолеть политический кризис и не допустить роста влияния «фашистов». Эта инициатива получила название «исторический компромисс», обозначив курс на попытку постепенного сближения коммунистов и христианских демократов в 1970-е гг.

На фоне противостояния с коммунистами, миссинцы не сумели удержать позиции и добиться больших успехов. По сути, шанс стать одной из ведущих партий, наравне с ХДП, ИСП и ИКП, был упущен еще при А. Микелини, а внешние изменения партии в период Дж. Альмиранте не сумели остановить отток избирателей и радикализацию молодёжи, поскольку инициативы Дж. Альмиранте являлись лишь реактулизированными проектами А. Микелини, осуществлявшимися более решительным образом. Проект альянса антикоммунистических сил,

получивший название «национальная правая», являлся тем же проектом «большой правой» А. Микелини, с теми же участниками – монархистами и сторонниками либеральной партии.

Несмотря на демонстративное привлечения молодёжи и попытки работы с ней, верхушка партии оказалась глуха к низовым инициативам. Более того, в этот же период была создана партийная школа, призванная формировать новых функционеров, основываясь на корпоративистских идеях, уже не столь популярных среди молодёжи 1970-х гг.

Отсутствие глубинных трансформаций и гибкости в их осуществлении в этот период, предопределило поражение ИСД в гонке с ИКП и спровоцировало новую череду расколов, сформировавших особый общественно-политический и интеллектуальный климат в праворадикальной среде 1970-1980-х гг. Таким образом, хотя внутренняя перестройка не привела к существенным изменениям в партии, она спровоцировала изменения праворадикального политического ландшафта в целом.

В целом, исследование «Итальянского социального движения» открывает перспективы дальнейшего изучения европейских праворадикальных партий и движений в компаративном ключе, что позволит выявить общее и особенное этих сил, определить формы и пути их взаимовлияния, глубже понять механизмы трансформаций в демократических условиях. Так, недостаточно изучены формы взаимодействия ИСД с французским «Национальным фронтом» Ж-М. Ле Пена, которому миссинцы оказывали разностороннюю поддержку.

Политическое взаимодействие между различными праворадикальными партиями также можно проследить в рамках общеевропейских объединений, например, «Европейского социального движения» 1950-х гг. или «Национальной партии Европы» 1960-х гг. Кроме того, отдельным сюжетом, требующим научного осмысления, является «мифология» праворадикальных сил. В этой связи будет примечательно изучение символического влияния образов Третьего Рейха на мироощущение и идеологию молодёжных неофашистских движений.

Список сокращений

ИКП – Итальянская коммунистическая партия

ИСД, «Движение» – партия «Итальянское социальное движение»

ИСП – Итальянская социалистическая партия

ИСР – Итальянская Социальная Республика

КНО – Комитеты национального освобождения

НМП – Национальная монархическая партия

НП – праворадикальное движение «Новый порядок»

ФАР – подпольная организация «Фаши революционного действия»

ФУК – популистская партия «Фронт Уомо Квалюнкве»

ХДП – Христианско-демократическая партия Италии

Список источников и литературы

1. Неопубликованные источники

1. Biblioteca della Fondazione Ugo Spirito. Fondo MSI. Serie 2. Fascicoli 49,50, 56; Serie 3. Fascicolo 59; Fondo Cassiano M. Serie 1. Fascicolo 4; Serie 2. Sottoserie 1. Fascicoli 10, 16, 20, 22, 26, 34, 35; Serie 2. Sottoserie 2. Fascicoli 51, 53.

2. Опубликованные источники официального происхождения

2. LEGGE 20 giugno 1952, n. 645. URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1952-giugno-20;645!vig= (дата обращения: 14.01.2025).

3. LEGGE 31 marzo 1953, n. 148. URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1953-03-31;148 (дата обращения: 14.01.2025).

4. Manifesto di Verona. URL: https://larchivio.com/xoom/cartadiverona.htm (дата обращения: 03.12.2024).

5. Treaty of piece with Italy. Art. 23. URL: https://web.archive.org/web/20210507200222/https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust000004-0311.pdf (дата обращения: 14.01.2025).

6. AA. VV. La Guerra rivoluzionaria. Roma, 1965. – 272 p.

7. Cannarsa S. Il socialismo e i XXVIII Congressi Nazionali del Partito socialista italiano. Firenze: Casa editrice Avanti!, 1950. – 343 p.

8. Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale. Relazione e documenti presentati dalla direzione del partito al V congresso del Partito comunista italiano. Roma: Editori riuniti, 1963. – 354 p.

9. Il Partito socialista nella Resistenza. I documenti e la stampa clandestina (1943-1945). Pisa: Nistri-Lischi, 1988. – 485 p.

10. Le idee ricostruttive della democrazia cristiana. Roma, 1943.

11. Тольятти П. Речи в Учредительном собрании. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – 405 с.

12. Amicizia italo americana il viaggio di De Gasperi negli Stati Uniti. 16.01.1947. URL: https://patrimonio.archivioluce.com/luce-web/detail/IL5000009739/2/-6918.html (дата обращения: 12.08.2024).

13. Carnelutti F. Il Processo. URL: https://www.rigenerazionevola.it/evola-al-processo-ai-f-a-r-larringa-di-f-carnelutti/ (дата обращения: 13.01.2024).

14. Carnelutti F. In difesa di Julius Evola // Controvento. Napoli: Morani Editore, 1961. P. 327-364.

15. De Gasperi A. Discorsi politici. Vol. I. Roma: Cinque Lune, 1956. – 325 p.

16. De Gasperi A. Discorsi politici. Vol. II. Roma: Cinque lune, 1956. – 345 p.

17. Evola J. Autodifesa. URL: https://www.rigenerazionevola.it/julius-evola-al-processo-ai-f-a-r-lautodifesa/ (дата обращения: 02.09.2024).

18. Giorgio Almirante. Seduta del 4 giugno 1948. URL: https://www.giorgioalmirante.it/seduta-del-4-giugno-1948/ (дата обращения: 14.01.2025).

19. Intervista a colloquio con Saragat // Archivio Luce. URL: https://patrimonio.archivioluce.com/luce-web/detail/IL5000009836/2/-6927.html (дата обращения: 31.07.2024).

20. Nenni P. Una battaglia vinta. Roma: Edizioni Leonardo, 1946. – 145 p.

21. Rapporto di L. Mazza. Testo integrale. URL: https://www.misteriditalia.it/il68/fine-nascita/rapportomazza/TESTOINTEGRALERapportoMazza.pdf (дата обращения: 24. 06. 2025).

22. Saragat G. Il discorso di palazzo Barberini (12 gennaio 1947). URL: https://files.spazioweb.it/77/bb/77bb1429-b0ef-4dce-b385-0036d20d8894.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

23. Saragat G. Quaranta anni di lotta per la democrazia. Milano: U. Mursia, 1966. – 647 p.

24. Togliatti P. Avanti, verso la democrazia! Mosca: Edizioni in lingue estere, 1945. – 65 p.

25. Intervento di G. Almirante su “La Tribuna politica” 25 maggio 1970. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NvAYGIt_Vvg (дата обращения: 18. 02. 2025).

26. Intervento di G. Almirante su “La tribuna elettorale” 28 marzo 1968. URL: https://www.youtube.com/watch?v=xjNjPjv96js (дата обращения: 28.03. 2025).

27. Intervento di E. Berlinguer su “La tribuna politica” 1972. URL: https://www.youtube.com/watch?v=W-YQmv9hWM4 (дата обращения: 28.03.2025).

3. Источники личного происхождения

28. Варлимонт В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. 1939-1945. М.: Центрполиграф, 2005. URL: https://militera.lib.ru/memo/german/warlimont_w01/text.html?ysclid=m2ua6bx2k6334645757 (дата обращения: 29.10.2024).

29. Черчилль У. Вторая мировая война. В 6 т. Т. 3. Москва: ТЕРРА, 1998. – 368 с.

30. Чиано Г. Дневник фашиста, 1938-1943. М.: Издательство «Плац», 2010. – 627 с.

31. Almirante G. Autobiografia di un “fucilatore”. Roma: Editore Fondazione Giorgio Almirante, 2021. – 249 p.

32. Concutelli P. L. Io, l’uomo nero. Una vita tra politica, violenza e galera. Venezia: Marsilio, 2014. – 208 p.

33. Contropelo con E. Tortora. URL: https://www.youtube.com/watch?v=KjingqCxxt8 (дата обращения: 04. 08. 2023).

34. De Gasperi. M. R. De Gasperi scrive. Corrispondenza con capi di stato, cardinali, uomini politici, giornalisti, diplomatici. Vol. II. Brescia: Morcelliana, 1981. – 315 p.

35. Faccia a faccia da 29. 04. 1987. URL: https://www.youtube.com/watch?v=BNvs7c2iEZI (дата обращения: 04. 08. 2023)

36. Masellis N. Pagine della storia d’Italia (1943-1946). Roma: A.E.I., 1952. – 115 p

37. Rossi A. Figlio del mio tempo. Roma: Romana libri alfabeto, 1969. – 289 p.

4. Публицистика

38. Almirante G., Palamenghi-Crispi. Il Movimento Sociale Italiano. Milano: Nuova Accademia Editrice, 1958. – 140 p.

39. Andreotti G. Intervista su De Gasperi. Roma-Bari: Laterza, 1977. – 177 p.

40. Amendola G. Intervista sull’antifascismo. Roma: Laterza, 1976. – 220 p.

41. Basso L. Due totalitarismi. Fascismo e democrazia cristiana. Cernusco sul Naviglio: Lampada, 1951. – 291 p.

42. Biancotti A. Lettera aperta di un italiano al Presidente De Gasperi. Torino: Società editrice Superga, 1952. – 28 p.

43. Bombacci N. Dove va la Russia? Dal comunismo al panslavismo. Padova: Editrice Minerva, 1944. – 21 p.

44. Chiarissi L. Esame di cocsienza di un fascista. Roma: Settimo Sigillo, 2010. – 143 p.

45. De Gasperi A. Un partito di popolo. Roma: EBE, 1973. – 206 p.

46. Evola J. Gli uomini e le rovine. Roma: Edizioni Mediterranee, 2001. – 304 p.

47. Evola J. Orientamenti. Undici punti. Roma: Imperium, 1950. – 116 p.

48. Gentile G. Genesi e struttura della società. Saggio di filosofia pratica. Firenze: G. C. Sansoni – editore, 1946. – 191 p.

49. Giannini G. La folla. Seimilla anni di lotta contro la tirannide. Roma: Faro, 1945. – 310 p.

50. Graziani C. La guerra rivoluzionaria. Firenze: Passagio al bosco, 2020. – 88 p.

51. Manunta U. La caduta degli angeli. Storia intima della Repubblica sociale italiana. Roma: Azienda editoriale italiana, 1947. – 241 p.

52. Mazzantini C. A cercar la bella morte. Venezia: Marsilio Ed., 1995. -320 p.

53. Nenni P. Il Centenario del “Manifesto” di Marx e di Engels. Roma: Chillemi, 1948. – 15 p.

54. Nenni P. Intervista sul socialismo italiano. Bari: Laterza, 1977. – 169 p.

55. Nenni P., Emiliani P.. Dieci anni perduti. Cronache del socialismo italiano (1943-1953). Pisa, 1953. – 156 p.

56. Pansa G. Il sangue dei vinti. Quello che accadde in Italia dopo il 25 aprile. Milano: Sperling & Kupfer, 2003 – 380 p.

57. Prezzolini G. Il Manifesto dei conservatori. Milano, 1972. – 145 p.

58. Rauti P. Le idee che mossero il mondo. Napoli: Controcorrente, 2007. – 560 p.

59. Romualdi A. Una cultura per l'Europa. Roma: Edizione Settimo Sigilli, 2013. – 88 p.

60. Tedeschi M. Destra Nazionale: sintesi di una politica nuova. Milano: il Borghese, 1972. – 183 p.

61. Togliatti P. Opere scelte. Roma: Editori Riuniti, 1974. – 1190 p.

62. Wilson C. The outsider. NY., 1956. – 302 p.

5. Периодические печатные издания

63. Asso di Bastoni. 13 aprile 1952, 27 aprile 1952, 4 maggio 1952.

64. Il Corriere della sera. 6 giugno 1946.

65. Il Popolo. 12 settembre 1944; 4 marzo 1945; 12 maggio 1946, 5 novembre 1946; 1 agosto 1947.

66. Il Secolo d'Italia. 16 luglio 1970; 8 novembre 2016.

67. Imperium. 1950. № 1, № 2, № 3.

68. L'Unità. 23 gennaio 1947, 24 gennaio 1947, 20 maggio 1947; 5 settembre 1969; 23 febbraio 1971.

69. L'Uomo Qualunque. 1944 № 1; 1945 № 5, № 8, № 10, № 11, № 22, № 29. № 38.

70. La Rinascita. 1944 № 1; 1947 № 1, № 2, № 4, № 6; 1969. № 49; 1973. № 38.

71. La Stampa. 26 marzo 1960.

72. Mercurio. 1944 №2.

6. Статистические материалы

73. Elezioni Camera-Senato 1953, 1963, 1968, 1972, 1976, 1979, 1983, 1987, 1992. URL: https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=C&dtel=0 (дата обращения: 15. 12. 2025).

Литература

74. Алексеенкова Е. С. Трансформизм итальянского популизма: Мелони, Сальвини, Берлускони // Европа в глобальной пересборке. Москва: ИЕ РАН, 2023. С. 97-113.

75.Белоусов Л. С. Режим Муссолини и массы. Москва: Изд-во МГУ, 2000. – 368 с.

76. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности (The Social Construction of Reality). URL: https://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Berger_Lukman_-_Sotcialnoe_konstruirovanie_realnosti_Skepdic.ru_.pdf . (дата обращения: 10.04.2024).

77. Болгова И.В., Маслова Е. А. «Запрос» на вмешательство: отношения Италии и Франции с США в 1945—1948 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. № 15(4). URL: https://history.jes.su/s207987840031503-2-1/ (дата обращения: 14.04.2025).

78. Вебер М. Политика как призвание и профессия. Москва: АСТ, 2018. – 232 с.

79.Гайденко П. П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990. С. 5-43.

80. Гансер Д. Секретные армии НАТО: Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. Москва: Кучково поле, 2020. – 336 с.

81. Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и её корни // Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история. Москва: Новое издательство, 2004. С. 189-242.

82. Гинзбург К. Соотношение сил. Москва: НЛО, 2024. – 184 с.

83. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. Москва: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2010. – 400 с.

84. Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2021. – 395 с.

85. Замов Э. А. Джорджо Альмиранте: фашист после фашизма // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2016. № 18. С. 208-217.

86. Кин Ц. Итальянский ребус. Москва: Политиздат, 1991. – 415 с.

87. Князева С. Е. «Неофашистская партия Итальянское социальное движение и “дело 12 декабря”» // Фашизм и антифашизм: проблемы теории и практики. Санкт-Петербург: Алетейя, 2023. С. 573-602.

88. Князева С. Е. Итальянский фашизм в контексте итальянской идентичности: социокультурные практики // Фашизм, неофашизм и их преступная практика. Москва: Издательство «Весь Мир», 2021. С. 192-202.

89. Комолова Н. П. Классовые бои в итальянской деревне. Москва: АН СССР, 1963. – 342 с.

90. Комолова Н. П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. Москва: Наука, 1972. – 443 с.

91. Лонго Л. Уроки антифашистского Сопротивления. Москва: Мысль, 1980. – 439 с.

92. Любин В. П. Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники 1892-2006. Москва: Наука, 2007. – 463 с.

93. Михайленко В. И. Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск: Изд-во Урал. ин-та, 1987. – 240 с.

94. Михельс Р. Социология политической партии в условиях современной демократии: исследование олигархических тенденций в совместной жизнедеятельности. Москва: Дело, 2022. – 448 с.

95. Нестеров А. Г. История Итальянской Социальной Республики: специальность 07.00.03 «Всеобщая история (новая и новейшая история)»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук Нестерова Александра Геннадиевича; Уральский государственный университет имени А. М. Горького – Екатеринбург, 2004. – 354 с.

96. Парлато Дж. От фашизма к постфашизму: проблемы преемственности и различий // Известия Уральского государственного университета. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2 (75). С. 120-130.

97. Прашкевич Г. М., Соловьев С. В. Муссолини: Цезарь фашистского режима. Москва: Молодая гвардия, 2018. – 367 с.

98. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. Москва: Кругъ, 2011. – 560 с.

99. Славина Я. Итальянский фашизм: 100 лет постоянства и перемен. Москва: Кучково поле, 2025. – 400 с.

100. Сушков Д. Д. Габриэле Д’Аннунцио как «предтеча» итальянского фашизма // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 4. С. 81–97.

101. Сушков Д. Д. Неофашизм в Италии переходного периода: аспекты политической легитимации // Диалог со временем. 2025. № 91. С. 131-142.

102. Сушков Д.Д. Фашизм и Сопротивление в Италии в интерпретации Коммунистической партии и Христианской демократической партии (1943–1948 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 117–132.

103. Талалай М. Г. Советские партизаны в Северо-Восточной Италии // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 69–75.

104. Тэвдой-Бурмули А. И., Осколков П. В. Существует ли популизм? Переосмысляя «политологическую моду» URL: https://clck.ru/3Pgj8P (дата обращения: 11. 10. 2025).

105. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Москва – Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2023. – 528 с.

106. Уайт Х. Практическое прошлое. Москва: НЛО, 2024. – 192 с.

107. Филатов Г. С. История фашизма в Западной Европе. Москва: Наука, 1978. – 613 с.

108. Филатов Г. С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. Москва: Наука, 1984. – 380 с.

109. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. – 336 с.

110. Albaneo M. The transnational making of Italian neofascism. New York: Routledge, 2025. – 162 p.

111. Almirante G., Palamenghi-Crispi F. Il movimento sociale italiano. Milano: Nuova accademia, 1958. – 140 p.

112. Andreotti G. De Gasperi e la ricostruzione. Roma, 1974. – 118 p.

113. Artemi C. The “Borghese Golpe” in Italy as Seen from Andreotti Diaries // Global Academic Journal of Humanities and Social Sciences. Vol. 4. Iss. 2. 2022. P. 57-62.

114. Baldoni A. Destra senza veli (1946-1972). Roma: fergen, 2017. – 734 p.

115. Barbieri D. Agenda nera. Trent'anni di neofascismo in Italia. Roma: Coines Ed., 1976. – 338 p.

116. Bedeschi G. La prima repubblica (1946-1993). Storia di una democrazia difficile. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2013. – 345 p.

117. Benedetti V. Sovranismo. La grande sfida del nostro tempo. Roma: Altaforte edizioni, 2021. – 327 p.

118. Bianchi E. "Dio, patria e famiglia": ecco perché quello slogan è una bestemmia // La Repubblica. 5 settembre 2022.

119. Bianchi G. 25 liglio crollo di un regime. Milano: Mursia, 1964. – 1070 p.

120. Bertoldi S. Salò. Vita e morte della Repubblica Sociale Italiana. Milano: Rizzoli, 1994. – 497 p.

121. Bötticher A. Towards academic consensus definitions of radicalism and extremism // Perspectives of terrorism. 2017. Vol. 11. P.73-77.

122. Carioti A. Gli orfani di Salò: il "Sessantotto nero" dei giovani neofascisti nel dopoguerra, 1945-1951. Milano: MURSIA, 2008. – 289 p.

123. Carioti A. I ragazzi della Fiamma. Milano: Mursia, 2011. – 298 p.

124. Cassata F. A destra del fascismo. Profilo politico di Julius Evola. Torino: Bollati Boringhieri, 2003. – 540 p.

125. Cavaterra A. La cultura del neofascismo // Annali XXX. P. 185-192.

126. Chiarini R., Corsini P. Da Salò a Piazza della Loggia. Milano: Franco Angeli Editore, 1972. – 450 p.

127. Clementi M. L'alleato Stalin. L'ombra sovietica sull'Italia di Togliatti e De Gasperi. Milano: Rizzoli, 2011. – 393 p.

128. Conti D. Fascisti contro la democrazia. Almirante e Rauti alle radici della destra italiana (1946-1976). Torino: Einaudi, 2023. – 491 p.

129. Corduwener P. Anti-Fascism in the Name of Democracy: The Fronte dell'Uomo Qualunque and its Impact on Italy's Republic // Contemporary European History. 2017. № 26. 1. P. 69–84.

130. Deakin F. W. Storia della repubblica di Salò. Torino: Einaudi Editore, 1963. – 826 p.

131. D’Este C. Bitter victory. The battle for Sicily. July-august 1943. New York: E. P. Dutton, 1988. – 696 p.

132. D’Este C. World War II in the Mediterranean 1942-1945. Chapel Hill: Algonquin books, 1990. – 264 p.

133. De Felice R. Intervista sul fascismo. Roma-Bari: Laterza, 1975. – 125 p.

134. De Felice R. Mussolini l’alleato. La guerra civile. 1943-1945. Torini: Einaudi, 1997. – 768 p.

135. Del Boca A., Giovana M. I “figli del sole”. Mezzo secolo di nazifascismo nel mondo. Milano: Feltrinelli, 1965. – 610 p.

136. Donà A. The rise of the Radical Right in Italy: the case of Fratelli d’Italia // Journal of Modern Italian studies. 2022. Vol. 27. №. 5 P. 775–794.

137. Evolvi G. The World Congress of Families: Anti-Gender Christianity and Digital Far-Right Populism // International Journal of Communication. 2023. № 17. P. 2805–2822.

138. Fairclough N. Discourse and Social change. Cambridge: Polity press, 1992. – 259 p.

139. Fairclough N. Discourse and text: linguistic and intertextual analyses within discourse analysis // Discourse & Society. 1992. Vol. 3(2). P. 193-217.

140. Ferraresi F. La destra radicale. Milano: Feltrinelli, 1984. – 275 p.

141. Focardi F. Il cattivo tedesco e il bravo italiano. La rimozione delle colpe della seconda guerra mondiale. Roma: Bari, 2016. – 243 p.

142. Formigoni G. Storia essenziale dell’Italia repubblicana. Bologna: il Mulino, 2021. – 248 p.

143. Forte S. Ordine Nuovo parla. Scritti, documenti e testimonianze. Milano: Mursia, 2020. – 317 p.

144. Galati V. La Democrazia Cristiana. Verona: Nuova Accademia Editrice, 1955. – 143 p.

145. Gambarotta P. Uomo Qualunque: The Transnational Making of Italian Postwar Populism // The Italianist. 2019. Vol. 39. P. 44-63.

146. Gambino A. Storia del dopoguerra. Dalla Liberazione al potere DC. Vol. I. Roma-Bari: Editori Laterza, 1978. – 252 p.

147. Gilbert M. F., Nilsson K. R. Historical Dictionary of Modern Italy. Plymouth: SCARECROW PRESS, 2007. – 508 p.

148. Giovagnoli A. Il partito italiano. La Democrazia cristiana dal 1942 al 1994. Roma-Bari: Laterza,1996. – 342 p.

149. Giovannini C. La Democrazia Cristiana dalla fondazione al centro-sinistra (1943-1962). Firenze: La Nuova Italia Editrice, 1978. – 187 p.

150. Griner M. Anime nere. Milano: Sperling&Kupfer, 2014. – 357 p.

151. Guarasci R. Archivi e sistema informativo nella Democrazia Cristiana, 1943-1993. // Atlanti. 2007. Vol. 17. № 1-2. P. 239-245.

152. Ianona M. Il ballo di S. Stefano. La nascita del Movimento Sociale Italiano. Catania: Algra Editore, 2020. – 103 p.

153. Ignazi P. Il Polo escluso. Profilo del Movimento Sociale Italiano. Bologna: il Mulino, 1989. – 414 p.

154. Ignazi P. Postfascisti? Dal Movimento sociale italiano ad Alleanza nazionale. Bologna: il Mulino, 1994. – 121 p.

155. Kogan N. A political history of postwar Italy. New York: Praeger, 1966. – 252 p.

156. Kogan N. L'Italia del dopoguerra. La storia politica dal 1945 al 1966. Bari: Laterza, 1968. – 283 p.

157. Lepre A. Dal crollo del fascismo all'egemonia moderata. Napoli: Guida, 1973. – 346 p.

158. Lepre A. La svolta di Salerno. Roma: Editori Riuniti, 1966. – 159 p.

159. Lepre A. Storia della Prima Repibblica. L'Italia dal 1943 al 1988. Bologna: il Mulino, 1999. – 413 p.

160. Magri F. La Democrazioa Cristiana in Italia. Vol. I. Milano: Editrice la Fiaccola, 1954. – 421 p.

161. Mammarella G. Il Partito comunista italiano 1945-1975 dalla Liberazione al compromesso storico. Firenze: Valecchi, 1976. – 286 p.

162. Mammone A. Gli orfani del duce. I fascisti dal 1943 al 1946 // Italia contemporanea, giugno-settembre. 2005. №. 239-240. P. 249-274.

163. Mammone A. Transnational neofascism in France and Italy. New York: Cambridge University Press, 2025. – 281 p.

164. Meriggi S. Studio storico-politico della destra italiana dal dopoguerra ad oggi. Dissertazione (Storia) PhD. Università di Szeged, 2006. – 231 p.

165. Montanelli I., Cervi M. L'Italia del miracolo. Dal 14 luglio 1948 al 19 agosto 1954. Milano: RCS, 2006. – 431 p.

166. Montanelli I., Cervi M. L'Italia della Repubblica. Dal 2 giugno 1946 al 18 aprile 1948. Milano: Rizzoli, 1985. – 271 p.

167. Montanelli I., Cervi M. L'Italia disfatta. Milano: Rizzoli, 1983. – 458 p.

168. Montanelli I., Cervi M. L'Italia negli anni di piombo (1965-1978). Milano: Rizzoli, 2013. – 272 p.

169. Montanelli I., Cervi M. La Guerra civile. Milano: Rizzoli, 1984. – 413 p.

170. Murgia P.G. Il vento del Nord. Storia e cronaca del fascismo dopo la Resistenza (1945-1950). Milano: Sugar&Co edizioni, 1975. – 427 p.

171. P. H. H. Rockskilde. Review on: Daniel Ganser. NATO's Secret Armies: Operation "Gladio" and Terrorism in Western Europe. London: Frank Cass, 2005. – 315 p. // The Journal of Intelligence History. Vol. 5. № 1. 2005. URL: https://web.archive.org/web/20070826145603/http://www.intelligence-history.org/jih/reviews-5-1.html . (дата обращения: 28. 03. 2025).

172. Pallotta G. Il Qualunquismo e l'avventura di Guglielmo Giannini. Milano: Bompiani, 1972. – 181 p.

173. Parlato G. Evola e la politica nel secondo dopoguerra // Evola e la sua eridità culturale (Atti del convegno "L'eredità di Julius Evola" Sala Alessandrina dell'Accademia dell'Arte Medica Roma, 29 novembre 2014). P. 143-162.

174. Parlato G. Fascisti senza Mussolini. Le origini del neofascismo in Italia 1943-1948. Bologna: il Mulino, 2006. – 438 p.

175. Parlato G. La destra neofascista // Luglio 1960. Le tensioni del cambiamento. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2023. P. 343-370.

176. Parlato G. La destra, la laicità dello Stato e il giudizio sul mondo cattolico negli anni cinquanta // Cattolicesimo e laicità. Politica, cultura e fede nel secondo Novecento. Brescia: Morcelliona, 2015. P. 133-147.

177. Parlato G., Ungari A. Le destre nell'Italia del Secondo dopoguerra. Dal qualunquismo ad Alleanza nazionale. Soveria Manelli: Rubettino, 2021. – 280 p.

178. Pasquino G., Valbruzzi M. Sovereignty in the Italian polling booths // Journal of Modern Italian studies. 2019. Vol. 24. № 5. P. 641–647.

179. Pautasso G. A. Il filosofo in prigione. Documenti sul processo a Julius Evola. Milano: OAKS editrice, 2021. – 285 p.

180. Preda G.,Tedeschi M. Il Ventennio della pacchia. Milano: il Borghese, 1971. – 367 p.

181. Ragionieri E. La Terza Internazionale e il Partito comunista italiano. Torino: Piccola Biblioteca Einaudi, 1978. – 412 p.

182. Rao N. Trilogia della celtica. Milano: Sperling&Kupfer, 2014. – 1088 p.

183. Rees Ph. Biographical dictionary of the extreme right since 1890. Cambridge: Harvester Wheatsheaf, 1990. – 418 p.

184. Riccardi A. Roma "città sacra"? Dalla Conciliazione all'operazione Sturzo. Milano: Vita e Pensiero, 1979. – 414 p.

185. Rossi A. Figlio del mio tempo. Roma: Romana libri alfabeto, 1969. – 289 p.

186. Rossi G. Alternativa e doppiopetto. Roma: ISC, 1992 – 283 p.

187. Sasson D. Togliati e la via italiana al socialismo. Torino: Piccola Biblioteca Einaudi, 1980. – 405 p.

188. Secchia P. Il Partito comunista italiano e la guerra di liberazione. 1943-1945. Milano: Feltrinelli, 1973. – 1142 p.

189. Sereni E. Il mezzogiorno all'opposizione: Dal taccuino di un ministro in congedo. Torino: Einaudi, 1948. – 165 p.

190. Setta S. L'uomo qualunque (1944-1948). Bari: Edizione Laterza, 1975. – 342 p.

191. Spriano P. Storia del Partito comunista italiano. La Resistenza. Togliatti e il partito nuovo. Torino: Einaudi, 1975. – 563 p.

192. Streccioni A. A destra della destra. Dentro e fuori l'Msi, dai FAR a Terza Posizione. Roma: Settimo Sigillo, 2006. – 237 p.

193. Tarchi M. Authoritarian Past and Democracy in Italy // South Europe, Society and Politics. Vol. 15. № 3. P. 377-393.

194. Tarchi M. Esuli in Patria. I fascisti nell'Italia repubblicana. Parma: Ugo Grande ed., 1995. – 93 p.

195. Tarchi M., Carioti A. Le tre età della fiamma: La destra in Italia da Giorgio Almirante a Giorgia Meloni. Milano: Solferino, 2024. – 448 p.

196. Tarchiani A. America-Italia. Le dieci giornate di De Gasperi negli Stati Uniti. Milano: Rizzoli editore, 1947. – 163 p.

197. Tassone M. Neofascismo e R.S.I. Il "mito" della Repubblica Sociale Italiana nella pubblicistica e nella memorialistica fascista. Roma: Settimo Sigillo, 2008. – 235 p.

198. Tedeschi M. Fascisti dopo Mussolini. Le organizzazioni clandestine neofasciste 1945-1947. Roma: L'Arnia, 1950. – 185 p.

199. Tondi A. Vaticano e neofascismo. Roma: Edizione di cultura sociale, 1952. – 99 p.

200. Tonietto N. La genesi del neofascismo in Italia. Dal periodo clandestino alle manifestazioni per Trieste italiana (1943-1953). Firenze: Le Monnier, 2019. – 357.

201. Tonietto N. Un colpo di stato mancato? Il golpe Borghese e l'eversione nera in Italia URL: https://www.studistorici.com/2016/09/29/tonietto_numero_27/ (дата обращения: 28.03. 2025).

202. Tranfaglia N. Come nasce la Repubblica. La mafia, il Vaticano e il neofascismo nei documenti americani e italiani. 1943/1947. Bergamo, 2004. – 444 p.

203. Ungari A. Tra radicalismo e inserimento nel sistema. Le destre italiane del secondo dopoguerra // Annali 1999. P. 267-282.

204. Valentini I. La destra radicale fra progettualità e terrorismo: il lungo itinerario ideologico dal neofascismo all'anarchismo di destra // Annali 2004-2005. P. 401-431.

205. Veneziani M. De Felice restituì il Fascismo all'Italia // Annali della Fondazione Ugo Spirito. XXXII. P. 21-23.

206. Vercelli C. Neofascismo in grigio. La destra radicale tra l'Italia e l'Europa. Torino: Einaudi, 2021. – 128 p.

207. Vercelli C. Neofascismi. Torino: Edizione del Capricorno, 2018. – 188 p.

208. Villani S. L'eccidio di Schio. Luglio 1945: una strage inutile. Milano: Mursia, 1994. – 125 p.

Приложения

Приложение 1. Компаративный анализ идейно-политических позиций партий антифашистского Сопротивления

	Идейно-философский фундамент	Понимание демократии	Социальная опора	Форма правления	Экономическая политика	Организация местной власти	Отношение к религии	Международные отношения
ИСП П. Ненни [796]	Основу составляет учение Маркса и идеи русских «революционных социалистов» (Бакунин, Ленин). Классовый	Демократия понимается как широкая система представительства рабочего класса и крестьянства. Для создания	Социальной опорой, исходя из текстов речей, является крестьянство и рабочие, при чем крестьянство является	Республика	Национализация крупной промышленности, ликвидация латифундий и создание мелких земельных хозяйств. Последующ	КНО как орган, контролирующий работу местных органов.	Негативное, материализм	Поддерживать отношения с СССР и социалистическим миром

[796] Nenni P. Il Centenario del “Manifesto” di Marx e di Engels. Roma, 1948; Nenni P. Intervista sul socialismo italiano. Bari, 1977; Nenni P., Emiliani P.. Dieci anni perduti. Cronache del socialismo italiano (1943-1953). Pisa, 1953.; Nenni P. Una battaglia vinta. Roma, 1946.

	подход и материализм.	подлинно демократической общества необходима переформатирование политической системы.	номинальной опорой, т.к. основная риторика вращается вокруг вопросов, связанных с рабочими. (вероятно, это связано со старыми дофашистскими партийными традициями		ее введение плановой экономики.			
ИСП Дж. Сарагата[797]	Основу составляет марксизм в сочетании с	Демократия отражает тождественность	Социальная опора – граждане с	Республика	Поддержка частной инициативы,	Рабочие коллективы как политиче	Терпимое,	Поддерживать

[797] Saragat G. Quaranta anni di lotta per la democrazia. Milano, 1966; Saragat G. Verso la democrazia // Mercurio. Anno I. N. 2. 1944; Saragat G. Il discorso di palazzo Barberini (12 gennaio 1947). URL: https://files.spazioweb.it/77/bb/77bb1429-b0ef-4dce-b385-0036d20d8894.pdf (дата

	гуманистическим демократизмом и гражданственностью, которые воспринимаются как эволюция марксистского учения.	интересов трудящихся и общечеловеческих ценностей. Демократия означает широкую вовлеченность в политику всех трудящихся масс.	чувством гражданственности		ликвидация латифундий, демократизация управления на производствах.	ская ячейка. (?)	материализм	отношения с демократическими режимами.
ИКП П.Тольятти[798]	Марксизм, ленинизм. Сильное влияние сталинской политической системы, напоминаю	Концепция «прогрессивной демократии», согласно которой, в политике	Рабочие массы	Республика	Национализация крупных предприятий, ликвидация латифундий, создание	Вся власть должна формироваться вокруг КНО, фактичес	Терпимое, материализм	Поддерживать тёплые отношения с СССР,

обращения: 10.07.2024); Intervista a colloquio con Saragat // Archivio Luce. URL: https://patrimonio.archivioluce.com/luce-web/detail/IL5000009836/2/-6927.html (дата обращения: 31.07.2024).

[798] Тольятти П. Речи в Учредительном собрании. М., 1959; Togliatti P. Avanti, verso la democrazia! Mosca, 1945; Togliatti P. Opere scelte. Roma, 1974; La Rinascita. 1944 № 1; 1947 № 1, № 2, 4, 6; 1969 № 49; 1973 № 38; L'Unità. 23 gennaio 1947, 24 gennaio 1947, 20 maggio 1947, 5 settembre 1969, 23 febbraio 1971.

	щей демократический централизм в партии.	главным образом должны присутствовать рабочие массы страны, составляющие ее костяк. Классовое понимание демократии. Демократические процедуры рассматриваются как вынужденный инструмент для получения власти.			мелких земельных хозяйств. Плановая экономика невозможна.	кое создание системы советов на основе производственных коллективов.		Югославией и ближними странами, нейтральные отношения с демократиями.

ХДП А. Де Гаспери[799]	Христианская социальная доктрина.	Концепция органичной демократии, реконструкция дофашистской парламентской системы. Демократия понимается как первичная основа политической системы, без которой невозможно ее	Социальной опорой являются широкие слои населения, крестьяне, рабочие. Из-за отсутствия классового подхода в организации партии и ее пропаганды, основной упор делается	Нет однозначной позиции. Вопрос отдан на решение народа. Внутри самой партии большая часть ее членов выступали за республику. Сторон	Необходимо выстраивать отношения со старыми классами, промышленниками и землевладельцами, однако задача новой власти задача в том, чтобы ограничить на системном уровне их произвол. Т.о.,	Ликвидация КНО, местная власть традиционно принадлежит коммунам	Поддержка католицизма как ключевой основы итальянского общества.	Активное взаимодействие с западными демократиями

[799] Amicizia italo americana il viaggio di De Gasperi negli Stati Uniti. 16.01.1947. URL: https://patrimonio.archivioluce.com/luce-web/detail/IL5000009739/2/-6918.html (дата обращения: 12.08.2024); De Gasperi A. Discorsi politici. Vol. I. Roma, 1956; De Gasperi A. Discorsi politici. Vol. II. Roma, 1956; De Gasperi. M. R. De Gasperi scrive. Corrispondenza con capi di stato, cardinali, uomini politici, giornalisti, diplomatici. Vol. II. Brescia, 1981; Le idee ricostruttive della democrazia cristiana. Roma, 1943; Il Popolo. 12 settembre 1944, 4 marzo 1945, 12 maggio 1946, 5 novembre 1946, 1 agosto 1947.

		нормальное функционирование.	на культурную и историческую идентичность, выходящую за рамки классов.	никами монархии были последователи Л. Стурцо.	политика должна быть направлена на создание «легально-рациональной» системы, без ее переформатирования.			

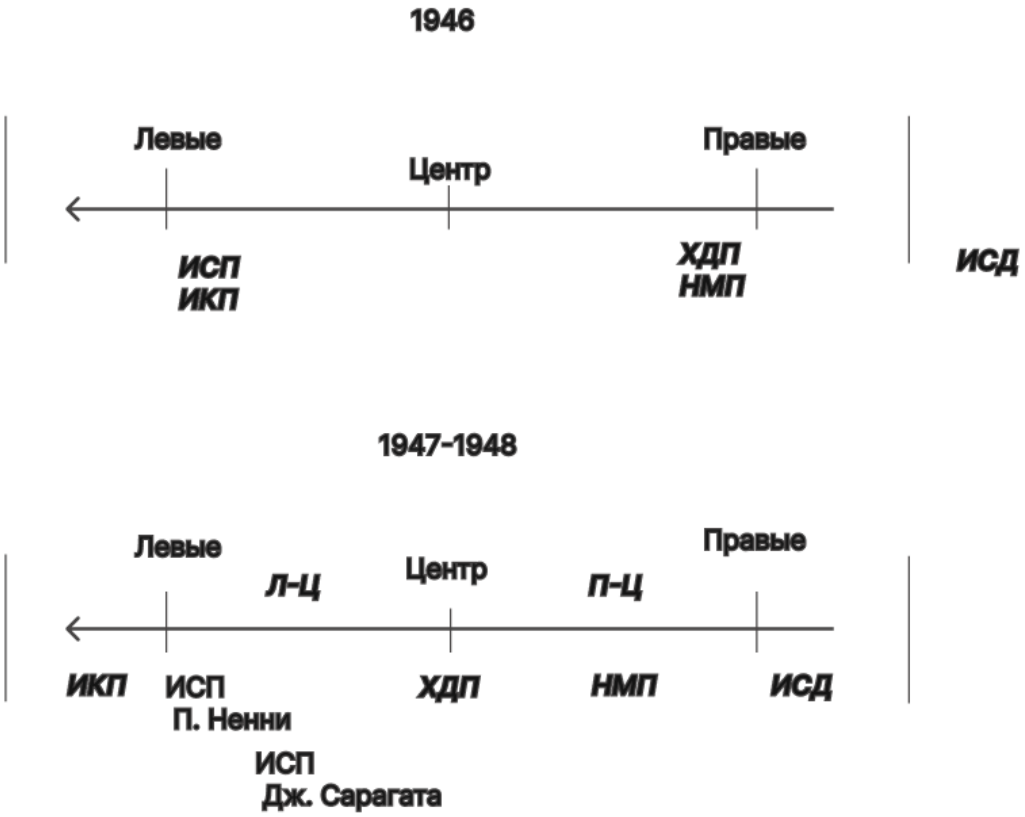
Синий цвет – риторика, характерная для демократических сил.

Красный цвет – риторика, характерная для левых сил.

Серый цвет – общая позиция по вопросам.

Приложение 2.

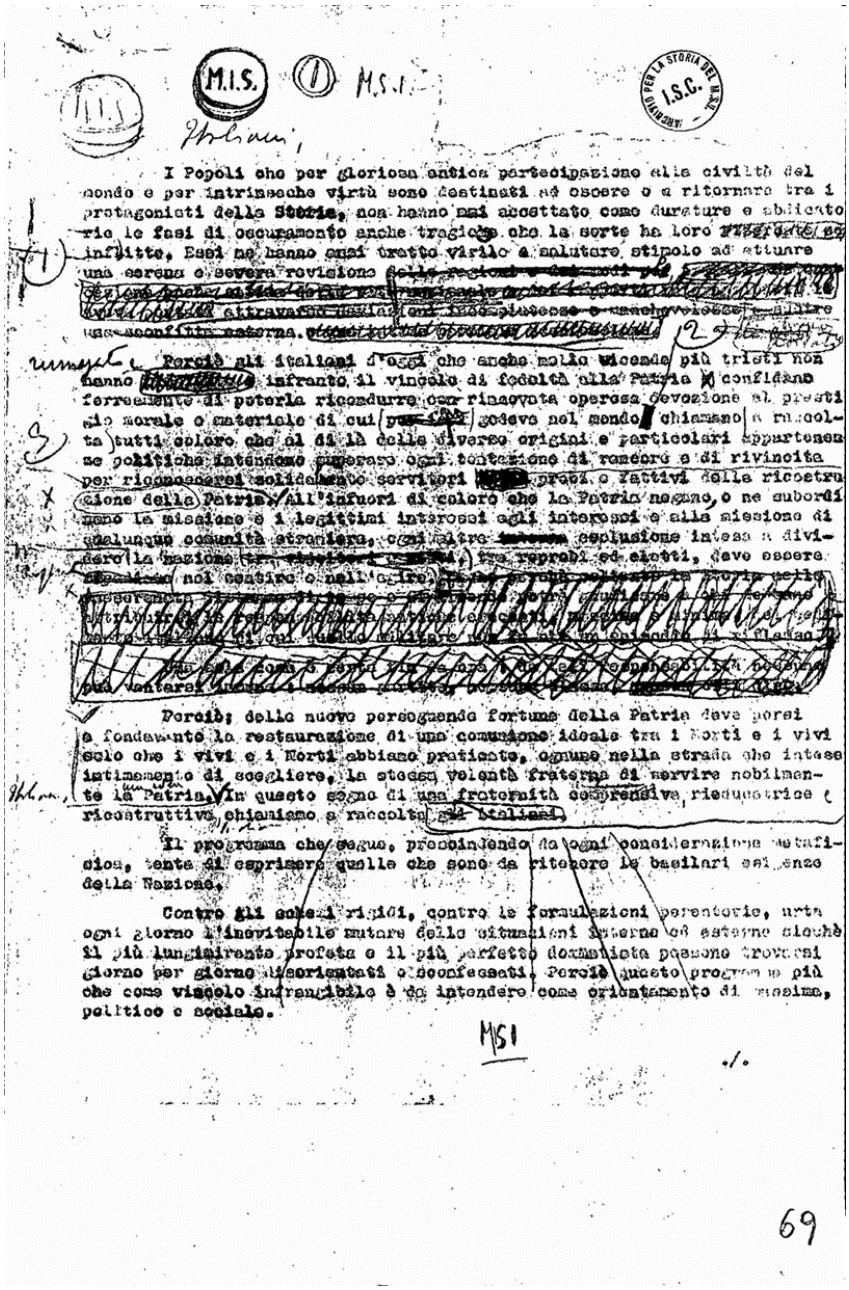
Трансформация итальянского политического ландшафта в 1946-1948 гг. с учётом крупнейших антифашистских партий и партий правого спектра, не входивших в Сопротивление[800]



[800] Схема составлена на основе анализа политических позиций партий антифашистского Сопротивления, выполненного в Главе I настоящей диссертации.

Приложение 3.

Черновой вариант преамбулы к «Программным ориентирам» ИСД. Видны пометки с предварительными названиями формировавшейся партии[801]



M.I.S. (1) M.S.I.

ARCHIVIO PER LA STORIA DEL M.S.I. I.S.C.

Italiani,

I Popoli che per gloriosa antica partecipazione alla civiltà del mondo e per intrinseche virtù sono destinati ad essere o a ritornare tra i protagonisti della Storia, non hanno mai accettato come durature e abilitanti le fasi di oscuramento anche tragiche che la sorte ha loro inflitte. Essi ne hanno anzi tratto virile e salutare stimolo ad attuare una severa revisione [illegible] altravano [illegible] una conflittualità esterna.

Perciò gli italiani d'oggi che anche nelle ricorde più tristi non hanno infranto il vincolo di fedeltà alla Patria confidano ferreamente di poterla ricondurre con rinnovata operosa devozione al prestigio morale e materiale di cui godeva nel mondo, chiamano a raccolta tutti coloro che al di là delle diverse origini e particolari appartenenze politiche intendono superare ogni tentazione di rancore e di rivincita per riconoscersi solidalmente servitori [illegible] e fattivi della ricostruzione della Patria. All'infuori di coloro che la Patria negano, o ne subordinano la missione e i legittimi interessi agli interessi e alla missione di qualunque comunità straniera, ogni altra esclusione intesa a dividere la nazione tra reprobi ed eletti, deve essere [illegible] nel contare e nell'oprare.

Perciò: dalla nuova perseguenda fortuna della Patria deve porsi a fondamento la restaurazione di una comunione ideale tra i Morti e i vivi solo che i vivi e i Morti abbiano praticato, ognuno nella strada che intese intimamente di scegliere, la stessa volontà fraterna di servire nobilmente la Patria. In questo segno di una fraternità comprensiva, riunificatrice e ricostruttiva, chiamiamo a raccolta gli Italiani.

Il programma che segue, prescindendo da ogni considerazione metafisica, tenta di esprimere quelle che sono da ritenere le basilari esigenze della Nazione.

Contro gli schemi rigidi, contro le formulazioni perentorie, urta ogni giorno l'inevitabile mutare delle situazioni interne od esterne affinchè il più lungimirante profeta e il più perfetto dommatista possano trovarsi giorno per giorno disorientati o sconfessati. Perciò questo programma più che come vincolo infrangibile è da intendere come orientamento di massima, politico e sociale.

MSI

./.

69

[801] BiFUS. F. MSI. S. 2. F. 49. P. 69.

Приложение 4.

Статьи «Веронского манифеста» и «10 программных ориентиров»

Веронский манифест (1943)[802]	10 программных ориентиров (1946)[803]
Статья 10. Частная собственность, являющаяся плодом труда и индивидуальных сбережений, как неотъемлемая часть человеческой личности, гарантируется государством. Однако она не должна становиться причиной разрушения физической и моральной целостности других людей через эксплуатацию их труда.	Статья VII. Государство должно признавать за каждым гражданином право на труд, который является основой общества и национального богатства. Индивидуальная собственность, являющаяся результатом сбережений и выполняющая социальную функцию, признается и гарантируется государством.
Статья 12. На каждом предприятии (промышленном, частном, полугосударственном, государственном) представители технических специалистов и рабочих тесно сотрудничают (путем непосредственного ознакомления с управлением) для справедливого установления заработной платы, а также справедливого распределения прибыли между резервным фондом, доходом от акционерного капитала и долей прибыли, предназначенной для работников. Статья 16. Рабочий подлежит обязательному зачислению в соответствующий отраслевой профсоюз, однако это не препятствует его переходу в другой профсоюз при наличии необходимых оснований. Профсоюзы объединяются в единую Конфедерацию, включающую всех работников,	Статья VIII. Полное сотрудничество между различными факторами производства, предоставление профсоюзам статуса и ответственности общественных институтов. Реальное участие работников в управлении предприятием и распределении прибыли. Право каждого гражданина на здоровое и достойное жилище.

[802] Веронский манифест URL: https://larchivio.com/xoom/cartadiverona.htm (дата обращения: 09.10.2025).
[803] BiFUS. Fondo MSI. S. 2. F. 49. P. 86.

технических специалистов и профессионалов, за исключением собственников, не занимающих руководящие или технические должности. Эта организация носит название Всеобщей конфедерации труда, техники и искусств. Сотрудники государственных промышленных предприятий и общественных служб образуют профессиональные профсоюзы, как и все другие работники. Все значительные социальные достижения, реализованные фашистским режимом за два десятилетия, сохраняются в полном объеме. Хартия труда в своей букве закрепляет эти достижения, а в своем духе служит отправной точкой для дальнейшего развития.	
Статья 6. Религией Республики является католическая апостольская римская вера. Все другие вероисповедания, не противоречащие законам, пользуются уважением.	Статья VI. Католическая апостольская римская религия является государственной религией, при этом обеспечивается должное уважение к другим культурам, не противоречащим действующим законам. Отношения между государством и церковью считаются окончательно урегулированными комплексом неразрывных Латеранских соглашений.

Приложение 5

Сравнительный анализ основных резолюций ИСД

	Резолюция «За социальную республику»[804]	Резолюция «За единство движения»[805]	Резолюция «Крайняя правая»[806]
Идеологическая основа	«Левый фашизм»	Прагматический национализм	Традиционализм, эволианство (?)
Отношение к прошлому	Опирается на опыт фашизма, но критикует реакционность фашизма-режима	Критика как либерализма, так и коммунизма	Критика современного общества, возврат к ценностям «традиции»
Экономическая программа	Корпоративизм, государственное регулирование	Сочетание рыночной экономики с государственным регулированием	Корпоративизм, защита национального производства
Политическая программа	Децентрализация власти, участие рабочих в управлении	Сильное централизованное государство, защита национальных интересов	Сильное государство, основанное на иерархических принципах
Социальная политика	Социальная справедливость, защита интересов рабочих	Социальная солидарность, поддержка традиционных ценностей	Социальная иерархия, основанная на традиционных ценностях
Роль государства	Активное участие в экономике и социальной жизни	Сильное централизованное государство	Сильное государство, основанное на иерархических принципах
Международные отношения	Акцент на национальной независимости,	Акцент на защите национальных интересов,	Акцент на национальной идентичности,

[804] Per una Repubblica Sociale // BiFUS. F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 262-265
[805] Per l'unità del Movimento // BiFUS. F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 220-236.
[806] Estrema Destra // BiFUS. F. Cassiano M. S. 2. Sotts. 1. F. 34. P. 246-252.

	критика международных организаций	осторожное отношение к международным организациям	критика либерального международного порядка

Приложение 6

Интервью М. Тарки[807] Д. Сушкову, 27 января 2025 г.

60-е годы:

Как Вы бы описали Италию в 60-е гг. с точки зрения социальных, культурных и политических изменений, способствовавших появлению новых идей, частично приведших к возникновению Новой Правой?

В начале десятилетия Италия всё ещё находилась под влиянием «экономического чуда», которое помогло ей преодолеть трудности послевоенного времени: это была страна, где доминирующие культурные ценности принадлежали мелкой и средней буржуазии, в основном консервативной, политически поддерживавшей Христианскую демократию и считавшей себя католической. Однако через несколько лет начались перемены. Начался экономический кризис, вызвавший реакцию рабочих профсоюзов.

Римская церковь, при понтификате Иоанна XXIII и Втором Ватиканском соборе, сделала поворот в сторону прогрессизма, чтобы справиться с колебаниями в светских слоях общества, где росли требования о «гражданских правах» (например, требования о разрешении разводов).

Война во Вьетнаме и связанные с ней протесты в американских университетах, Культурная революция в Китае и затем майские события во Франции подпитали студенческие протесты и возникновение ультралевых движений, стремившихся свергнуть капиталистическую систему и критиковавших реформизм Итальянской коммунистической партии.

Это привело к ряду изменений у представителей нового поколения: феминизм, сексуальная свобода, использование нового языка, менее связанного с традиционной моралью, и так далее. На тот момент всё это было полностью отвергнуто Итальянским социальным движением (ИСД) и заклеймено как «подрывная деятельность» (sovversione). Однако позже некоторые из этих поколенческих новшеств были приняты передовыми группами молодёжного крыла ИСД, создавшими андерграундный журнал «*La Voce della Fogna»*, который обрёл большую популярность.

Как послевоенное наследие, с его идеологическими расколами и напряженностью, повлияло на возникновение «Новой Правой», отличающейся от неофашизма ИСД?

Решающим фактором стало осознание того, что слепой антикоммунизм и приверженность США и НАТО были недостаточным ответом на кризис, который переживало итальянское общество и мир, и что они губили надежды на появление «третьего пути», альтернативного как капитализму, так и коллективизму.

---

[807] М. Тарки (1952) – итальянский политолог и публицист, в прошлом активный деятель т.н. «Правой альтернативной культуры», вдохновитель правых молодёжных фестивалей “Campi Hobbit” 1970-1980 гг. и главный идеолог итальянских «Новых правых», основатель журналов «La Voce della fogna», «Elementi» и «Diorama letterario».

На Ваш взгляд, какие внутренние аспекты или недостатки ИСД в 60-х годах побудили некоторых искать новые пути? Чувствовали ли Вы себя частью авангарда, бросающего вызов жесткости партии?

В 1960-х ИСД критиковали за его существенную пассивность и роль «запасного колеса» Христианской демократии. С 1969-1970 гг. начался пересмотр слепого национализма партии и её атлантизма, который делал Западную Европу зависимой, равно как и страны Восточного блока. Конечно, мы чувствовали себя авангардом в этом процессе.

Какие были первые группы, кружки или журналы, положившие начало формированию контркультуры Новой Правой в те годы? Каков был их идеологический и культурный профиль?

Речь идет о 1970-х гг. Помимо уже упомянутого «*La Voce della Fogna»*, созданного в декабре 1974 г., изданиями, которые начали продвигать идеи французской «Новой Правой» (первая волна контактов произошла в 1973 г.), были «*Diorama Letterario»* (появился в октябре 1976 г. как циклостиль, а с 1978 г. стал печатным изданием) и «*Elementi»*, в основу которого лёг французский журнале *Éléments*, первые выпуски которого (три номера) вышли в 1977-1978 гг. Вокруг этих изданий, а также небольших листовок, распространяемых в разных городах группами активистов и лидерами молодёжного крыла ИСД, начали формироваться клубы, организовывавшие конференции, дебаты, книжные выставки. Некоторые из них имели собственные помещения (но таких было немного: во Флоренции, Милане, Римини, Падуе и ещё нескольких городах).

Как «контркультура» 60-х годов, со своей критикой системы и общества потребления, повлияла на «Новую Правую»? Какие её аспекты были восприняты и переосмыслены?

Это было косвенное и ограниченное влияние. Безусловно, определённый резонанс имела критика потребления ситуационистов, а также первые экологические движения. Но речь шла не об имитации, а о взаимопроникновении: некоторые элементы этой «альтернативной» культуры (рок-музыка, авторское кино, комиксы, фэнтези-литература) начали постепенно вызывать интерес, которого раньше не было.

Каковы были основные критические замечания первых теоретиков и активистов Новой Правой в адрес политической и социальной системы того времени? Что они предлагали в качестве альтернативы?

Предложения были довольно общими, поскольку существовало осознание того, что, находясь в маргинальной оппозиции, их невозможно реализовать. В основном говорилось о необходимости вернуть чувство сакрального и восстановить корни европейской культуры, подчеркивая уникальность культур различных народов континента. Критика была направлена против потребительства, индивидуализма, социального эгоизма, материализма и, прежде всего, стандартизации мышления и поведения, характерных для неокапиталистического общества.

Какова была роль «Нового Порядка» в формировании молодежи 1960-х годов? Можно ли говорить о его «образовательном влиянии» на

послевоенное поколение? Если да, то в чем состояли наиболее значимые новшества?

Если говорить о Центре исследований под руководством Пино Раути, то можно сказать, что он оказал влияние своими публикациями, особенно после возвращения части его представителей в ИСД в ноябре 1969 г., что привело к созданию внутренней фракции в партии. Многие будущие представители Новой Правой сформировались в этой среде, где, например, впервые проявился интерес к экологическим темам.

Исторический контекст и отношения с ИСД

Какие существовали основные интеллектуальные течения и ключевые фигуры, повлиявшие на возникновение и развитие Новой Правой в Италии?

Французская Nouvelle Droite и особенно фигура и работы Алена де Бенуа оказали огромное влияние, заменив более раннее влияние Юлиуса Эволы. Через Новую Правую усилился интерес к мыслителям, таким как Карл Шмитт, Эрнст Юнгер и другим представителям немецкой «Консервативной революции».

Каковы были основные причины, приведшие к появлению Новой Правой как отдельного феномена, отличного от «Итальянского социального движения»? Это была эволюция или разрыв?

Сначала это была эволюция, затем – разрыв в начале 80-х годов, когда Новая Правая начала организовывать собственные научные конференции и публично высказывать свои идеи, критикуя ностальгические настроения ИСД, её приверженность атлантизму, западничеству и консервативному национализму.

Какие европейские и международные движения и интеллектуалы Новой Правой оказали влияние на итальянскую Новую Правую?

Прежде всего Ален де Бенуа, отчасти – Гийом Фай. Были контакты и обмен идеями с представителями других европейских «филиалов» Новой Правой – в Бельгии, Испании, Великобритании, Германии и других странах, но прямого влияния не было.

Политическая и культурная атмосфера в 70-х и 80-х годах

Как бы Вы описали политическую и культурную атмосферу в Италии в 1970-х и 1980-х годах, когда «Новая Правая» начала укрепляться? Какие факторы способствовали её появлению?

Это был период, когда даже в левых кругах наблюдалось разочарование и недовольство традиционными идеологическими линиями конфликта, а такие трансверсальные явления, как политическая экология, казались способными создать новые культурные синтезы, выходящие за рамки классического противостояния левых и правых. С 1982 г. возникли различные возможности для встреч и обсуждений с представителями «неортодоксальной» левой, хотя они оставались просто собеседниками. В Италии «Новая Правая» вызвала журналистский интерес, так как она представляла собой неожиданное и значительно отличающееся явление от других известных правых движений того времени.

Как «Новая Правая» относилась к доминированию левых того периода? Какие были основные критические замечания и альтернативные предложения?

По отношению к доминирующим левым – в отличие от «еретических» левых – критика была традиционной: антиматериализм, антиколлективизм и антиэгалитаризм. Однако ее также обвиняли в отказе от первоначального антикапиталистического призвания и в уступках либерализму.

Идеологические аспекты

Как в рамках «Новой Правой» определялся и интерпретировался концепт «идентичности»? Это была национальная, культурная или иная идентичность? Каковы были причины окончательной формулировки этого понятия?

Речь шла об этнокультурной идентичности, в первую очередь европейской. Это была плюралистическая идентичность, объединяющая различные корни народов континента.

Как «Новая Правая» относилась к современности и концепту прогресса? Какие аспекты модерности подвергались наибольшей критике?

Она относилась к современности критически, рассматривая её, особенно наследие Просвещения, как момент разрыва с сакральным и трансцендентным измерением, начало процесса распада органических и холистических обществ, основанных на общинных связях, и их замену обществами, характеризующимися индивидуализмом. Линейное прогрессивное видение исторического развития подвергалось критике в пользу «сферической» модели Ницше.

Отношение «Новой Правой» к религии

Какую роль играла религия (в частности, католицизм) в идеологии «Новой Правой»?

Религия не играла значительной роли, в отличие от «Nouvelle Droite», где существовала тенденция к возрождению язычества.

Существовали ли значительные различия между различными фракциями «Новой Правой»? Какие были основные точки расхождения?

Да, существовали разные взгляды, особенно в интерпретации метаполитики. Для одних это означало просто расширение привычного политического дискурса за счёт культурных основ, для других – более глубокую интеллектуальную работу, направленную на влияние на университеты, издательства, СМИ и искусство. Также существовали разногласия по вопросу о том, насколько далеко стоит заходить в отходе от традиционных правых позиций. Были также дебаты между сторонниками языческого мировоззрения и католиками. Однако это были скорее индивидуальные разрывы, а не массовые расколы. Также потому, что некоторые, разочаровавшись в снижении интереса СМИ к «Новой Правой» и уменьшении распространения ее журналов, предпочли вернуться в политику, надеясь получить личное удовлетворение.

Как «Новая Правая» взаимодействовала с институтами Итальянской Республики? Пыталась ли она интегрироваться в систему или оставалась в оппозиции?

Этот вопрос не имел большого значения, поскольку стратегия «Новой Правой» была сосредоточена на метаполитике – воздействии на общественные ценности и культуру, а не на прямом участии в институциональной политике.

Личный опыт

Как произошел Ваш первый контакт с «Новой Правой» в 60-х годах? Каковы были Ваши первые шаги в этом движении?

Я был первым, кто установил и поддерживал контакты с GRECE – французским движением «Nouvelle Droite» – в 1973 году. До этого я состоял во «Фронте молодежи», где занимал пост заместителя национального секретаря с июня 1977 по март 1979 года, и в ИСД, где с 1977 по январь 1981 года входил в Центральный комитет и Национальное руководство. Я принадлежал к фракции Раути с декабря 1969 года. Однако «Новая Правая» никогда не имела официальной структуры, членских билетов или чёткой иерархии.

Какие книги и авторы оказали на Вас наибольшее влияние в период Вашего становления?

В начале – Юлиус Эвола и многочисленные работы о фашистских движениях Европы, как написанные участниками, так и историками. Особенно впечатлила книга «*Les fascismes inconnus»* Мориса Бардеша. Затем, в университете, я изучал труды социологов и политологов, включая Макса Вебера и Джованни Сартори. С другой стороны, важную роль сыграло мое увлечение «*Властелином колец»* Толкина. Однако решающей фигурой для меня стал Ален де Бенуа.

Принимали ли Вы участие в деятельности каких-либо специфических групп или кружков в те годы?

Только в уже упомянутых – ИСД, «Фронте молодежи», Центре исследований «Новый Порядок».

Как бы Вы охарактеризовали свой опыт в ИСД? Почему Вы покинули партию? Вы искали альтернативу или стремились создать что-то совершенно новое?

За почти тринадцать лет активного участия в ИСД я испытал множество чувств – от энтузиазма до разочарования. В конечном итоге это был не я, кто ушел, а партия исключила меня: лично Джорджо Альмиранте объявил о «прекращении моего членства» из-за сатирической статьи о руководстве ИСД, опубликованной в «*La Voce della Fogna»*, которой я руководил. Однако уже за два года до этого у меня был серьезный конфликт с лидерами партии, поскольку я не поддерживал их консервативные и ностальгические установки. Я надеялся создать альтернативу для молодых людей, разделявших мои идеи.

Как Вы способствовали становлению и развитию «Новой Правой»?

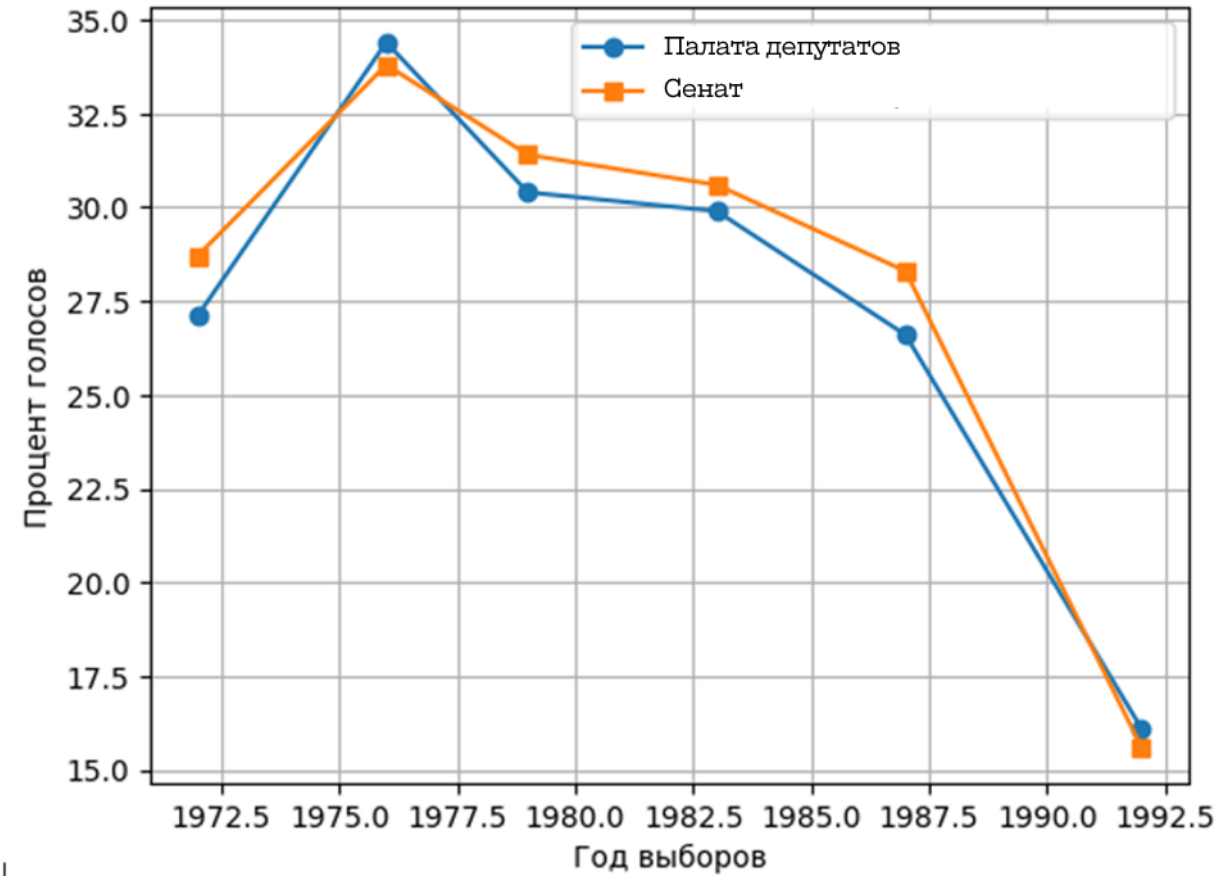
Я популяризировал идеи «Nouvelle Droite», адаптировал и развивал их, организовывал конференции, дебаты, круглые столы, книгоиздательские инициативы. Я создал культурный кооператив для издания журналов и книг, ездил по Италии с лекциями, а главное – думал и писал. Как известно, я был одним из главных идеологов итальянской «Новой Правой».

Можно ли сегодня говорить о каком-либо интеллектуальном или культурном преемстве идей «Новой Правой» в современной политике?

Нет. Наши идеи, несмотря на их актуальность, не были восприняты политическими силами. Мы столкнулись с «резиновыми стенами» системы.

Приложение 7

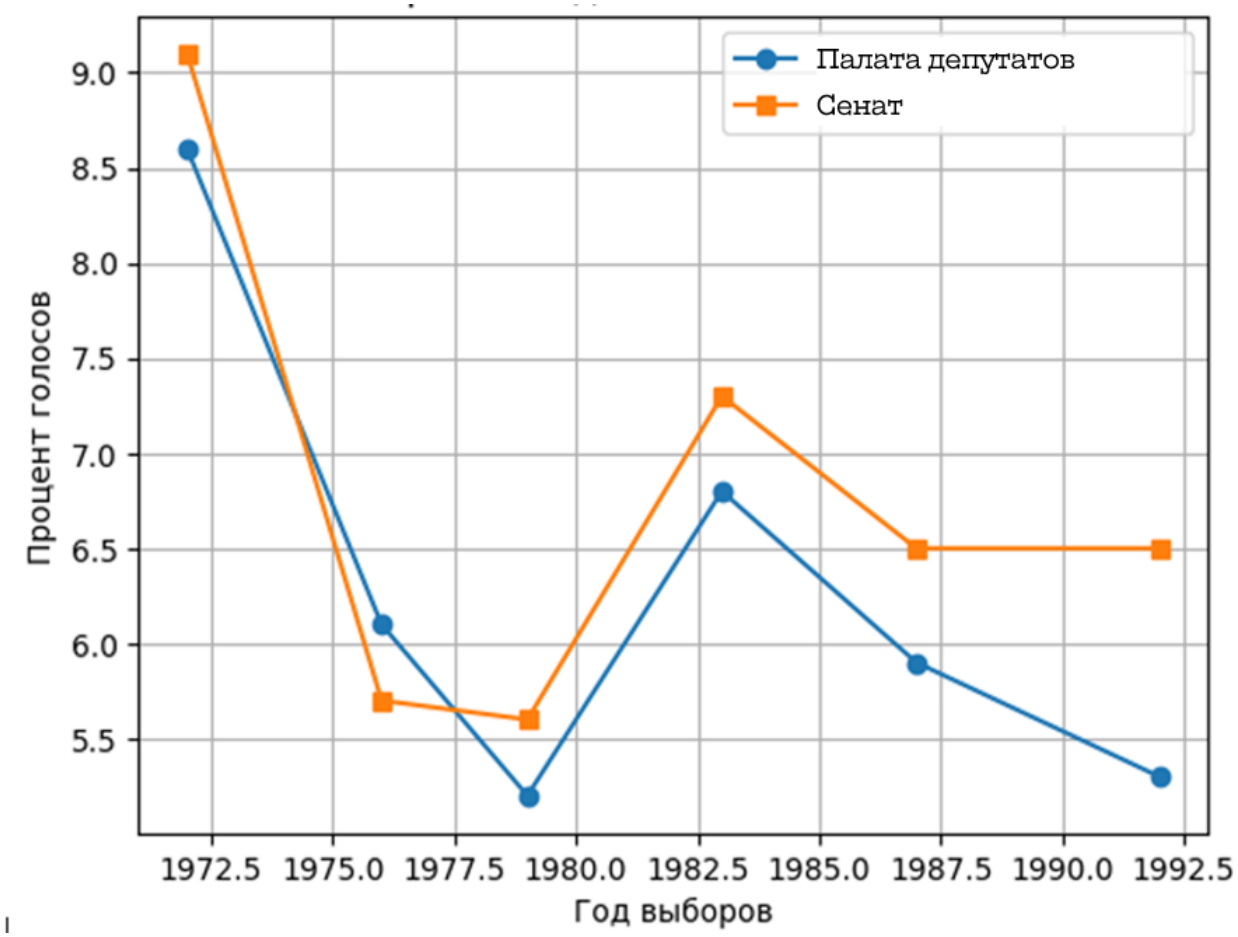
График электоральной динамики ИКП в 1972 – 1992 гг.[808]



[808] Elezioni Camera-Senato 1972, 1976, 1979, 1983, 1987, 1992. URL: https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=C&dtel=0 (дата обращения: 15. 12. 2025).

Приложение 8

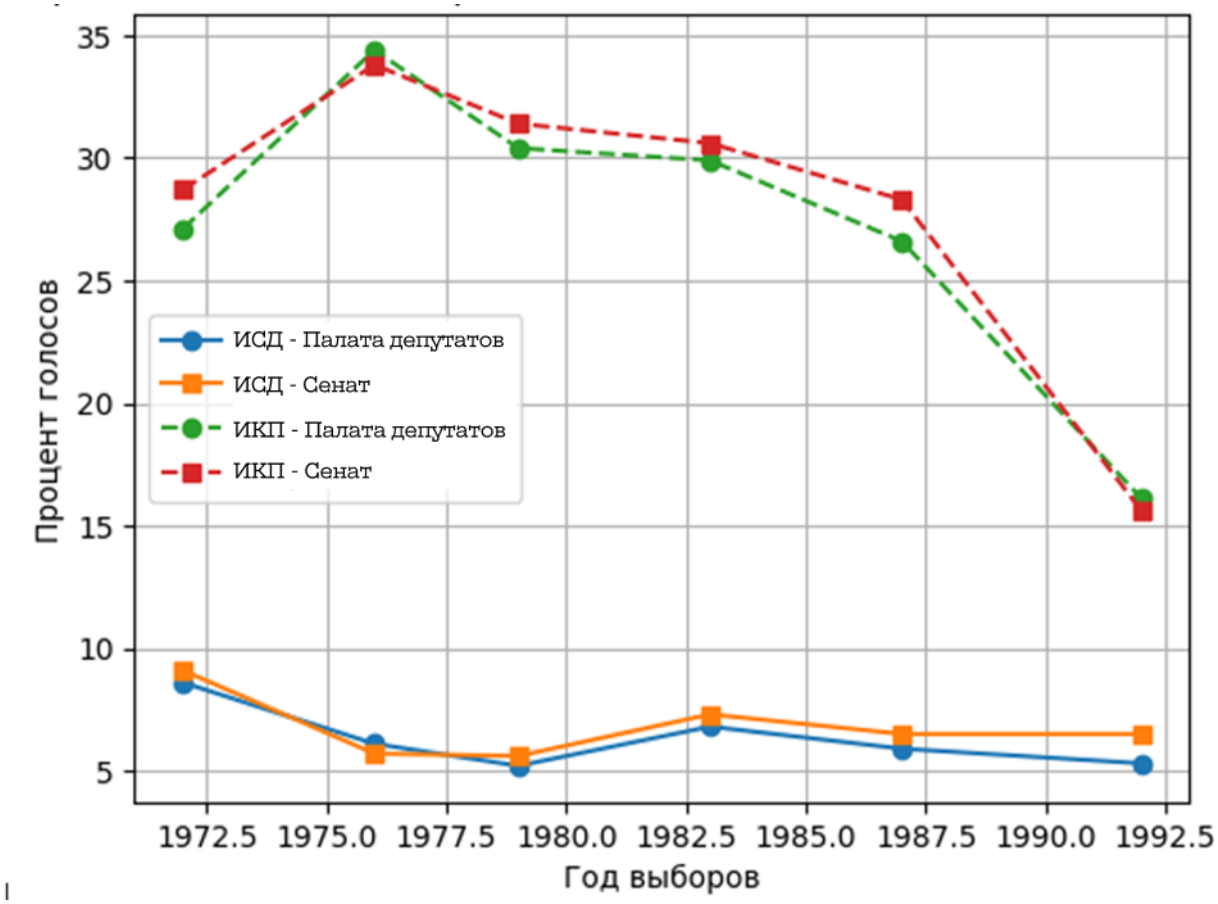
График электоральной динамики ИСД в 1972 – 1992 гг.[809]



[809] Elezioni Camera-Senato 1972, 1976, 1979, 1983, 1987, 1992. URL: https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=C&dtel=0 (дата обращения: 15. 12. 2025).

Приложение 9

Сравнительный график электоральной динамики ИСД и ИКП в 1972 – 1992 гг.[810]



[810] Elezioni Camera-Senato 1972, 1976, 1979, 1983, 1987, 1992. URL: https://elezionistorico.interno.gov.it/index.php?tpel=C&dtel=0 (дата обращения: 15. 12. 2025).